

Александр Николаевич Латкин

Большая Опера

Роман

Екатеринбург – Москва – Санкт-Петербург

Иван Петров решил удавиться.

Настоящее имя Ивана было Сергей. Но он тайно называл себя Иван. Он был большой поклонник Даниила Хармса¹. Читать, правда, он его по российской традиции почти не читал – кто же читает в России Великую Русскую Литературу? Но имя сокровенное – Иван – Петров взял себе из-за Хармса. Ведь только у Хармса можно встретить такое идиотское и такое реальное сочетание «Иван Петров» или «Петр Иванов». Сергей редко вспоминал свое тайное имя, только в самые возвышенные минуты. А поскольку Смерть – дело заведомо возвышенное, о этом Сергей слышал по радио, и, как самостоятельно казалось Сергею, интимное, то Сергей стал Иваном. Ивану было неведомо, что значимые люди перед Смертью часто принимали монашество и меняли имя². Ивану бы очень польстило то обстоятельство, что он встречает Смерть хоть в какой-то степени подготовленным к ней.

О, Смерть! Что мы знаем о Смерти? Она приходит по собственному желанию, и, раз появившись, остается с человеком навсегда. Он может жить потом много лет, но Смерть уже не уходит. Смерть постепенно заполняет человека и ведет его по жизни навстречу себе самой. И не так уж важна причина прихода Смерти. К тому же часто причины и нет вовсе. Так это было с Сергеем. С Иваном.

Отсутствие причины даже поднимало его в собственных глазах. Любому школьнику известно, что Маяковский³ застрелился из-за насморка, Цветаева⁴ повесилась после ссоры с сыном, а Державин⁵, так и не найдя причины для самоубийства, мучился всю свою вельможную жизнь. Всех этих поэтов Иван тоже почти не читал, но сравнивал всегда себя с ними по причине невысказанной литературности. Литературным он был не сам по себе, а вместе со страной, порождавшей шоколад «Сказки Пушкина», фирменный поезд «Тихий Дон» и употребление скрытых поэтических цитат в газетах и очередях. И когда Иван называл одноклассницу еврейку с нетипично русским именем «Татьяна-русская-душою», он не вспоминал хрестоматийный стихотворный текст, а ссылался на газетный заголовок.

¹ Даниил (Карл) Иванович Ювачев, (Хармс, Чардамс, Ххармс, Хаармсь, Дандан, Чармс, Шустерлинг), (1905 – 1942). Советский поэт и драматург. По мнению ряда филологов, его творчество относится к оригинальному русскому стилю – Абсурдному Реализму, созданному Барковым, Пушкиным, Гоголем, Салтыковым-Щедриним, Достоевским, Маяковским, Платоновым, Зощенко, Булгаковым, Венедиктом Ерофеевым.

² Создатель старославянской азбуки Кириллицы (по другой версии – Глаголицы, ставшей основой Кириллицы) византийский церковнослужитель Константин (Философ, Кирилл), (827 – 869), перед Смертью постригся в монахи и взял имя Кирилл, вследствие чего славянский алфавит получил название «Кириллица», а не «Константиница». По мнению ряда историков, смена имени повлияла на судьбу Русской Цивилизации, сделал ее склонной к чиновничеству, поскольку греческое имя Кирилл означает «владыка» и «господин», а заключенное в имени Константин стремление к постоянству и стойкости привело бы ее к мировому господству.

³ Владимир Владимирович Маяковский, (1893 – 1930). Российско-советский поэт, драматург, художник и актер. По мнению ряда филологов, самый влиятельный поэт в Российской Истории, чья поэтика сформировала или уничтожила творчество почти всех русскоязычных поэтов XX в. – к не попавшим под его влияние можно отнести лишь Мандельштама и Ахматову.

⁴ Марина Ивановна Цветаева, (1892 – 1941). Российско-советская поэтесса, прозаик и переводчик. По мнению ряда филологов, после возвращения в СССР из эмиграции попала под сильное влияние Маяковского. По мнению ряда культурологов, сформировала стиль поведения советской и постсоветской женщины, легитимизировав женскую пассионарность, проявляющуюся как истеричность, неуправляемость и бисексуальность. Гвоздь, на котором она повесилась, почитается одной из главных реликвий советской интеллигенции.

⁵ Гавриил Романович Державин, (1743 – 1816). Российский поэт, чиновник и военный служащий. Самый успешный поэт в Российской Истории, добившийся стихами чинов, государственных наград и значительного состояния. В 1804 г. при его участии было разработано «Положение о устройстве евреев» – по одной из версий, придумал название Черта Постоянной Еврейской Оседлости. Предлагал давать российским евреям фамилии типа Промышленный и Замысловатый.

О, причина! Что мы знаем о причине? Что приводит к безумству наших поступков, что делает их благоразумными в глазах окружающих? Как мы можем судить о собственных побуждениях, если наши друзья знают о нас больше, чем мы сами, и в минуты откровений проговариваются и сообщают нам такое о нас, чему невозможно не поверить и с чем дальше немислимо жить? Иван догадывался о запутанности человеческой природы вообще и своей природы в частности. Поэтому он и не пытался искать причину собственного стремления к Смерти. Он просто решил удавиться.

Комната, выбранная в качестве сцены последнего акта, обладала многими театральными достоинствами. Высокий сталинский потолок должен был придать пропорциональность висящему телу будущего самоубийцы – слишком маленькое расстояние между полом и ногами мертвеца могло бы отвлечь предполагаемых зрителей от весомости происходящего. Лепной бордюр по периметру потолка был в меру римского рисунка, что намекало на некую преемственность красоты смертных традиций. Но главным в комнате был крюк.

Изначально крюк предназначался для люстры, пышность которой должен был подчеркнуть лепной круг на потолке. Из центра этого круга и предстояло Ивану броситься в Небытие. В волны Стикса⁶, как сказал бы тот, кто способен в такие минуты мыслить мифологическими категориями. Однако жизнь Ивана сопровождалась иной системой образов. Опера – вот тот мир, реальность существования в котором превозмогала – Ивану очень нравилась натужность этого слова – эфемерную действительность. Любое, самое бестолковое и противоречивое либретто казалось ему логичнее жизненных сюжетов и легко проживалось им, накладываясь на анкетную биографию. Сейчас Иван жил «Волшебной Флейтой» Моцарта⁷ и Шиканедера⁸. Точнее, он ею умирал.

«Папагено⁹ тащит за собой огромную веревку и безнадежно зовет обретенную и вновь потерянную Папагему¹⁰. – привычно цитировал либретто «Волшебной Флейты» Иван. – В приступе отчаяния Папагено собирается повеситься».

Иван взял веревку и начал вязать петлю Линча¹¹.

Технология Смерти, путь Смерти, жизнь Смерти. Мы умеем играть в слова, загоняя в них наше непонимание, наш страх перед реальным смыслом происходящего. Легкий разговор о взаимодействии жизни и Смерти заканчивается демонстрацией осведомленности в отличиях харакири и сэппуку¹². Словно за нашу просвещенность даровано нам бессмертие и не придется

⁶ Стикс. Вместе с Летою, Флегетоном, Ахероном и Кокитосом, одна из древнегреческих мифологических рек, протекавших в подземном царстве мертвых. В современной Греции протекают лишь Ахерон и Кокитос.

⁷ Иоганн Хризостомус Вольфганг Теофилус (Амадей) Моцарт, (1756 – 1791). Наряду с Бахом и Чайковским самый исполняемый композитор в Истории.

⁸ Эмануэль Шиканедер, (1751 – 1812). Немецко-австрийский певец, импресарио, либреттист, масон. По мнению ряда культурологов, сформировал тип поведения современного продюсера. Незадолго до премьеры оперы «Волшебная Флейта» переделал ее либретто, поскольку в другом театре вышла опера с похожим сюжетом. Все доходы от постановки вложил в создание лучшего по техническому оснащению театра Вены, разорился. Перед Смертью сошел с ума.

⁹ Папагено. Персонаж оперы «Волшебная Флейта», баритон. На премьере оперы в 1791 г. партию Папагено пел Эмануэль Шиканедер.

¹⁰ Папагена. Персонаж оперы «Волшебная Флейта», сопрано.

¹¹ Петля Линча. Морской узел в виде самозатягивающейся петли. Висельный вариант назван в честь либо полковника из Вирджинии, либо капитана из Пенсильвании. По мнению ряда культурологов, для советских подростков – один из главных брендов США: искусство вязания петли передавалось в пионерских лагерях.

¹² Харакири и Сэппуку. По мнению ряда культурологов, советские мальчишки делились на сторонников двух версий: умные утверждали, что «харакири» – это разговорное, а «сэппуку» – письменное название ритуального самоубийства благородного японца; романтичные считали, что харакири – это неудачная попытка сэппуку, а сэппуку – удачная попытка харакири.

на себе испытывать великую пошлость Смерти, пошлость, которую невозможно преодолеть без спокойных мыслей не только о том, что Смерть придет, но и о том, как она придет. Готовность к Смерти не только в идеологическом смысле, но и в мелочах конкретного действия – вот что отличает настоящего философа, не допускающего сиюминутную пошлость в воспоминания о себе умершем. Рассуждения подобного рода могли быть последней причиной отказа от смертельной затеи. Боязни пошлости обязаны мы многими минутами благоразумия. Однако действия Ивана приобрели уже ту инерцию, когда кажется, что малейшая пауза повлечет за собой вселенскую катастрофу.

«В приступе отчаяния Папагено собирается повеситься». – повторил Иван и проверил прочность крюка, повисев на нем держась одной рукой. Крюк был хорош.

«Петля уже у него на шее, но три Мальчика-Гения¹³ останавливают его. Минуточку. Не стоит торопить события. – Иван привязал веревку с петлей к крюку. – Петля еще не на шее. И этих болванов-гениев на этот раз не будет. От гениев, как известно, один вред».

Иван подставил под петлю стул и хотел было уже начать главное действие.

«Закончить. – поправил себя Иван. – Ничто не готовит нас к Смерти. Даже русский язык не ведет нас к ней».

Но несурзность стула остановила Ивана.

«Табурет, только табурет, и не иначе!» – воскликнул он, кинувшись на кухню.

«По совету Мальчиков-Гениев Папагено играет на волшебных колокольчиках». – заученно бормотал Иван, быстро замещая стул табуретом.

«Колокольчики! Музыка! Ну что же это я!» – в отчаянии крикнул он, метнувшись к музыкальному устройству.

Громкие, чудовищно громкие аккорды увертюры «Волшебной Флейты» сопроводили обратный бросок Ивана к табурету. Иван вскочил на него и увидел, что нижний край петли находится на уровне его носа. Приподнявшись на цыпочках и вытянув шею, Иван натянул одной рукой петлю на подбородок, сдвигая другой рукой узел петли к затылку. Вдруг по непонятным техническим причинам музыка сменилась. На огромной скорости, но странным образом различимая для слуха Ивана, пронеслась ария Папагено «Der Vogelfanger bin Ich ja»¹⁴.

Беспечность птицелова Папагено, его петля для ловли птиц и петля Ивана, совершенно по-русски звучащая модалная частица «ja», неожиданно украинская присказка в арии «Гоп-Ца-Ца», непристойно-реалистичный немецкий язык и откровенно итальянская музыка образовали такую невыносимую мешанину, что Иван заорал: «Быстрее! Вон отсюда! Бежать!» – и прыгнул вперед с табурета, одновременно толкнув его пятками назад.

Страшным маятником Иван закачался под потолком.

И тогда он увидел Ангела.

Внешность Ангела ничего ангельского не представляла. Не нам судить, откуда взялся стандарт на изображение Ангела. Во всяком случае, наличие крыл в этом стандарте говорит о появлении образа Ангела и закреплении его в общественном сознании в пернатом виде в эпоху, когда высота помыслов и деяний связывалась с высотой воздушной – видимо вследствие ее

¹³ Мальчики-Гении. Персонажи оперы «Волшебная Флейта». 1-й мальчик – сопрано, 2-й мальчик – меццо-сопрано, 3-й мальчик – альт. Обычно их играют худосочные певицы, которые не смогли пробиться в солистки.

¹⁴ Der Vogelfanger bin Ich ja. Я же птицелов (нем.).

недоступности. Принадлежностью Ивана к эпохе более циничной как в воздухоплавательном, так и в идейном смыслах можно объяснить отсутствие у Ангела, ему явившегося, какой бы то ни было крылатости.

Наивно ожидать от современного человека, привыкшего решать проблемы нажатием кнопки, серьезного разговора с существом, покрытым, пусть и частично, перьями. Но оправдать подобными доводами небритость коротко остриженного мужчины средних лет в старых джинсах, давно нечищенных ботинках и черной майке, а именно таковым и был Ангел, достаточно трудно. Даже если это действительно Ангел.

Последнее обстоятельство не вызывало у Ивана сомнения, хотя скучающий взор Ангела мог породить некоторое удивление. Однако, наверное, именно так и должен смотреть тот, кто уверен в неизбежности победы Добра над Злом, но знает о теоретически бесконечной отдаленности такой победы. Иван находился в подвешенном – он усмехнулся идиотству и верности каламбура – состоянии, и только два существа могли встретиться ему между Жизнью и Смертью: либо Ангел, либо Дьявол. Взгляд же Дьявола, видимо, должен быть более азартным и живым по причине наличия в его действиях интриги, вызванной незнанием будущего и, следовательно, надеждой на, пусть и незначительный, результат.

Сомнений быть не могло, перед Иваном на табурете сидел Ангел. И он хмуро спросил Ивана:

«Ну что, худо тебе?»

«Худо. – смутившись ответил Иван. – Потому и вешаюсь».

«А причину не знаешь?» – почти без вопросительной интонации произнес Ангел.

«Далась вам всем эта причина».

«Конечно, далась. А тебе вот и не далась. – в голосе Ангела прозвучало легкое издевательство. – Знал бы причину, может вешаться бы не стал. Засвистал бы счастливо. Как Папагено, отказавшись от вечного блаженства».

«Я не такой идиот, чтобы как Папагено, поверить в вечное блаженство и отказаться от него».

«А ты конечно не веришь». – Ангелу явно было скучно.

«Не верю. – осторожно пробормотал Иван. – А что, стоит верить?»

«Тебе не кажется, что ты несколько опоздал с подобного рода вопросами? К тому же, вопросы эти вообще задавать бессмысленно. Каждый из нас ведет с Провидением свою игру. И у каждого своя вера. И своя причина». – произнес Ангел с интонацией старого прапорщика, цитирующего Устав Гарнизонной Службы.

«И у тебя тоже есть причина?» – спросил Иван.

«И у меня».

«А какая?»

«Однозначность».

Ивану стало весело:

«Так можно сказать о предмете. О табуретке, например».

«Болван. Не в твоём положении шутить». – бесстрастно произнес Ангел.

«А мне уже все равно. Я ведь повесился».

«Слушай, Иван. Давай договор с тобой заключим». – в глазах Ангела мелькнул интерес и сразу же погас.

«Я думал, договор можно только с Дьяволом заключить».

«Как раз с Дьяволом торговаться смысла нет. Там сам факт подписания договора – уже проигрыш. Со мной же все по-другому».

«А просто так, без договора нельзя? Ты же Ангел, добрым должен быть».

«Перед лицом Смерти никто никому и ничего не должен». – Ангел встал, и Иван увидел, что лицо его изменилось. Это было лицо воина.

«Тебе легко говорить перед лицом моей Смерти».

«У каждого своя причина. И своя Смерть». – четко проговорил Ангел. Иван почувствовал, что он действительно умер. И ему стало страшно.

В этот момент на пределе слышимости зазвучал звук. Звук, подобный тому, что начинает увертюру к «Травиате». Так вибрирует воздух над симфоническим оркестром, тянущим одну ноту.

И в этой почти тишине Ангел произнес: «При невыполнении тобой условий договора ты опять вешаешься. В другом случае ты будешь лишен причины Смерти и обретешь причину Жизни. Но для этого ты должен найти Главного Врага и убить его».

Страшным маятником Иван закачался под потолком. Петля, сдавив горло, так натянула кожу на лице, что из оскаленного рта вывалился язык, и глаза выпучились, словно от безумного удивления. Ивану показалось, что петля перерезала его шею, оставив ему лишь голову, заполненную болью. Боль, начавшись в горле подобием детского страдания при вырывании гланд, мгновенно вытеснила собой все, что было с Иваном до этой минуты. Причина Смерти, отсутствие причины, музыка – все исчезло. Даже Смерть ушла, не выдержав конкуренции с болью. И тогда вслед за Смертью ушла боль.

Боль закончилась неожиданно и как-то даже несуразно. Раздался резкий треск, посыпалась известка и полетела серая пыль. Ивана повлекло вниз и вбок. С дровяным грохотом Иван упал на пол и почти в то же мгновение рядом с его головой упал крюк вместе с куском потолка.

«Прогнила Империя». – невпопад подумал Иван и потерял сознание.

Мы испорчены Марксизмом¹⁵. Законы диалектики мы, как заявляет Великая Русская Литература, учили не по Гегелю¹⁶. Ясные и четкие марксистские упрощения чужих философских построений формируют наши собственные мыслительные клише. Пресытившись идеологией идеологизированного государства, явно мы ее ненавидим. Но, пытаясь упорядочить наши мнения о Мироздании, мы незаметно для самих себя используем псевдопростые диалектические законы. Когда мы видим развитие, мы ищем противоречие. Помня о том, что противоположности должны бороться друг с другом, причем делать это в единстве, мы, для того чтобы дать жизнь прогрессу, начинаем борьбу.

Не будем же обманывать себя, употребим любимые марксистские схемы и признаемся, что основным противоречием, движущим нашей Родиной, стала борьба-единство между провинцией и столицей. Страна наша, а, следовательно, и жизнь, устроены крайне просто: есть Москва, и есть все остальное. И одна из главных частей этого всего остального – Сибирь. Именно оттуда, движимый в столицу указанным противоречием, и происходил Сергей.

Как правило, Сергей зарабатывал себе на жизнь работой.

О, Работа! Источник восторженной гордости и варварской ненависти, радости результата и желания убить сослуживцев, спокойствия мужчины с деньгами в женском обществе и нервной боязни эту работу потерять. Работа держит нас в границах общества сильнее статей Уголовного Кодекса. Даже женщина не способна так быстро пробудить в нас готовность к движению, как это делает необходимость ежедневного производства мелких действий, составляющих основу служебного существования. «Жизнь – это процедура!» – вот лозунг человека, не могущего зарабатывать на эту жизнь разбоем на большой дороге или пением в Большом Театре. За эту процедуру легко спрятаться, что, впрочем, не освобождает от ежесекундного поиска мотивации. И каждый раз приходится объяснять себе, что для жизни нужны деньги. Деньги на дорогие вещи и рестораны, на путешествия в Париж и Венецию – словом, для элементарного выживания.

Наш единственный и вечный Марксизм сообщает – бытие определяет сознание. Советское презрение к продавцам формировалось не коммунистической идеологией, которой не было. Тогда деньги отсутствовали как категория, поэтому их так было легко презирать. Новые Времена сообщили нам вкус дензнака, вкус настолько сильный, что он ощущается всем телом, всей душой, всей аурой плоского прошлого, тянущегося за нами подобно шлейфу-языку.

Иван порадовался сравнению прошлого с плоским языком. Он представил, как вкус нынешних денег сообщает себя каждому рецептору этого уходящего вдаль времен языка. Точнее, верхней его части – нижняя поверхность волочится по земле и собирает всю пыль и грязь. Здесь Иван непроизвольно сплюнул, от чего вкус денег только усилился. Видимо именно физиологичность действия денег на Ивана позволила ему так легко стать продавцом. Продавцом чужих услуг, чужой информации и своего себя. Страна вместе с Иваном пробовала деньги на вкус, ее язык был куда больше, чем прошлое одного человека. Неравномерность распространения денег по стране разрезала этот язык на огромное количество языков и язычков. Каждый из них порождал отдельные рот, голову, конечности и органы пищеварения. Процесс перераспределения денег между этими организмами сулил как быстрые доходы, так и долгие

¹⁵ Марксизм. Созданное Карлом Генрихом Марксом, (1818 – 1883), учение, вместе с работами Ньютона и Станиславского вскрывающее базовые законы Мироздания. По мнению ряда историков, величие Маркса признавалось даже советскими интеллигентами, считавшими, что Марксизм был извращенно реализован презираемой ими Родиной, а часть грехов Марксизма прощалась ими за легенду о том, что Маркс плохо высказался о России и русских – именно этим объяснялся тот факт, что его общее с Энгельсом Собрание Сочинений не было Полным Собранием Сочинений.

¹⁶ Георг Вильгельм Фридрих Гегель, (1770 – 1831). Немецкий философ. По мнению ряда культурологов, стал главным советским философом, поскольку считать Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина философами было неприлично, а доступа к работам современных мыслителей у советских интеллигентов не было.

несчастья на весь оставшийся жалкий сюжет. Началась эпоха великого Экономического Сводничества. Иван продавал разное и разным. Он продавал деньги.

Дело всеобщего Экономического Сводничества привело Ивана на Родину. Он не был в родном городе больше года. Иван шел с красиво замерзающей розой к некогда любимой женщине по главному проспекту – широкой улице с признаками бульварности, наполненной смесью Конструктивизма и Сталинского Классицизма. Ивану, проведшему детство на рабочей окраине, это место представлялось когда-то полноправной частью европейской жизни. Небо над Иваном было ярким, воздух с привкусом легкого мороза сообщал лицу маленькую физическую радость. Именно этим мускульным удовольствием Иван поначалу объяснил свое состояние легкой истерики.

Все было как прежде. Дома и сам бульвар были тех же размеров, что и раньше. Вокруг все принадлежало Ивану, декорации его жизни были на месте, они были по-прежнему равны его бывшему сюжету. Но размеры нынешней жизни были уже другими. Все вокруг стало маленьким. Каждый квадратный сантиметр, ставший сейчас миллиметром, был им когда-то обжит, любим. Иван усмехнулся маяковскому слову «любим» и подумал: «Я обрабатывал эту географию, эти дома и улицы моими страстями и любовью. Но штукатурка обвалилась, старый асфальт содран и то вещество, что открылось под ними, меня не помнит. Видимо мои страсти и любви были недостаточно сильны».

Но Иван, в отличие от нового асфальта все помнил. Он шел и восторженно улыбался.

Неизвестно, что больше спасает нас от скуки жизни – случайная встреча с любезным когда-то и оставшимся в прошлой жизни существом или резкий прыжок на другую сторону улицы за секунду до того, как тебя заметят. О, как приятно ощущать себя мелким подлецом! Но если невинный уличный маневр не удастся, то прощай скука. Здравствуй, сильная эмоция. Ивана окликнули по имени Сергей.

Иван оглянулся и увидел знакомого, может быть даже когда-то друга. Их связывали принципиальные для каждого советского молодого человека вещи – литры скверного алкоголя и потоки словесных серьезных глупостей.

«В известном смысле, и то и другое – жидкость. – ухмыльнулся Иван. – Текут и утекают без следа».

«Куда это ты такой красивый идешь?» – спросил бывший друг, и Иван увидел в его глазах зависть.

Иван с удивлением понял, что смутился. «Смутился смутиться». – сформулировал он. Ему действительно стало неловко от того, что он оставлял впечатление человека успешного. Иван уже забыл, что обычный для провинции вопрос «Куда идешь?» ответа не требовал и уже собрался что-то соврать – он шел к общей знакомой. Однако его прошлый друг помнил о безответности вопроса и, не дожидаясь слов Ивана, стал рассказывать о неудачах, особо подчеркивая сумму своей зарплаты. Наиболее тягостным было сочетание случайности встречи и неизбежности темы разговора, явно вызванного внешним видом Ивана. Он, отражаясь в зависти собеседника, увидел себя удачливым жителем столицы, приехавшим в сибирский город по делу, то есть для дальнейшего улучшения своего благосостояния. Видимо таким он казался и случайным прохожим.

Иван попытался изменить смысл разговора, так не соответствующий яркому холодному дню и его настроению, наполненному безопасной ностальгией. Но его собеседник упивался перечислением неудач. Иван понял, что развитие микросюжета очевидно и непереносимо. Он технично посмотрел на часы, отметив, что использует московский опыт деловых разговоров:

«Извини, но я действительно тороплюсь».

«И сюда проник пошлый новый капитализм. Ведь раньше внешний успех ценился не так примитивно. Фраза "Какой ты красивый!" звучала бы куда более иронично, и уж точно без зависти». – размышлял Иван.

Он вспомнил академический плохо одетый снобизм, серый город с безумным наполнением. Вспомнил поэтессу-алкоголичку Муську, которую посещали, кажется, именно со встреченным теперь бывшим другом, разыгрывая из себя поклонников ее вполне возможного таланта. Иван вспомнил квартиру, забитую картинами и самиздатом, всю ночь меняющуюся толпу провинциальных эстетов и мелких криминалов, почти неотличимых друг от друга. И огромный во всю стену портрет Пушкина в джинсовой куртке и без штанов. Особенно забавным был гигантских размеров чернокожий детородный орган поэта с маленькой Натальей Николаевной¹⁷, стоящей на нем, как на гимнастическом бревне. Но главным эстетическим опытом была не собственно встреча с претендующим на гениальность чужим безумием, – Ивану и его друзьям вполне хватало своего, – а момент похмельного выхода утром из квартиры поэтессы. Вокруг бессмысленно двигался на работу хмурый люд промышленного района. Иван тогда внешне выделялся из сибирской толпы не так сильно, как сейчас. Он шел среди хмурых соплеменников и тайно лелеял свое внутреннее эстетическое содержание. Он был счастлив.

Вспомнил Иван попытки суицида близких и дальних знакомых, будущих алкоголиков. И, конечно, отягощенные позднесоветскими комплексами и бездарными поисками идеала, любовные опыты.

«Мы сами не понимали, как тогда боялись себя, друг друга, нашего города. Мы презирали столичных жителей, но подоплека этого презрения была хрестоматийной – "В Москву, в Москву!" Я теперь в Москве. Ну и что? Зря я его встретил. Видимо придется тщательней смотреть по сторонам». – Иван понял, что ему совсем не стыдно за подобные мысли. И, усердствуя в приятном бесстыдстве, додумал:

«Если встречу кого-нибудь из родственничков, так просто не отделаюсь».

«Родственные узы кажутся мне предрассудком, а не привязанностью сердца, которое делает свой выбор без принуждения». – фраза лорда Байрона¹⁸, обнаруженная Иваном в глянцево-журнале, запомнилась. Конечно, Иван не собирался «жить по Байрону». Вряд ли он осознавал невозможность буквального следования байроническому типу поведения в конце XX века. Им скорее двигало чутье маскультурного человека, выработанное необходимостью следования за модой – то, что было сильно в начале XIX века не должно действовать сейчас. Но все же эта фраза если не воодушевила, то, по крайней мере, успокоила Ивана – его смущало отсутствие в нем сильных семейных чувств. Сейчас, здесь, в родном городе существовали мама и старшая сестра с дочкой, от которых он банальным образом откупался, посылая им деньги. Пока не была встречена удобная фраза бесстыдного лорда, он оправдывал себя тем, что считал свою жизнь, свои эмоции, свои страсти неинтересными для родственников. Иван понимал порочность такой логики, но в ее рамках интерес к жизни далекой бывшей семьи становился необязательным.

Поздно вечером проходя по гостиничному коридору, Иван увидел, что встретившаяся ему немолодая горничная посмотрела на него как на иностранца. Ее взгляд содержал смесь жалости к потерявшемуся ребенку и интереса к объекту легкой наживы.

«Неужели я так изменился?» – Иван вспомнил встреченного днем бывшего друга и ощутил себя набитым валютой хрестоматийным предателем Родины, описанным в соцреалистичной литературе. Корыстным и трусливым, с бегающими глазками и трясущимися ручками. Он понял, что ему нужно реабилитироваться перед родным городом.

¹⁷ Наталья Николаевна Гончарова (Пушкина, Ланская), (1812 – 1863). Жена (1831 – 1837) русского поэта, прозаика и драматурга Александра Сергеевича Пушкина, (1799 – 1837), жена (1844 – 1863) русского генерал-лейтенанта Петра Петровича Ланского, (1799 – 1877). Николай I имел отношение к обоим бракам Гончаровой – Пушкин перед женитьбой просил его подтвердить свою политическую благонадежность, а за Ланского она была выдана, по одной из версий, чтобы скрыть беременность от связи с Императором. Современники отмечали ее холодность в общении, а Пушкин в одном из стихотворений описывал ее холодность в постели.

¹⁸ Джордж Ноэл Гордон, шестой барон Байрон, (1788 – 1824). Британский поэт. По мнению ряда культурологов, сформировал стандарт поведения Романтического Героя – презрение к обывателям, сексуальное разнообразие и распространение собственной идеологии любыми средствами вплоть до личной Смерти.

«Именно, реабилитация! Прижизненная или посмертная!» – весело подумал Иван и вышел в сибирскую ночь.

Ночь была холодной и освещенной лишь частично. Иван почувствовал, что одет неправильно. В первую московскую зиму он сделал культурологическое открытие – москвичи одевались гораздо легче, чем жители его родного города при той же уличной температуре. Мужская Москва оказалась абсолютно безкальсонной. То, что в столице было обычным, в сибирском городе представлялось бессмысленным пижонством. Однако женская провинция не желала руководствоваться погодными сводками. Сибирская дама не слишком скрывала тонкие колготки под шубой.

Иван вспомнил забавное. Его тогдашняя привязанность, Марина, не считала сибирский мороз причиной не демонстрировать достойные чужого взгляда ноги. В качестве объяснения нежелания утепляться она рассказала Ивану байку о том, как Жан Маре¹⁹ после визита в СССР организовал в доме, где он жил с Жаном Кокто²⁰, выставку советского женского белья. Особым интересом публики пользовались теплые фланелевые подштанники. Марина, вспомнил Иван, сконструировала слово «подъюбник». Тогда Иван из эротического хулиганства принес Марине пару своих шикарных по тем временам финских кальсон. На следующий день она театрально рассказывала Сергею уже готовую для представления на сцене историю. Надев тайный предмет мужского гардероба и удивившись его изящности, она стала вертеться перед зеркалом и очень себе понравилась:

«Ты знаешь, на моих ножках твои кальсоны смотрятся очень сексуально».

Навертевшись, она стала рассматривать доселе незнакомую кальсонную конструкцию. Странная комбинация швов внизу живота озадачила ее:

«Я стала рассуждать, что это может быть, и решила – это карман. Я осторожно засунула туда руку и вдруг все поняла. Это совсем не карман! И тут со мной случилась истерика».

На звуки неожиданного хохота прибежала ее тетушка и застала любимую племянницу посреди комнаты в безумном виде.

«Познакомься, это Сережины кальсоны!» – заявила Марина.

Ее способность выражать парадоксальную хармсовскую суть происходящего была тогда для Ивана, для Сергея, завораживающей. Видимо и его привязанность к ней имела, как он теперь понимал, филологическую основу. Ему хотелось записывать каждую ее фразу. И, как сейчас подумалось Ивану, их отношения стали невозможными от абсолютной заполненности его сознания ее восхитительными репликами и режиссерски выверенными мизансценами.

«Как давно это было. И это было не со мной. Но все это происходило здесь. А тот бельевой реквизит сейчас оказался бы не лишним. Ах, Родина, до чего же ты холодна!» – с пафосом подумал Иван.

Он вспомнил, как в день рождения, изрядно выпивши, шел ночью пешком на очередную съемную квартиру на окраине. Мороз тогда был сильным, люди встречались редко и, скорее всего, были опасны. Но, видимо тогда Иван производил впечатление человека, стилистически не противоречащего ландшафту. Встречные люди с криминальным потенциалом не пытались остановить его, либо предполагая в Иване свою же отчаянность, либо воспринимая его в роли пьяного мужика, идущего от бабы и не имеющего денег на такси, а, следовательно, непригодного для ограбления. Сейчас же Иван ощутил себя инородным вкраплением в сибирский пейзаж. И не только он.

¹⁹ Жан Альфред Виллен-Маре, (1913 – 1998). Французский актер, писатель, живописец, скульптор. Его работы высоко ценил Пабло Пикассо. По мнению ряда культурологов, фильмы с его участием вряд ли пользовались бы такой популярностью в СССР, если бы советские женщины знали о его гомосексуализме.

²⁰ Жан Морис Эжен Клеман Кокто, (1889 – 1963). Французский писатель, художник, режиссер, произведения которого читали и видели лишь специалисты. Один из самых влиятельных продюсеров в Истории.

Декорации следующей сцены были сработаны для оперы на производственную тему²¹. Слева был монументальный забор, скрывающий за собой незаполненные пространства. Справа, похожее на забор слева, но в несколько раз выше его, возвышалось промышленное здание, предполагавшее хрестоматийную трубу за собой. Трубы, однако, видно не было, что было весьма кстати. Иначе она нарушала бы сценографический баланс и отвлекала бы зрителя от аллегоричности заборных пустых пространств и оперных хоровых звуков посередине сцены. То, что сцена была сооружена для оперы, не вызывало никаких сомнений, иначе зачем нужно было оставлять столько пустого и очень холодного места, как не для размещения сводного хора. Иван ощутил себя непременно тенором, тшцщимся – он порадовался натужному слову – озвучить весь этот театральный объем.

Сцена имела не только огромную незаполненную ширину. Глубина ее была предназначена для реализации дешевых режиссерских замыслов создания стереофонических эффектов передвигающейся и поющей толпы. Небольшая группа людей, показавшаяся вдали, и была воспринята Иваном как авангард такой массовки. Но когда расстояние между ними и Иваном достаточно сократилось, он понял, что группа не желает довольствоваться второстепенными ролями и уж точно не собирается петь.

Люди спокойно и размеренно, почти в ногу шли из дальнего левого угла сцены прямо на Ивана, идущего вглубь театральной коробки. Они шли молча, описывая ровную кривую и даже не пытаясь рассчитать упреждение. Так летит самонаводящаяся ракета, умеющая лишь чувствовать тепло самолетного двигателя и тупо сокращающая расстояние между собой и целью. Когда между группой молчащих людей и Иваном осталось около пятнадцати шагов, она оказалась точно слева от него и после стала двигаться в обратном первоначальному направлении уже вслед Ивану. И в это мгновение Иван разглядел или скорее угадал странную бесстрастность их бледных лиц. Он с ужасом понял, что его преследуют глухонемые.

Краткий ужас, мгновенно воспринятый Иваном, был примитивного животного свойства. Мир людей, выбравших Ивана объектом своих притязаний, был абсолютно неведом ему – в его сознании резко возникли две картинки. Смачно жестикулирующая дама в нижнем левом углу телевизионного экрана и жестокая драка на танцплощадке провинциального Парка Культуры между пьяными окраинными хулиганами и глухонемыми. Первая картинка напоминала глупый и неприличный анекдот. Вторая же, виденная Иваном в детстве, обожгла его звериной мычащей ненавистью и напомнила о байке, казавшейся тогда вполне логичной – о использовании глухонемых на громких производствах в цехах местного завода.

«А где же еще их использовать». – согласился нынешний Иван с собой детским и, содрогнувшись от картины жестоких танцплощадных бойцов, резко прыгнув вперед, побежал.

Далее либретто «Волшебной Флейты» гласило: «Неожиданно появляется мавр Моностатос²² и ужасно пугается Папагено, украшенного птичьими перьями». Иван действительно был одет слишком легко для морозной ночи, а потому необычно. В этом климате даже при не очень низкой температуре человек без головного убора уже вызывает удивление, граничащее с подозрением в прищлости, и рассматривается как объект наживы. Видимо поэтому таксисты брали с Ивана больше денег, чем с местных.

Оперный сюжет стал стремительно набирать скорость: «Папагено не храбрее его. При виде мавра он чуть не падает замертво. Они пугают друг друга до тех пор, пока оба не спасаются бегством». Однако бегством спасался лишь Иван. Глухонемые молча и сосредоточенно побежали за ним. Цели их были не конкретны, но вполне прогнозируемы. Зрелище было по-первобытному ужасно.

²¹ Ошибочно считается, что жанр Производственной Оперы существовал лишь в рамках Соцреализма – действие оперы 1875 г. «Кармен» французского композитора Александра Сезара Леопольда Бизе, (1838 – 1875), происходит у стен табачной фабрики, а в опере 1987 г. «Никсон в Китае» о первом визите Президента США в Китай американского композитора Джона Кулиджа Адамса, (род. 1947), Ричард Милхауз Никсон, (1913 – 1994), и Мао поют дуэтом.

²² Моностатос. Персонаж оперы «Волшебная Флейта», тенор. Мавр. Выполняет грязную работу для доброго волшебника Зарастро.

Легкость одежды Ивана оказалась его преимуществом перед преследователями. Он был легко пьян, азартен и весел. Он самозабвенно несся и громко, но не настолько, чтобы сбить дыхание, читал либретто: «Юный принц Тамино²³ спасается от преследования гигантской змеи, но силы его иссякают, и он теряет сознание. Фрейлины Царицы Ночи²⁴ убивают змею».

«Силам иссякать никак нельзя. Как же, дожدهшься тут фрейлин. – комментировал либретто Иван, подразумевая под фрейлинами сибирских милиционеров. – И они будут опаснее змей и мавров».

Тем временем бегство продолжалось с методичностью нудной, но необходимой всем его участником работы. Промышленные декорации слева и справа не собирались заканчиваться и Ивану начало казаться, что так и пройдет вся его оставшаяся жизнь в размеренном беге. Иван почувствовал аллегоричность действия, где сам он олицетворял пустую, движимую лишь привычкой ежеминутной логики жизнь, глухонемые являли собой образ неизбежной, но пока еще далекой Смерти, а неизменный пейзаж говорил о безразличности пространства и равнозначности каждой его точки.

«Но что в данном случае играет роль времени?» – спросил Иван Мироздание.

В этот момент очевидная, как показалось тогда Ивану, мысль посетила его. Времени не было. Время было выдуманно людьми, не знающими как оправдать свое бездарное существование. Иван обрадовался простоте выхода из сюжета, из всех сюжетов вообще, из самой зависимости от бестолковой судьбы. Мысль придала Ивану спокойствие и еще более усилила мерность его движений. Иваном завладело так любимое поэтами-романтиками ощущение прелести Смерти, находящейся рядом, но не делающей последний шаг:

«Наверное, это ощущал Бодлер²⁵, накурившись гашишу. Мой метод дешевле, а результат тот же. Вот как открываются тайны бытия!»

Незначительное образование сообщает нам самомнение человека разумного. Олитературенная судьба романтических героев предписывает нам стремление к жизни, наполненной сложными страстями и опасной философией. Но приближение Смерти неизбежно переводит повествование на язык инстинктов и главным становится Его Величество Инстинкт Самосохранения – самый подлый человеческий инстинкт. Если каждый посмотрит на себя, скажем, 37-летнего или, еще хуже, 67-летнего, или, не дай Бог, 97-летнего, глазами 17-летнего себя, движимого возвышенными идеалами, то мы, в наши 37, 67 и 97, обязаны самоубиться. Но подобные действия недозволены нам Инстинктом Самосохранения, Самооправдания и Самопредательства. И мы говорим себе: «У тебя еще есть пара лет, чтобы все исправить. Но потом смотри!» Иван в его нынешние 27 лет уже почти научился использовать подобный сюжетный инструмент, пока еще бывший лишь Инстинктом Самообмана. Но его было вполне достаточно для того, чтобы принять неромантическое решение. И он стал медленно наращивать скорость.

Пробудившийся инстинкт мгновенно вернул сюжету время, что привело к резкой смене декораций. Выскочив на освещенную улицу без пешеходов, но с изрядным количеством быстро двигавшихся автомобилей, и пробежав несколько метров, Иван оглянулся. Глухонемых не было. Они остались в темноте, в прошлом сюжете. Он остановился и понял, что устал.

²³ Тамино. Персонаж оперы «Волшебная Флейта», тенор. Формально считается главным романтическим героем, но не может принять ни одного самостоятельного решения, оказываясь под влиянием более сильных в идеологическом смысле героев.

²⁴ Царица Ночи. Персонаж оперы «Волшебная Флейта», сопрано. Мать главной романтической героини Памины. В начале Царица Ночи кажется хорошей, а в конце оказывается подлой и мерзкой бабой, поющей на ультразвуковом уровне, от которой без колебаний отказывается родная дочь.

²⁵ Шарль Пьер Бодлер, (1821 – 1867). Французский поэт, критик, переводчик. Сочинять стихи начал после получения большого наследства. Написал несколько работ о воздействии гашиша. Умер от сифилиса. Его главная книга «Цветы зла» в 1970 г. издана советским издательством «Наука» в серии «Литературные памятники». Необходимо отдельное исследование того, как принималось решение о публикации в СССР такой книги, и каково ее влияние на исчезновение Советской Власти.

«Как они там, при отсутствии времени? Наверное, так и бегут». – Иван представил среди заснеженных декораций своих недавних преследователей и почувствовал резкий холод, словно вспомнив о нем.

Он быстро шел в гостиницу и думал: «А как у глухонемых происходит физическая любовь? Ведь во время самой любви они не могут сказать ни одного любовного слова. Наверное, пик их ручного общения. – Иван вспомнил дурацкое слово «рукосуйство». – приходится на момент, предшествующий объятиям. И руки их стараются наговориться, предвкушая иные занятия. Да и зачем в этом деле слова? К тому же, редкий мужик может сказать что-нибудь толковое. "Птички-рыбки" не в счет».

В голове Ивана возник детский штамп о усилении некоторых качеств у человека в чем-то ущемленного. Иван предполагал, что слепым природа компенсирует их слепоту усилением тактильного восприятия.

«А как же глухонемые? – размышлял Иван. – Что усиливается у них? Обоняние, зрение? Может, интуиция? И что из этих качеств применимо для любви? Потенция увеличивается? У глухонемых фригидных женщин меньше? Хорошая тема для диссертации».

Иван вспомнил, как резко его недавние преследователи сменили бесстрастные лица на страшные звериные морды.

«Страстность! Вот что присуще глухонемой любви». – заключил Иван.

В 30-х годах Станиславский²⁶, пытаясь соответствовать требованиям эпохи, разделил всю труппу Московского Художественного Театра на отделы, руководимые десятниками с четко очерченными обязанностями. Был даже Заведующий Сквозным Действием. Иван плохо был знаком с Системой Станиславского и не мог определенно сказать, относилось ли действие, осуществленное им и глухонемыми, именно к сквозным. Действие началось, продлилось и закончилось. Последствий не ожидалось. Иван попытался понять – зачем Провидение вовлекло его в эту сцену, но не смог. Оставалось надеяться, что дальнейшая жизнь Ивана вовлечет этот и другие сюжеты в объемное повествование и за мгновение до Смерти главного героя ответит на все вопросы.

²⁶ Константин Сергеевич Алексеев (Станиславский), (1863 – 1938). Российско-советский режиссер и актер. Его Система Станиславского, подобно работам Ньютона и Маркса вскрывающая базовые законы Мироздания, стала одним из главных вкладов России в Мировую Цивилизацию.

Утренний отъезд Ивана в Москву сделал его родной город плоским. Изображения домов и людей были словно вырезаны из яркого цветного журнала и свалены в кучу. Усталость от вчерашнего пьяного бега была равномерно распространена на все тело Ивана, в том числе и на глазные мышцы. Иван плохо понимал принцип работы человеческого глаза, но сейчас смог бы вполне правильно нарисовать его устройство. Каждая микроскопическая глазная часть болела отдельно и тем сообщала Ивану свои точные координаты. Часть мозга, обычно производящая объемный образ действительности из двух картинок, поставляемых обоими глазами, была отключена.

«Мозг не может предоставить картинку мне. А где же мое "я", как не в мозге?» – от такой изощренной мысли мозг Ивана заболел еще сильнее.

Зрительная ущербность придала слуху Ивана новые качества. Видимо сработал механизм, подобный тому, что преобразовал глухонему ночных преследователей Ивана в их страстность. Каждое ухо Ивана превратилось в один чувствительнейший звуковой мускул. Звуки утреннего города воспринимались Иваном во всем их объеме. Он ехал в такси и ему казалось, что он ощущает результаты звукодеятельности – Иван сконструировал этот термин по типу слова «жизнедеятельность» – не только движущихся объектов, но и недвижимых. Каждый звук приходил к Ивану отдельно, но не теряя связи с другими звуками, словно это были молекулы одного огромного организма. Открыв дверь машины, Иван на секунду потерял дыхание от сложного оркестрового звука привокзальной площади. Солировал в оркестре сидящий под памятником пролетарским героям веселый пьяненький старикашка с баяном.

Народный музыкант играть не умел, но некие навыки обращения с инструментом охотно демонстрировал. Он, подобно человеку, который, не зная букв и не умея читать слова, все же каким-то образом научился распознавать слоги, видимо воспринимая их как простейшие элементы текста. В качестве музыкальных слогов баянист употреблял несколько стандартных баянных заходов, случайным образом размещая их в теле бесконечного музыкального произведения. Иван с ужасом услышал мелодию из «Травиаты», тут же перескочившую в цыганский парадный выход.

Так хлысты²⁷ для введения себя в транс сопровождали ритуальные пляски заунывным пением текстов, слепленных из переделанных стихов Пушкина, Некрасова²⁸, Клюева²⁹ и

²⁷ Христововеры (Хлысты). Секта, основанная в 1645 г. российским крестьянином и солдатом-дезертиром Данилой Филипповичем, (1600 – 1700), завещавшим не прикасаться к церковным книгам, воздерживаться от половой жизни и устраивать радения – коллективные богослужения, где экстатическое состояние достигалось посредством песнопений, круговых движений и частого глубокого дыхания: провинциальные священники жаловались, что их крестьянская паства активно дышит во время службы. По одной из версий, неизвестный полицейский чиновник образовал слово хлысты от самоназвания сектантов «христы», поскольку не мог в официальном документе назвать крестьян именем Бога. Секта не имела четкой структуры и делилась на сообщества, как правило, распадавшиеся после Смерти их руководителей. Последнее сообщество Новый Израиль основано в 1891 г. российским крестьянином Василием Семеновичем Лубковым, (1869 – 1930-е), снявшим многие ограничения, в 1913 г. перевезшим сектантов в основанный им уругвайский город Сан-Хавьер, с частью последователей вернувшимся в СССР – в 1930-х годах почти все были репрессированы. Часть оставшихся в Уругвае сектантов была репрессирована во время правления Военно-Гражданской Диктатуры в 1973-85 гг.

²⁸ Николай Алексеевич Некрасов, (1821 – 1878). Российский поэт и журналист. По мнению ряда искусствоведов, остался в русской культуре, прежде всего, знаменитыми афоризмами, произведенными из его стихотворных строчек.

²⁹ Николай Алексеевич Клюев, (1884 – 1937). Российско-советский поэт. По мнению ряда лингвистов, успешно конкурировал с Сергеем Есениным в деле совмещения модернистской стихотворной формы с крестьянским содержанием. Репрессирован за антисоветские стихи.

Надсона³⁰. Так западные присутственные места заполнены elevator music³¹, составленной из музыкальных цитат в расслабленной обработке.

«И у нас была элеваторная музыка. "Кубанские казаки"³², например». – подумал Иван и бросил крупную купюру в стоявшую перед баянистом коробку из-под какого-то иностранного продукта. Баянист ответил частичной цитатой из полонеза Огинского, оборвав ее стандартной итальянской концовкой «пам-пам».

«Из Моцарта нам что-нибудь». – пробормотал Иван и пошел к вокзальному табло.

Ночная погоня продолжала влиять на сюжет. Вчерашняя временная потеря времени – Иван болезненно усмехнулся дурному каламбуру – утром заставила его спутать показания часовой и минутной стрелок. Иван, обычно приезжавший прямо к отправлению поезда, оказался на вокзале на час раньше. Он обнаружил себя в гуще народной жизни.

Недалеко от выхода из зала ожидания две ярко одетые девицы стояли и пили пиво из бутылок. Цвет волос девиц говорил о их долгой борьбе с собственной природой. В результате одна стала ярко рыжей, а другая гуталиново черной. Челке последней был сообщен фиолетовый цвет. Впрочем, к классическим панкам девиц отнести было нельзя.

«Вот он, реальный результат новых времен, мы в детстве такое позволить себе не могли. Эти девицы ничем не отличаются от девиц лондонских рабочих районов. Как и их язык от жаргона "кокни", очевидно, подчиняющийся сходным лингвистическим законам». – думал Иван, осторожно рассматривая девиц. Прямой взгляд был опасен, поскольку по окраинным законам был равносителен физическому контакту и неизбежно вызывал отпор. Через минуту Иван в этом убедился.

В паре метров от девиц остановился дед, мелко дрожащий от наследственного пьянства и холода. Иван точно видел деда в первый раз, но что-то делало его облик бесконечно знакомым, даже родным. Иван с удивлением узнал в облачении деда свои детские зимние одежды: маленькую ушанку с кожаным верхом, подростковое клетчатое пальто с цигейковым воротником, валенки и импортные спортивные штаны. Особенно поразила Ивана полная идентичность этих штанов тому финскому комбинезону, которым Иван так гордился. Предполагать, что дед обладал именно теми вещами из детства, Иван все же не стал, но испытал к нему что-то похожее на сочувствие. У несчастного старика, как и у самого Ивана в это утро, в голове явно было что-то перепутано. Все изможденное тело деда мелко тряслось, но глаза были абсолютно недвижны, дед даже не моргал. Глаза однообразно смотрели на пьющих пиво девиц.

«Что надо». – без вопросительной интонации спросила частично фиолетовая девица. Слово «что» прозвучало в знакомом Ивану с детства варианте «чѐ». Девицы отличались от детского Ивана по форме, но в содержании, на уровне окраинного жаргона преемственность была соблюдена.

«Допивайте короче». – срывающимся мальчишеским голосом произнес дед.

«Вот ни хрена себе! Подождешь». – ответила черно-фиолетовая.

«Не могу я ждать! Некогда. Мне ведь не 17 лет». – голос деда стал еще тоньше.

«Дед, отвянь». – неожиданным басом заявила рыжая.

«Бабы. – отчаянье и сила абсолютной правоты придали дрожащему голосу старика высоту реальной трагедии. – Прием посуды закрывается на перерыв! Пейте короче!»

Иван развеселился и пошел к поезду. Провидение не забыло о нем. Его глобальный сюжет продолжал поставлять Ивану маленькие сюжетики, если не сообщая ему что-то

³⁰ Семен Яковлевич Надсон, (1862 – 1887). Российский поэт и журналист. При жизни был очень популярен. Его романтическая Смерть от туберкулеза создала дополнительную популярность его стихам, почти забытым в XX в.

³¹ Elevator music. Музыка для лифта (англ.).

³² «Кубанские казаки». Советский музыкальный фильм, снятый в 1949 г. первым председателем Союза кинематографистов СССР Иваном Александровичем Пырьевым, (1901 – 1968). По легенде, название фильма придумал сам Сталин. Фильм стал одним из главных выразителей стиля послевоенной сталинской Империи и поэтому в хрущевское время был запрещен, но при Брежневе отредактирован, переозвучен и выпущен в телевизионной версии.

принципиальное, то, по крайней мере, развлекая его. В показанной Ивану пьеске было что-то неуловимо хармсовское. При всем прикладном характере поведения героев – девицы демонстрировали себя в центре культурной жизни, дед собирал бутылки, – их действия были окутаны легким флером абсурдности. И эта абсурдность логично вливалась в сюжет Ивана.

«Это европейские абсурдисты дешевым приемом сочетания бреда и реальности делали себе имена. Наш бред тонко разлит в морозном воздухе Сибири! Хармс – безусловно великий русский писатель. Причем более русский, чем француз Пушкин». – Иван польстил себе умозаключением, показавшемся ему крайне изящным, и вошел в вагон.

О, движение! Что мы знаем о движении? Передвигаясь всю жизнь, мы не ощущаем ежесекундного чуда автономности нашего организма. Теория Большого Взрыва, утверждающая происхождение всего сущего из одной общей точки, безжалостна – окружающий нас ахматовский сор³³ и нас самих связывают прямые родственные отношения. Но человек считает себя много выше этого сора, свободно перемещая себя над ним. Свобода эта условна: между передвижением из комнаты в комнату и с отечественной равнины в африканскую саванну принципиальной разницы нет. Человек обнаруживает на фоне новой экзотики прежнего себя – по крайней мере, вкусовые привязанности, ночные кошмары и мыслительные клише не меняются. Удивительно, как Провидение, зная все наши тайные душевные гадости, позволяет нам так легко перемещаться в пространстве! Наверное, по причине этой непостижимости слово «движение» чувствует себя очень свободно в самых разных языковых пластах. Можно сказать «движение элементарной частицы», можно – «движение трамвая», а можно – «движение души». Это слово, как некая емкость, вбирает в себя окружающий его контекст. Сейчас для Ивана роль такой емкости выполняло купе первого класса.

Движение поезда ускорилось, и Иван в полной мере ощутил пошлую романтику дороги. Он вспомнил, как когда-то на грани детства и юности ехал в общем вагоне среди вонючих соплеменников – Иван ощутил глупую радость, что сейчас передвигается первым классом. Дешевые, висящие где попало одежды и уродливые чемоданы, запахи лежалой еды и выдыхаемой водки создавали устойчивую кинематографическую ассоциацию – подлое население удирает из района боевых действий вместо того, чтобы красиво умереть за Великую Идею. И вдруг из каждого звука, запаха и людского мельтешения выделился легкий, незначительный дивертисмент Моцарта, передаваемый в тот момент по радио. Иван, тогда еще Сергей, понял, что музыка уже звучала несколько минут. Но Сергей, в будущем Иван, не сразу различил ее в нечистоплотном поездном шуме, поскольку она оказалась абсолютно уместной среди всеобщей низости. Иван вспомнил, что тогда Сергей назвал Моцарта проституткой, и сердце его радостно застучало от первого самостоятельного эстетического суждения. Возможно и слово «проститутка» было употреблено в его прямом значении впервые. Во всяком случае, с пониманием, пусть и теоретическим, сути продажной любви и продажной музыки.

Сейчас Иван уже почти сутки ехал в своем купе один:

«Формально купе не мое. Оно принадлежит Министерству Путей Сообщения. Но я его уже обжил».

Он понял, что ему будет крайне неприятно, если его купе будет захвачено еще кем-то, опирающимся на примитивное право купленного в кассе билета. Он ощутил физическую радость одиночества, радость автономности от чужих сюжетов.

«И от чужой жратвы, храпа и умозаключений». – уточнил Иван.

Сергей в провинциальном прошлом привык общаться с людьми, связанными с ним почти любовью. Иногда отношения эти превращались в устойчивое безразличие или в изменчивое неприятие. Но то, что эти люди когда-то находились в тайном списке любви, придавало им почти абсолютную ценность.

Соблюдение же правил игры при зарабатывании денег принуждает нас общаться с теми, кто недостоин наших душевных движений. Провидение предоставляет нам два выхода. Либо

³³ «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда». Одна из самых известных строчек российско-советской поэтессы Анны Андреевны Горенко (Гумилевой, Шилейко, Ахматовой), (1889 – 1966), из стихотворения «Мне ни к чему одические рати», 1940 г.

незамедлительно нахамить каждому, чьи качества противоречат нашему идеализму, либо относиться к окружающим как к функциональным частям своего сюжета. Просто хамить оказалось для Ивана сложным – даже хамство он привык применять лишь к людям, способным оценить изящество этого хамства. В Сибири Сергей мог позволить себе роскошь относиться к людям пусть плохо, но глубоко. Сейчас же, превратившись в столичного Ивана, он стал смотреть на людей с неожиданным интересом. Он вспомнил пьющих пиво девиц-кокни на вокзале. Раньше подобным пейзажам и пролетаркам большого внимания не полагалось:

«Москва сделала меня толерантным! Причина моей толерантности в прагматичном отношении к окружающим. Они мне интересны, потому что полезны».

Иван вспомнил собирателя бутылок и усмехнулся тому, что смотрел на девиц глазами того старика:

«Пусть я моргал, а он нет, но от тех девиц мне нужен был хармсовский сюжет. Примерно так же, как деду нужны были их пивные бутылки».

Механическая смена оконных картинок улетающей Сибири спровоцировала участие Ивана в мыслительной логической игре: «Как это, смотреть чужими глазами? Это значит не только смотреть. Человек смотрит глазом, а реагирует всем остальным».

Иван представил старческое неспешное тело, укрытое привычными с детства вещами, равенство доходов от сбора бутылок и потребностей, этими доходами удовлетворяемых.

«Но где старый хрен раздобыл мой финский комбинезон? "Комбензон", как говорили в моем детстве». – удивился Иван и, невпопад вспомнив провинциальную Марину, осознал, что под комбинезоном старческое тело грели остатки тех самых кальсон.

Иван увидел одну из самых любимых эротических картин: обтянутый импортной мужской материей округлый маринин «задик» – это было ее очередное словечко. Но реакция на эту легкоэротическую картину его тела Ивана озадачила. Точнее, отсутствие реакции. Иван понял, что под теми кальсонами сейчас находится старческий, бессмысленно болтающийся половой агрегат. И это сморщенное устройство принадлежало Ивану. Оно больше не требовало от Ивана совершения подлых эротических действий. Эта свобода была пресной, даже затхлой на вкус. Иван испытал ужас животного свойства. Он автоматически скаламбурил, назвав ужас «подживотным», но обычной дурной радости игра слов не принесла. Иван представил сморщенный кусок кожи, болтающийся у него между ног. Ему вспомнилось выражение «крайняя плоть».

«Будь я евреем, можно было бы все это безболезненно обрезать». – опять попробовал пошутить Иван, но и эта шутка не удалась. Он стал судорожно расстегивать джинсы.

В дверь купе не очень громко, но решительно постучали. Не дожидаясь разрешения, на месте резко открытой двери очутилась красивая миниатюрная женщина. Иван нервно прикрыл левой рукой полурасстегнутую молнию и понял, что его жест выглядит крайне глупо – не заправленная в джинсы футболка могла легко скрыть его конфуз.

«Здравствуйте». – произнесла женщина умелым голосом.

«Куда чемодан-то девать?» – рядом с дверью стояла злая проводница. Иван восхитился тому, что его будущая соседка умудрилась заставить сотрудницу железнодорожного ведомства прикатить к двери купе объемный чемодан на колесиках.

«Оставьте. Я думаю, мне помогут. – хозяйка чемодана посмотрела на Ивана умелым взглядом и он вскочил. – Придется нарушить ваше одиночество».

Иван восхитился тому, что фраза, прозвучав чуть более игриво, чем того стоило ожидать в первые минуты знакомства, все же не казалась вульгарной, находясь в пределах разрешенной игривости:

«Кем разрешенной? Она не похожа на женщину, ожидающую разрешения».

Иван стал втаскивать чемодан в купе. Он обнаружил, что производит слишком много банальных действий, впрочем, доставляющих ему изрядную долю приятного смущения. Иван почувствовал себя таким неустойчивым шариком, откуда так некстати вывалились руки, ноги и туловище с головой. Центром шарика была полурасстегнутая молния, о которой Иван все время

помнил. Там, за ней, бесполезно болтался еще один отросток, добавлявший Ивану приятного смущения.

Миниатюрная женщина стояла спиной к купейному столику и внимательно наблюдала за Иваном – ему захотелось, чтобы все его бестолково торчащие отростки втянулись внутрь гипотетического шарика.

Математик Пафнутий Чебышев³⁴ читал в Париже лекцию о научных методах раскроя ткани. На лекцию кроме коллег-математиков пришло достаточно много парижских дам – наука была в моде. Чебышев начал выступление с очень научной фразы: «Представим, что человек имеет форму шара». После чего модные французские дамочки встали и с возмущением вышли. Они не хотели стать шариками под внимательными взглядами французских мужчин. Дамочкам, в отличие от Ивана, были дороги их отростки.

Иван поднял нижнюю полку и с неожиданной тщательностью поставил в багажный контейнер чемодан. Но полку надо было опустить и Ивану пришлось подойти к женщине вплотную. Наклонившись, он протянул руку к механическому устройству, фиксирующему полку в наклонном состоянии – сложность устройства показалась Ивану выше его понимания. На мгновение его голова очутилась на одном уровне с лицом женщины. Иван понял, что сейчас он замрет навсегда в нелепой позе – отодвинуться от ее лица или приблизиться к нему было невозможно, поскольку законы геометрии оказались насильственно нарушенными. Купе первого класса, где Ивану было просторно в одиночестве, от присутствия маленькой женщины стало тесным – так скоропалительно становятся меньше на размер мужские брюки от легкого женского движения или слова.

«У кого на размер, а у кого и на два. – нервно польстил Иван его потенциальным мужским способностям. – Теперь штаны уже не свалятся. И молнию можно не застегивать».

Он явственно почувствовал, что, по крайней мере, один отросток, глупо торчащий из чебышевского шарика, переставал быть бесполезным:

«Даже в случае моего гипотетического еврейства слишком много крайней плоти отрезать бы уже не пришлось».

Вокруг женщины менялись законы не только пространственные, но и временные. В одно мгновение она умудрилась включить рассматривание лица согбенного Ивана, паузу, потраченную на анализ полученной информации, улыбку, провоцирующую Ивана на некие действия, и фразу:

«Тогда снимите с меня шубу».

Слово «снимите» в сочетании с обвиняющим в нерешительности «тогда» обожгло Ивана. Отодвигая момент доступа к телу женщины – Иван не был уверен, допускают его к телу или просто издеваются, – он решил все же побороть кронштейн и согнулся окончательно. Находясь в склоненном состоянии, Иван мучил кронштейн не глядя – скошенные глаза ощупывали колени женщины. Содрав кожу на пальце и, наконец, опустив полку, Иван выпрямился. Он протянул руки к плечам женщины и застыл от невозможности такого жеста. После маленькой насмешливой паузы она чуть медленнее, чем того требовали законы анатомии и физики, сняла шубу. Иван подхватил шубу и ощутил легкую дороговизну мягкого меха. Он с облегчением понял, что у него появилась возможность отойти, сбежать от реальных или кажущихся ему насмешек и от напряжения всех его внутренностей.

«Можно ли напрячь или расслабить внутренности? Внутренности – это мускул?» – в смятении подумал он и понес шубу к вешалке. К его сожалению, идти было недолго. Он с особой тщательностью повесил шубу и повернулся.

«Ирен». – корректно улыбнулась женщина.

Ее улыбка была произведена – Иван употребил техничное слово, хотя она выглядела вполне естественной – скорее не губами, а голосом и маленькими, почти отсутствующими движениями рук, плеч и аккуратных коленок: их Ивану захотелось немедленно потрогать.

³⁴ Пафнутий Львович Чебышев, (1821 – 1894). Российский математик. Наиболее важных результатов достиг в теории чисел, теории вероятностей и механике.

Насильственно отвлекаясь от коленок, Иван попытаться понять во что Ирен оказалась одетой. Ему открылся стиль, в другом исполнении вызвавший бы у Ивана презрительную усмешку. Пиджак был офисного вида, но застегивался лишь на одну пуговицу, не прикрывая наиболее соблазнительные участки очень белой блузки – за ее гладкой тканью на пределе видимости угадывался белый не кружевной лифчик. Юбка имела очевидный крой, но ее минимальный вертикальный размер был откровенно неслучайным. Маленькие ботинки на высоких каблуках выглядели просто и дорого, но и в них скрывалось некое противоречие.

«На каблуки материала больше пошло, чем на сами ботинки». – попытался догадаться Иван.

Но было еще нечто, скрепляющее эти и еще не обнаруженные Иваном противоречивости. Гвоздем, держащим всю картину, – «Какие банальные образы я произвожу!» – мысленно вскричал Иван. – стала производимая Ирен улыбка.

Улыбка оказалась чуть более светской, чем она должна быть при первой встрече согласно неких правил, установленных кем-то авторитетным, но при участии самой Ирен. Иван понял, что запутался в анализе правил, нарушаемых другими правилами – и все они именно в этот момент начали сливаться в логичную систему, регулирующую поведение Ивана.

«Иван. – Иван ужаснулся. – То есть не Иван, а Сергей».

«Что значит "то есть"? – Ирен строго взгляделась в лицо Ивана. – Иван или Сергей?»

Иван с ужасом понял, что его внутренняя сложность, которой он так гордился, которую так лелеял и пестовал – сейчас любимые вычурные слова нисколько не порадовали Ивана, – оказалась глупой преградой к его сближению с этой женщиной. Физически ощущая мгновенное отдаление, он осознал, что очень хочет сближения. Он был даже готов идти на жертвы.

«О каких жертвах ты говоришь?» – удивился Иван и предположил, что именно неконкретность этих жертв может его далеко завести и дорого ему обойтись.

«Сергей. Меня в школе иногда Иваном звали, после одной истории». – Иван попробовал скопировать корректную интонацию Ирен, но фраза получилась почти вульгарной. Словно поймав Ивана на этой вульгарности, Ирен весело спросила:

«Надеюсь, история эротическая? Расскажите».

Ирен села и внимательно, теперь уже совсем снизу посмотрела на Ивана. Край ее короткой юбки оказался еще дальше от аккуратно сдвинутых коленок. Ивану в сознание буквально прыгнули чуть раздвинутые ботинки, поставленные носками еле заметно внутрь.

«Какой бред! Как они могут прыгать мне в сознание, если они недвижимы?» – в смятении подумал Иван и отметил, что Ирен не положила ногу на ногу, как того требовала демонстрируемая ею корректность.

«Вот сволочь! Девочку из себя строит». – с неожиданной веселой злобой подумал Иван и тут же смутился, опасаясь прочтения своих мыслей.

«Садитесь. – Ирен указала рукой с длинными яркими ногтями прямо напротив себя. – Рассказывайте. Я жду».

Иван осознал, что попался, и завязывающиеся подобно узлу отношения, – смущение не помешало Ивану поморщиться от банальности образа, – могут продлиться долго, возможно бесконечно. И ему всегда придется врать, поскольку объяснить Ирен принципиальные вещи будет невозможно – сейчас ему было не до построения тщательных умозаключений, но один из его маленьких мужских инстинктов тихо сообщил Ивану:

«Ты видишь эту женщину несколько минут. Она умна, красива, опытна. Она знает и умеет то, чего не знаешь и не умеешь ты. Но ты видишь ее всю».

Смущение помешало ему вступить в диалог с инстинктами и выяснить, что значит «видеть всю Ирен» – ее короткая юбка все же была способна скрыть секреты. Иван попробовал употребить любимый геометрический метод мысли – из того, что секреты Ирен можно скрыть лишь юбкой, проистекает вывод о их примитивности. И если юбку содрать – Иван несколько испугался собственной пылкости, – то и секреты исчезнут. Но Ирен смотрела на него

насмешливо и ждала объяснений. Он понял, что ему придется употребить весь мыслительный аппарат на борьбу с последствиями проговора:

«Скорее всего, инстинкт прав, и правила наших отношений формулируются именно сейчас – я буду постоянно проговариваться, она будет меня безжалостно ловить и мне придется чудовищно изворачиваться».

От противоречия между начинающейся на него охотой и подчеркнуто невинными коленками Иван стал банально, грубо возбуждаться – словно бывший старческий отрок желал самостоятельно, без посредничества Ивана начать разговор с Ирен.

«Хорошо. – Иван мысленно обратился к теперь уже живому отрошку. – Будем говорить о тебе и от твоего имени. Если мне нельзя быть Иваном, то Иваном станешь ты».

«Я, будучи провинциальным подростком, перепутал название колокольни в московском Кремле. На уроке истории "Ивана Великого"³⁵ я назвал "Иваном длинным". Глупо, конечно. После истории была физкультура. Переодеваясь, мальчишки рассказывали эротические анекдоты». – Иван понял, что увлекся и остановился.

«Дальше». – Ирен смотрела с веселым интересом и Иван не смог определить, был ли ей действительно интересен рассказ или она заранее знала, что он отчаянно врет, и ей нравится наблюдать, как он загоняет себя в тупик.

«Я никогда не был склонен к гомоэротизму». – Иван попытался употреблением псевдонаучных слов увести рассказ куда-нибудь – например, в русло модных тем о якобы всеобщем гомосексуализме, но Ирен властно вернула повествование обратно:

«Не оправдывайтесь. Иначе я буду вас подозревать».

«В процессе переодевания влияние на меня детских эротических фантазий проявилось явно». – Иван понимал, что его претензии на литературное изящество выглядят глупо, но прямо описать детские впечатления от трансформаций будущего детородного органа он банально постеснялся.

Ирен немедленно отомстила Ивану его лингвистическую пугливость:

«В переводе на нормальный язык это значит, что ваш член встал».

«Ну, в общем, да». – Иван мгновенно оказался в том же состоянии, что и в вымышленном детском случае, словно Ирен разрешила ему пересечь некую границу.

«И что произошло дальше, вас стали дразнить?» – явно подтвердила тайное разрешение Ирен.

«Да, но эти издевательства оказались весьма лестными. Мы уже были в том возрасте, когда начинаешь обращать внимание на размер. По крайней мере, мы уже понимали, что главная проблема мужчины – это отнюдь не большие уши, а маленький член». – Иван сделал все, чтобы слово «член» было произнесено как можно более естественно. Ему показалось, что это удалось.

«Мне очень нравится выражение "мериться членами". В бизнесе я вижу иллюстрации к этой фразе каждый день. – Ирен мило улыбнулась и добавила. – Продолжайте».

«Один из моих балбесов-одноклассников, указывая на мое достоинство, закричал: "Смотрите, Иван длинный!" Я же ответил: "Не длинный, а великий!" До сих пор считаю эту шуточку одной из самых удачных».

«Вначале я подумала, что вы врете. Но сейчас вижу – так все и было». – слово «сейчас» странным образом выделилось из фразы. Ирен не могла видеть, что происходит в центре бывшего чебышевского шарика, но Иван понял – она явно говорила о нынешних трансформациях его полового агрегата, окончательно переставшего быть старческим.

«Кстати о переодевании. Выйдите, пожалуйста. Я хочу переодеться». – строго произнесла Ирен, и Иван тут же обнаружил себя снаружи закрытой двери купе,

³⁵ Иван Великий. Построенная в Московском Кремле в 1505 – 1509 гг. итальянским архитектором Боном Фрязиным (Марко, Мазробан), (? – ?), колокольня церкви в честь Иоанна Лествичника, (525 – 595 или 579 – 649), – византийского философа и богослова, автора популярного произведения «Лествица» о стадиях восхождения к духовному совершенству. В 1812 г. устояла после взрыва, произведенного по приказу Наполеона I.

представляющего процесс ее переодевания – он был уверен, что сначала она сняла юбку и лишь затем пиджак и блузку.

«Интересно, что на ней – чулки или колготки? Какое слово идиотское – "колготки". Не зря русский народ, борясь с уменьшительно-ласкательной формой "колготок", стал называть их "колготами"». – Иван вспомнил развешанные по его родному городу таблички «Осторожно, сосули!» – видимо, сотрудники коммунальных служб серьезно отнеслись к работе и не смогли употребить для грозных предупреждений детское слово «сосульки».

Слова «сосульки» детско-непристойным звучанием вернули Ивана к эротическим представлениям и ему стало стыдно от его мысленных подглядываний, но, поразмыслив, он пришел к неожиданному выводу:

«Ирен, видимо, нуждается во внимании, в трусливом подглядывании за ней. Чтобы ловить мужиков и так самоутверждаться».

Иван даже предположил, что без наблюдателя ее лицо должно потерять фирменное, явно натренированное выражение и стать никаким.

«Неужели все на публику и ничего для себя?» – подумал Иван и прислонился ухом к двери купе. Ирен, словно вычислив расстояние до Ивана и определив необходимую силу звука, негромко сказала:

«Можете входить».

Иван открыл дверь и поразился перемене.

Ирен изменилась настолько неожиданно, что у Ивана в голове вначале возник единый образ под названием «милая пошлость», и лишь затем он смог отдельно рассмотреть предметы ее образа. Мозг Ивана лихорадочно ловил самые микроскопические детали. Короткий приталенный халатик был застегнут на три пуговицы. Незастегнутость четвертой пуговицы явно была намеренной – возбужденное восприятие Ивана заметило, что петелька для этой пуговицы не использовалась никогда. Из-под халатика были видны очень белые штанишки из тонкой ткани, идеально, без единой складки обтягивающие ноги до середины коленных чашечек. Именно в тот момент, когда Иван оценил размер штанишек, Ирен немного согнула ногу и коленка обнажилась полностью. От такого безнаказанного бесстыдства Ивану стало одновременно очень плохо и очень хорошо. Оставшееся пространство ног было голым и словно бесконечным. Ивану даже показалось, что он видит всю голую Ирен. Неожиданно в его голове возник прежний вопрос:

«Что на ней было надето – чулки или колготки?».

Иван насильственно заставил себя оторвать взгляд от голых частей тела и посмотрел вниз. Он увидел смешные розовые тапочки-носочки, похожие на детские пинетки.

Ирен стояла в купейном проходе ровно столько, сколько Ивану нужно было на однократное рассмотрение всех деталей. Затем она села на свою полку и, поставив одну ногу на край противоположной полки, медленно провела длинными ногтями по коленке. Точку в эротическом микрособытии поставил большой сложный перстень, сверкнувший на руке Ирен. Иван посмотрел на свое спальное место, в которое так легко вторглась Ирен. «Это не полка, а скорее лежанка». – возбужденно подумал Иван и понял, что началось его банальное обольщение.

Так подросток, приставая к девочке, занимает ее место за партой и предлагает ей сесть к себе на колени. Если девочка смущается, то мальчик радостно смеется именно от того, что она боится сесть – иначе он сам умрет от смущения. Но если девочка говорит «Пожалуйста!» и садится, то мальчик делает все, чтобы не оказаться под девочкой, и в последний момент вскакивает со стула, страстно жалея, что не ощутил своими коленками тайную женскую плоть. Словно увидев школьную эротическую сценку в сознании Ивана, Ирен усмехнулась:

«Садитесь, Иван-Сергей. Так и будете стоять до Москвы?»

Иван не мог воспользоваться рецептами девочки – расплакаться, позвать учительницу или обнаглеть и заслужить репутацию главной шлюхи класса. Формально поездная «лежанка» была куда больше школьного стула, но Иван понял, что обязан сесть напротив Ирен – иначе ему

будет хуже, чем несчастной школьнице. Иван сел на расстоянии ладони от розовой пинетки и оказался во внутреннем пространстве Ирен.

О, Внутреннее Пространство Женщины! Место восхитительной смеси зависимости и свободы. Место, где одновременно находишься по высшему праву и гнуснейшему преступлению. Место, где начинается самый совершенный биологический контакт двух живых существ.

Современный масскультурный человек не склонен вдумываться в значение слов, поставляемых ему телевизором. Масскультура умеет обходиться со словами – термины, окружающие нас, не требуют пояснения, поскольку интуитивно понятны даже малограмотному человеку. Слова типа «биосфера» и «ноосфера», «психофизика» и «вазомоторика», да и само слово «масскультура» понятны без слов. Но самым главным словом, описывающим взаимоотношение человека с миром, стал супертермин «биополе» – по официальной статистике половина населения уверена, что биополе можно измерить прибором типа градусника.

«Мой Иван Великий, конечно, не градусник, но он силу ее биополя выражает просто – размером». – подумал Иван, осознав, что находится в центре биологического напряжения, создаваемого Ирен.

Содержащее это биополе пространство не всегда обязано начинаться между женских коленок, а заканчиваться точкой, где происходит резкое животное движение, символизирующее достижение высшей власти над бранным миром. Можно употребить фантазию, привычно цепляющуюся за любимые предметы. Так голливудский герой спрашивает подружку по телефону «Какое на тебе сейчас белье?» и ее нежнейшее пространство мгновенно передается по проводам, заполняя комнату дешевого мотеля посреди американской равнины, лежащей меж двух великих океанов. Но сейчас применять фантазию не было никакой необходимости – внутреннее женское пространство Ирен ограничивалось обжитым Иваном купе, а его интересовал совсем другой вопрос: «Есть ли вообще на ней сейчас белье?»

Все эти рассуждения, мгновенно пронесшиеся в голове Ивана, были одновременно умны и глупы. Но умность эта была легкой, а глупость – милой.

«И в этой глупости ужасной меж ваших ног я признаюсь». – перефразировал Иван развратного классика.

Ирен убрала ногу с полки Ивана и поставила ее на свою полку, но эротическое биополе не ослабло – оно стало более концентрированным. Если бы Ирен просто сидела, широко раздвинув ноги, то выглядела бы вульгарно и нарочито. Но выставленная вверх красивая коленка согнутой ноги, легко обнятой руками, смотрелась очень трогательно и милой детскостью словно оправдывала открытость внутренних пространств. Биополе уже не было разлито по купе, оно било прямо в лоб Ивану – так озеро превращается в поток. Перстень на руке Ирен постоянно сверкал подобно блестящему предмету, используемому психотерапевтом для контроля внимания пациента.

Обольщение Ивана было несколько похоже на немецкий порнографический фильм, часто использующий сюжет замкнутого пространства поездного купе. Здесь, правда, не было верхней багажной полки, чтобы дать повод порно-актрисе вставать на цыпочки и рыться в своих вещах, как бы случайно оголяя подъябочное пространство. Честная порно-продукция так обыгрывает обычную мужскую трусливость – мужчина боится встретиться взглядом с женскими глазами, но когда женщина поворачивается спиной, он сразу дает волю разнузданному подглядыванию. Так женщина, идущая по улице, не видит большинства развратных взглядов, пытающихся ее раздеть. Но идущий с ней мужской друг видит эти взгляды, поскольку у встречных мужчин изворотливости хватает спрятать глаза лишь от нее. К тому же он сам знает все эти гнусные глазные приемчики. Подобная мужская трусливость используется в качестве инструмента для возбуждения зрителя – порно-звезда оглядывается через точно рассчитанные промежутки времени, приятно смущая мужских участников шоу по обе стороны экрана. Ирен, словно подчиняясь воле порно-режиссера, с невинной сосредоточенностью на разговоре поглядывала в окно, позволяя Ивану подробно разглядеть ее внутренне пространство и испытать подростковый стыд в момент, когда она быстро смотрела ему в глаза.

Иван весело понял, что давно хотел быть обольщенным именно в такой, немецкой форме. В порно-фильмах актеры разогревают зрителя простым вводным сюжетом для очеловечивания предстоящих механистических действий. В прежней, провинциальной жизни друзья и подруги Ивана весьма преуспели в одухотворении сексуальных занятий – в ход шли эстетская литература, заумная философия, смелые политические построения. Часто во время метафизических прелюдий партнеры так уставали, что уже были неспособны к склонению друг друга к эротическому контакту. Но сейчас предварительный разговор был подчеркнута прост – Ирен явно не собиралась философствовать про устройство мироздания, плавно подводя к обсуждению эроса как его неотъемлемой части.

Ирен кратко, но емко рассказывала свой сюжет. Повествование не было лишено метафизичности, поскольку она, заканчивая очередную логически-однородную часть, объявляла очередной свой принцип. Почти сразу она заявила, что у нее есть муж и тут же дала понять Ивану, что это не есть препятствие ни для чего. Узнав, что Иван неженат, Ирен произнесла учительским тоном:

«Зря. Устойчивое семейное положение удобно. Оно успокаивает. При контакте с новым партнером это сразу все расставляет по своим местам. Он знает, что я не хочу его лишать свободы. Мне от него другое нужно. Если, конечно, нужно».

Ирен внимательно посмотрела в глаза Ивану, заставив его оторваться от разглядывания ее белых штанишек. Стремительно темнело – словно по какому-то высшему голливудскому приказу время было принудительно ускорено для быстрого достижения развязки.

По воле природы мы располагаем отдельными телами. Принципиальных различий между ними немного. Мы знаем о своем теле столько плохого, что само прикосновение к такому же чужому телу должно быть невозможным. Именно преодоление этой невозможности и сообщает делу физической любви ощущение наконец полученной свободы. Ивану представилось, что невозможность эта специально придумана каким-то глобальным Зигмундом Фрейдом³⁶ для управления человеческой природой и получения гонорара за ее последующее истолкование. Сейчас эта невозможность выражалась крайне просто – Иван должен был впервые коснуться Ирен и не мог это сделать.

Классическое образование учит: самый эффективный способ решить задачу – правильно ее сформулировать. Но мысли Ивана были лихорадочны, логическое мышление находилось на грани отключения. Он не мог мыслить сложными категориями, очутившись на низшей ступеньке человеческого мыслительного прогресса – где-то на уровне жреца из самого древнего Египта, в чьем сознании среди чудовищных представлений о мироздании ярким пятном светится набор простых и вечных геометрических законов.

О, геометрия! Ты всегда возвращаешь нас буквально на землю. Лишь ты в минуты болезненного духовного парения способна вернуть нам наше тело, занимающее пусть и небольшое, но такое определенное место в мироздании. Мы видим границы тела, мы видим безграничность мира и неожиданно ощущаем превосходство над бесформенной Вселенной. Мы знаем – что такое «внутри» и что такое «снаружи». У нас появляется повод для очередного крестового похода за жизненное пространство и мы начинаем расширять геометрию нашего влияния.

Перед Иваном стояла геометрическая задача – он должен был сблизить два физических тела. Для начала нужно было срочно решить – какую часть Ирен коснуться. Иван хотел потрогать сразу все, но это было невозможно именно из геометрических соображений.

«Значит, нужно коснуться не Ирен. – лихорадочно мыслил Иван. – Но все же дотронуться до нее».

Он в очередной раз посмотрел на перстень и автоматически пробормотал:

«Какая интересная штучка».

³⁶ Зигмунд (Сигизмунд) Шломо Фрейд, (1856 – 1939). Австро-венгерский, австрийский и британский психиатр, психолог, писатель. Его вклад в развитие Цивилизации сравним с влиянием Ньютона, Маркса и Станиславского, несмотря на то, что современная наука фактически опровергла его теорию, ставшую основой массовой культуры.

Ирен, не сомневаясь, что речь идет о перстне, протянула руку:

«Хотите посмотреть?»

И, словно обнаружив, что понимает геометрические терзания Ивана, добавила:

«Потрогайте».

Иван взял в правую руку перстень вместе с ладонью Ирен – физический контакт произошел и Иван отдался логике простых любовных действий. Он почти с нулевым усилием потянул руку Ирен, но она тут же оказалась стоящей перед ним, словно Иван дернул руку со всей силы.

Ирен стояла в купейном проходе и внимательно смотрела Ивану в глаза. Ему вдруг захотелось назад, в прошлое. Оно представилось ему как начавшееся секунду назад огромное расширяющееся пространство, где Ивану было просто и спокойно. Будущего же не стало совсем, но останавливаться уже было поздно – заменивший будущее вакуум втягивал Ивана. Он знал, что физически не сможет пережить ночь до Москвы в одном купе с Ирен, если сейчас отпустит руку и она сядет обратно – он понял, что обязан «себя вести». Иван легко коснулся левой рукой ее белых гладких штанишек и Ирен, скользнув по его руке, оказалась у него на коленях. Иван, подхватив ее легкий темп, быстро потянулся к ней губами. Краткое касание пришлось на мочку маленького аккуратного уха. Ирен повернула лицо к Ивану и улыбнулась с выражением легкого счастья. Ее губы оказались ровно напротив губ Ивана, и ему не стоило никакого труда и стыда взять их своими губами, словно это была маленькая, очень дорогая деликатесная рыбка. Ирен радостно закрыла глаза.

На ощупь Ирен оказалась очень приятной. Осторожно трогая губами ее губы, Иван касался правой рукой ее круглого маленького бедра, туго обтянутого эластичной белой тканью. Ирен была почти неподвижна, но Иван чувствовал, как она всем телом повторяла геометрию воздействий его рук – словно она тоже была приобщена к древнеегипетским жреческим знаниям. Следуя универсальным геометрическим законам, Ирен стала падать спиной на поездную лавку, и Ивану лишь оставалось легко сопровождать это падение.

«Предпочитаю ходить к мужикам, а не водить их к себе». – с милой усмешкой прошептала Ирен и свободно легла на полке Ивана.

Она лежала на спине и была вся открыта для Ивана. Он поцеловал ее в губы, и она ответила ему легким прикосновением кончика языка. Этой легкостью Ирен словно задавала интенсивность их любовного движения. Если бы их занятия сейчас наблюдал сторонний наблюдатель – например, тот же древнеегипетский жрец, вооруженный геометрическими приборами, – то у него сомнения бы не возникли: Иван был движущей силой любовного сюжета. Но если бы жрец обладал и филологическими знаниями, то, определяя действия Ирен, он употребил бы глагол «отдавалась».

Действительно, Ирен легко отдавалась Ивану, она не вела Ивана, она качественно и правильно отвечала на каждое его движение. Она точно соответствовала каждому его действию. Иван был главным. Его роль была бесспорна. Но главным его сделала Ирен.

Иван стал осторожно целовать ее лицо и, лишь коснувшись ее шеи понял, что сильнее всего создавало ощущение свободы. Это был ее запах.

О, запахи любви! В процессе физической любви органы чувств меняют свои функции – глаза находятся слишком близко к объекту любви, а осязание принципиально изменяется из-за сильного эротического напряжения. Если представить осязание отдельным существом, то в такие моменты оно находится в активном обмороке подобно оперной Сомнамбуле³⁷ – еле ходит, но божественно поет. Бессмысленные слова любви – «Да!», «Господи!», «Так!», «Вот!» – воспринимаются скорее на ощупь и почти не различаются между собой. Слух эти слова распознать не в силах, поскольку, как и зрение, дезориентирован близостью источника раздражения. Шорохи не слышны из-за их излишней громкости, рев встречного поезда за окном

³⁷ «Сомнамбула». Опера Винченцо Сальваторе Кармело Франческо Беллини, (1801 – 1835), о красивой сироте Амине, передвигавшейся по дому в состоянии лунатического сна, проснувшейся в постели не своего жениха, но все же вышедшей за него замуж.

еле различим поскольку не имеет прямого отношения к происходящему, и мозг, перестав доверять слуху, его отключает.

В условиях такого ущербного восприятия одно из чувств неизбежно обостряется – Иван вспомнил предположения о повышенной страстности любви глухонемых после недавней ночной погони. Теперь он был уверен, что во время эротических занятий и глухонемые органы запаха достигают беспредельной тонкости, поскольку обоняние самого Ивана отделилось от тела и превратилось в какое-то супер-чувство, над-чувство. Маленьким цветным воздушным змеем самостоятельное обоняние плавало в сложных ароматах Ирен, пытаясь отделить ароматы промышленного происхождения и схватить запах непосредственно ее самой.

«Химически чистый запах». – употребил школьную формулировку Иван.

Иван испугался качества собственных запахов и вспомнил, как утром боролся с поездным отсутствием души, вспомнил свои тайные косметические баночки и понял, что словосочетание «мужская косметика» звучит несколько противоестественно:

«Вот следствие победы феминизма – нам пришлось лучше пахнуть! Вначале для них. Затем мы стали пахнуть для себя».

Иван одобрительно вспомнил, что непонятно по какой причине сегодня побрился.

«Случай любит подготовленных. – Иван автоматически процитировал афоризм неизвестного авторства и неожиданно добавил, приятно устыдившись своей пошлости. – Точнее, случая».

Он провел гладким сейчас подбородком по шее и открывшемуся маленькому красивому плечу Ирен. Ее тело было тщательно ухоженным.

«Возделанным». – уточнил Иван.

В мире потребления при наличии денег добиться хороших телесных результатов нетрудно, но тело Ирен обладало качеством, обещанным рекламой, но не достижимым продвигаемыми ею средствами – тело Ирен было молодым. Иван предполагал, что Ирен старше его не на один год.

«Вполне возможно, разница в возрасте критична!» – весело ужаснулся Иван и заставил себя не пытаться описать ее конкретной цифрой.

Известно, что время делится на мужское и женское. Путешественник Тур Хейердал³⁸ в молодости посетил Москву. Было это в 1930-х годах. На бульваре он познакомился с двумя девушками и у одной из них он прожил неделю. Ему запомнился длинный коридор, завешанный тазами и велосипедами. В конце коридора был сортир, куда девушка выпускала будущего исследователя далеких земель лишь ночью. Посетив Москву уже в новые времена, он рассказал историю русскому другу и тот предложил разыскать прежнюю девушку.

«Нет, она же сейчас такая старая!» – с ужасом воскликнул путешественник.

Мужское время движется медленнее, женщина стареет быстрее – Ирен опровергала и этот закон.

Момент, когда непосредственно началась физическая любовь, Иван пропустил. Его расслоенное сознание каждым слоем пыталось достичь наивысшего результата в той части действительности, за которую этот слой сейчас отвечал перед всем Иваном, цельным и неделимым. Этот главный Иван был сейчас меньше суммы своих частей. Чебышевским маленьким шариком он перепрыгивал из одного слоя сознания в другой – то он беззаветно предавался ярким ритмичным ощущениям, то мальчишески упивался самим фактом очередного интимного контакта с женщиной, то банально боялся опозориться. Несколько слоев сознания пытались осмыслить тело Ирен.

³⁸ Тур Хейердал, (1914 – 2002). Норвежский путешественник и писатель. Путешествиями через океаны на древних плавательных средствах пытался доказать спорные с научной точки зрения теории о перемещениях народов. Утверждал, что верховный германо-скандинавский Бог Один был реальным человеком, пришедшим в Швецию с территории нынешнего Азовского района Ростовской области. По мнению ряда культурологов, участие в одной из экспедиций советского врача и телеведущего Юрия Александровича Сенкевича, (1937 – 2003), заставило советских людей поверить в существование экзотических стран.

«Что стареет прежде всего?» – спрашивал Иван-исследователь Ивана-теоретика, рассказав последнему о том, что нежные части Ирен выглядели очень молодо.

«Шея, пальцы и грудь». – отвечал Иван-теоретик.

«Грудь. – поправил его Иван-философ. – Грудь – слишком абстрактная категория».

В это время Иван-любовник мерно трудился.

Ирен, в отличие от Ивана, выглядела очень цельной. Она постанывала, легко мотала головой, и ее лицо отчетливо демонстрировало гримасу сладкой муки. Ирен словно пародировала немецкий порно-фильм, но ее легкая пошлость выглядела очень естественно. Она всем телом радостно подчинялась ритму, сообщаемому ей Иваном-любовником.

«Так вышколенный симфонический оркестр реагирует на палочку дирижера». – заявил Иван-культуролог.

«Мне не нравится образ тонкой бездушной деревяшки». – возмутился Иван-любовник, на мгновение отвлекшись от ускоряющегося темпа физических воздействий на тело Ирен.

Цельная Ирен, возвращая Ивана-любовника к исполнению его прямых обязанностей, красиво на выдохе закричала. В это мгновение Иван, моментально ставший равным сумме всех своих частей, задохнулся от яркого удара. Словно какая-то неведомая энергетическая установка на долю секунды отняла у каждой его клетки внутреннюю энергию и тут же вернула ее обратно, освежив и добавив к ней ту малую часть, что делает окружающий мир простым и комфортным.

«Интересно, понравилось ли ей». – подумал Иван и благодаря этому хрестоматийному мужскому вопросу ощутил себя очень цельной мужской натурой.

Иван всегда поражался тому, как все меняет первый сексуальный контакт с женщиной – разъединив физические оболочки, друг на друга смотрели два новых существа.

«В такие моменты понимаешь, что средствами языка женщине ничего невозможно сообщить. Если, конечно, использовать язык только в лингвистическом смысле». – думал Иван, без стеснения наблюдая, как Ирен подробно разглядывает его лицо. Иван был тихо рад тому, что сейчас качественное молчание могло продолжаться сколь угодно долго. Но Ирен угодно было другое:

«Может ты объяснишь, почему твои штаны были расстегнуты? Признайся, ты хотел заняться мастурбацией?»

Иван представил, как Ирен легко смеется над его рассказом про кокни-девиц, про вокзального деда, про комбинезон, про Чебышева, и как настороженно замолкает при упоминании Папагено и Папагены:

«Она не захочет заниматься со мной ни любовью, ни сексом, если узнает о влиянии "Волшебной Флейты" на мою жизнь. Поэтому ради будущих качественных эротических переживаний придется признаться в нездоровых, как мне внушала с детства Советская Власть, воздействиях на собственный организм».

«Признаюсь». – признался Иван, стараясь звучать как можно более невинно.

«В этом нет ничего предосудительного и нездорового, хотя Советская Власть утверждала обратное. Но закрыть дверь на замок стоило».

«Так больше возбуждает». – Ивану было приятно увязать в легкий эротический разговор.

«Твое возбуждение буквально бросалось в глаза. Ты еле сдерживался, чтобы не наброситься на меня. И в итоге все же набросился!»

«Получается, что я ее обольстил! Видимо, для нее оскорбительно напрашиваться на мужское внимание. – с неожиданным злорадством подумал Иван. – И у нее есть комплексы».

«На том уроке истории ты был неправ. Он не только Иван-длинный. – Ирен продемонстрировала применимость светской улыбки для разговора на любую тему. – Он Иван-великий. Хорошо поработал».

По тому, как Ирен властно управляла разговором, Иван понял, что его ожидают серьезные последствия. Его обольстили непривычным ему способом и результаты будут

неожиданны – нетипичные последствия уже начали проявлять себя. Трусливое вранье Ивана уже привело к тому, что его тайное имя превратилось в милую постельную глупость.

«Буду в ее жизни Сергеем, а в ее постели Иваном. Не так уж плохо». – весело подумал Иван.

Логика его умозаключений и само осознание того, что красивая и успешная женщина довольна результатами любви с ним, сообщили сознанию Ивана легкую мужскую силу. У него даже появилась уверенность, что он может эту силу безнаказанно использовать, что Ирен теперь в его власти. Он захотел тут же применить заработанное приятным трудом превосходство, но ничего лучше не смог придумать, чем задать идиотский вопрос:

«Что на тебе было надето – чулки или колготки?»

Иван обнаружил, что легко говорит Ирен «ты» и мысленно опасливо усмехнулся:

«Похоже, это и есть единственный результат моего мнимого превосходства».

«А что, есть принципиальная разница?» – развеселилась Ирен.

«Конечно. Это Вечный Мужской Тайный Вопрос. – в легкости эротического разговора Иван попытался реализовать якобы полученное преимущество. – В лифчике женщина или нет, в колготках или чулках? Существуют даже бесконтактные приемы такой проверки».

«Какая пакость. – веселилась Ирен. – Какой пошлый, детский вуайеризм!»

«Нет, это мужская доблесть». – с деланной солидностью заявил Иван.

«В чем доблесть – в подглядывании? – Ирен подхватила менторский тон Ивана. – Если и можно говорить о доблести, так это у женщин. Зима, а они в колготках, или, того хуже, в чулках. И никаких панталон».

«Меня в моей родной Сибири всегда поражало – разве есть толк от этих колготок. Они же тонкие, в них же должно быть ужасно холодно». – Ивану показалось, что он уже говорил это Ирен.

«Тебе в школе кроме истории что-нибудь преподавали? Я помню, на уроке физики рассказывали про парниковый эффект – колготки работают как оранжерея. Я к тому же существо теплокровное. О этом мне на уроке биологии рассказали». – Ирен говорила все это, закрыв глаза и улыбаясь.

«А на уроке географии не рассказывали, что Россия – зона рискованного земледелия? И не только земледелия». – Иван боролся с наваливающейся на него приятной усталостью, и через нее его ответы представлялись ему верхом остроумия.

«Я похожа на земледеля? Я деньги другими процессами зарабатываю. И в очередях в мороз за хлебом не стою. И не только в мороз. И не только за хлебом». – тихо и быстро говорила в ответ Ирен.

Они стремительно погружались в сон. Их слова, цепляясь друг за друга буквами и смыслами, создавали в расширяющихся сознаниях объемные цветные построения. Иван пытался ответить Ирен, Ирен бормотала в ответ случайные слова, казавшиеся им обоим очень логичными. Слова тяжелели, меняли цвет и овеществлялись в начинавшихся снах. Ивану привиделась продуктовая очередь из его сибирского детства. В ее хвосте, позади закутанных бабок и детей – взрослые трудились на тяжелой социалистической работе – стояла Ирен в прозрачной кружевной распашонке. Естественно, на ногах Ирен были чулки. Лиловые, под цвет снега, освещенного заходящим сибирским солнцем.

Утреннее солнце проникло в сон Ивана за секунду до пробуждения, высвечивая стремительно улетающие остатки снов. Так рентгеновские лучи вскрывают тайные пороки организма. Жесткость подобного образа заставила Ивана открыть глаза. Но, не успев их открыть, Иван тут же глаза закрыл – он с ужасом понял, что банально не знает, как себя вести. Ирен, как был уверен Иван, не могла видеть его тайный глазной маневр, но она требовательно произнесла:

«Прекрати притворяться спящим. Какие же вы мужики трусы!»

И тут же добавила с неожиданной мягкостью в голосе:

«Вставай, уже подъезжаем к Москве».

Смесь жесткой насмешливости и почти материнской нежности многое объяснила Ивану – он понял, что ему придется лавировать между этими полюсами. Поле для маневра было широким, но оно было определено. Иван сел на поездной кровати и откинул одеяло. Он был гол.

«Лучше сказать, наг». – подумал Иван.

Ирен с милой, но все же немного светской улыбкой подошла к нему и провела рукой от его щеки до его колена. Иван испытал качественное ощущение – он был абсолютно гол, наг, а Ирен абсолютно одета. В общественном эротическом сознании – если, конечно, такое существует – считается, что если кому-то и быть голым, так это в первую очередь женщине. По мнению общества, женщине более естественно становится объектом сексуального воздействия, поэтому ее и раздевают первой. Ирен в одновременно официальном и вызывающем одеянии была очень привлекательна и теоретически именно ее нужно сейчас раздевать.

Иван ощутил власть над ней. Он положил ладонь на ее бедро и скользнул рукой вверх, под юбку. Она была в чулках, но сейчас, после их ночных занятий, эта информация не представляла большой ценности. Ирен закрыла глаза и слегка выгнулась назад – она словно вырезала из временного потока секунду и отдала ее Ивану для ощущения его власти над ней. Но секунда прошла и Ирен открыла глаза:

«Давай простимся здесь, меня встречает муж».

Иван понял, что такая фраза может определить стиль их отношений на годы вперед:

«Если эти отношения, конечно, будут».

В то же мгновение Ирен продемонстрировала ему, что уже все давно решено. Заученным движением она достала визитную карточку и вручила ее Ивану:

«Позвони мне завтра в офис».

Офис представлял собой дореволюционный особняк в тихом переулке рядом с Садовым кольцом. Вся помещицья начинка особняка была вырублена и заменена на белые офисные пространства. Каждый этаж был превращен в один большой зал, разделенный перегородками. Высота перегородок была тщательно – «Иезуитски³⁹». – подумал Иван. – просчитана: стоящий человек мог видеть, чем занимаются сидящие за перегородками люди. Все могли следить за всеми. По краям зала находились кабинеты начальства. Стенки кабинетов были прозрачны. Иван порадовался своей реакции: «Бабу в кабинет не приведешь».

Неделю назад Иван пытался дистанционно угадать стиль белья Ирен, сейчас он постигал ее тайны ведения бизнеса. Ирен, минуя многие формальности, быстро взяла его на работу в офис иностранной компании, где сама занимала весомое положение. Ее место в офисной иерархии Иван пока понять не мог, но по реакции на нее окружающих было ясно – одни искренно любили Ирен, другие боялись, третьи считали равной себе. Видимо в корпоративной культуре это и называется влиянием. Иван ощущал себя таким Милым Другом из одноименного романа Мопассана⁴⁰ – реальное имя журналиста, делающего карьеру с помощью женщин, он не помнил. Ощущение, что он добивается чего-то в жизни посредством женщины, было ново для него. И это ощущение было ему приятно. Иван давно уже зарабатывал на существование умственными и душевными качествами.

«У станка не стою». – демонстрировал он якобы циничность.

Сейчас же он весело осознал, что к его качествам, приносящим деньги, прибавились эротические способности. Формально Иван должен был оскорбиться, но он неожиданно почувствовал, что благодаря Ирен его натура стала шире, глубже, богаче. Его тайные качества стали явными, его эротические свойства получили легитимный статус. Так фаворитизм в XVIII веке стал законной частью устройства общества.

Словно реализуя эротическую, фрейдистскую подоплеку своего появления в офисе, бизнес-жизнь Иван начал с преодоления комплексов. Комплексов было два – английский язык и одежда.

Учась в сибирской английской спецшколе, Иван не мог представить, что английский язык ему когда-нибудь действительно понадобится. Ранее Иван использовал псевдознание языка для демонстрации развитости – цитировал провинциальной подружке без особого повода Джона Донна⁴¹ и переводил отдельные фразы из очередной буржуазной песенки. Сейчас Иван страдал от того, что язык в его голове находился в каком-то перекошенном положении – он не мог быстро вспомнить простого слова, но при этом неожиданно говорил какую-нибудь perplexity⁴². Однако он быстро обнаружил, что офисные англичане демонстрировали терпеливое отношение к людям, плохо говорящим по-английски. Поразмыслив, Иван понял, что англичане не делали

³⁹ Орден Иезуитов (Societas Jesu – Общество Иисуса (лат.)). Католический Орден, основан в 1534 г. Слово «иезуитский» используется в значении «лукавый», «коварный», «лицемерный» поскольку Орден создал гибкую религиозно-нравственную систему, приспособляемую к новым обстоятельствам. После упразднения в 1773 г. Орден смог сохраниться лишь в Российской Империи – после восстановления Ордена в 1814 г. его возглавил российский подданный Фаддей Бжозовский, (1749 – 1820). В XVIII в. и начале XIX в. русские дворяне охотно отдавали детей в иезуитские школы. По мнению ряда историков, иезуиты создали тайную мировую сеть влияния на государственные и общественные институты. В 2013 г. впервые в Истории иезуит Хорхе Марио Бергольо, (род. 1936), стал Папой Римским под именем Франциск.

⁴⁰ Анри-Рене-Альбер-Ги де Мопассан, (1850 – 1893). Французский писатель, журналист и чиновник. Болел сифилисом, пытался покончить с собой, помещен в психбольницу. По мнению ряда культурологов, главный герой романа «Милый Друг» Жорж Дюруа вызывал жгучую зависть у провинциальных советских мальчиков, ценивших роман не только за эротические сцены, но и за отсутствие морализаторской расплаты в конце повествования.

⁴¹ Джон Донн, (1572 – 1631). Британский поэт и проповедник. Самое известное его произведение в России – название романа Хемингуэя «По ком звонит колокол».

⁴² Perplexity. Недоумение (англ.).

исключения именно для русских. Они привыкли, что весь мир плохо говорит по-английски. Они сами когда-то сделали мир таким, завоевав его.

Иван с удивлением наблюдал, как высокооплачиваемый менеджер терпеливо тщился понять лепет русского сотрудника, без тени презрения поправляя его корявые английские слова. Иван с веселым восхищением понял, что его обучают английскому языку – англичане привычно, возможно уже неосознанно, выполняли свою миссию. Они расширяли давно не существующую Британскую Империю. Это был кипплинговский⁴³ Комплекс Белого Человека, несущего абсолютные культурные ценности в туземные массы. Русский же в присутствии другого русского, произнося чужие бизнес-слова, на самом деле говорил не о бизнесе.

«Мой английский лучше, чем твой!» – кричало слово logistics⁴⁴.

«Тебя нужно гнать в твою грязную шею, вокруг которой намотан этот ужасный галстук!» – вопило ему в ответ слово outsourcing⁴⁵.

Иван с удивлением осознал, что русские сотрудники офиса, говоря по-английски, добровольно превращали себя в туземцев. Словно для компенсации потери они старались европеизировать свои имена. Георгий стал Джорджем, Михаил – Майклом, а Ирина превратилась в Ирен. Казалось, что все эти люди собрались здесь, чтобы доказывать другим свое превосходство, чтобы презрительно носить яркий галстук или белую блузку, чтобы громко и унизительно красиво говорить по-английски.

С рассуждений о тайнах гардероба Ирен началось знакомство Ивана с ней в поезде, рассуждениями о одежде началось знакомство Ивана с ее бизнесом. Для начала Иван просто испугался своей одежды – первые дни он думал, что одет хуже всех. Но он быстро понял, что банально пал жертвой советской пропаганды. Газета «Правда», несмотря на то, что Иван ее никогда не читал, учила его – буржуи заставляют всех надрываться на работе, но выглядеть при этом красиво и счастливо. Иван ожидал увидеть в офисе хорошо одетых русских женщин, и – этого он ждал с особым интересом и страхом – русских мужчин. Русские бабы в советские времена как-то выкручивались и выглядели пристойно – особенно в провинциальных городах, демонстрируя культ излишней аккуратности и стремление компенсировать недостатки в одежде изощренностью прически. Мужика, выглядящего пристойно, можно было встретить лишь в райкоме комсомола. Сейчас офисные русские мужчины – особенно если вспомнить их советскую неухоженность – выглядели действительно неплохо. Хотя при ближайшем рассмотрении образ любого офисного деятеля легко распадался на простые предметы: дорогая рубашка, цветной галстук, глаженные брюки, запах модного одеколona.

Женщины Ивана разочаровали. Их тела – некоторые были вполне интересными – были прикрыты мужской одеждой, пусть и в женском варианте. Когда Марлен Дитрих⁴⁶ переделала мужской костюм под свои формы, это была Революция, это был сексуальный терроризм. Человечество тут же разделилось на два враждующих лагеря: один встал под знамя длинной юбки, другой размахивал перешитыми мужскими штанами. Далее, как водится, началась модная Гражданская Война – Иван представил музей такой войны, где на почетном месте, на позолоченном древке висели фрачные брюки с девизом какой-нибудь первой Модармии. И огромное количество простреленных длинных юбок с оборками. Но Революция всегда, после

⁴³ Джозеф Редьярд Киплинг, (1865 – 1936). Британский писатель, поэт и журналист. Первый британский лауреат Нобелевской премии по литературе. По мнению ряда историков, сторонники раннего британского фашизма считали Киплинга своим идеологом.

⁴⁴ Logistics. Управление процессом доставки и оптимизация работы склада (англ.). Пришло в бизнес из военной науки, где обозначало снабжение и материально-техническое обеспечение войск. По мнению ряда культурологов, демонстрирует тайную мечту сотрудников бизнес-структур о военной славе.

⁴⁵ Outsourcing. Заключение субдоговора на выполнение работ с внешними фирмами, чаще иностранными или теми, которые не имеют профсоюза. По данным ряда филологов, русские офисные работники часто используют термин в почти неприличном виде, не произнося букву «р» и заменяя первые две гласные звуком «о».

⁴⁶ Мария Магдалена (Марлен) Дитрих, (1901 – 1992). Немецко-американская актриса и певица. По мнению ряда культурологов, ее роман с российско-советским певцом Александром Николаевичем Вертинским, (1889 – 1957), сообщал советским мальчикам, что у советского мужчины тоже есть шанс.

бунтов и Гражданской Войны, становится скучной бюрократией. Костюмная революция Марлен превратилась в дорогой, удобный и асексуальный бизнес-стандарт.

Ирен на фоне всего этого дорогого убожества, состоящего из темных пиджачков, брюк, юбок до середины колена, белых блузок, безрезультатно оживленных дорогими платками, выглядела революционеркой. Формально все было правильно. Но ее юбка была короче стандарта, блузка прозрачнее, платок ярче. Туфли были самым вызывающим предметом ее гардероба – Иван называл их «декольте на шпильке». Другие менеджерствующие женщины были обуты преимущественно в дорогостоящий гибрид советских туфель и комнатных тапочек, низость каблука которых говорила: «Я пожертвовала личной жизнью ради карьеры на благо лучшей в мире корпорации». Но Ирен, при всем противоречии ее одежды общему пейзажу, из этого пейзажа не выпадала. Она была своей, но чуть более своей, чем самые свои. Ей было можно больше, чем им всем. Все знали, что это право она вырвала у пейзажа сама. Поэтому ее образ был по этому праву усилен громким звуком, резким движением, театральной позой.

Иван позже понял, что надевать короткие юбки и шпильки позволяют себе лишь секретарши низшего уровня, не претендующие даже на незначительный карьерный рост. Когда же он узнал, что Ирен сама начинала такой секретаршей, он искренне восхитился ее гардеробной смелости.

Русские сотрудники корпорации переименовали свои имена на западный манер, но на дверной табличке кабинета английского начальника было написано по-русски «Джон Марлоу». В начале XIX века этого англичанина русские звали бы Марлов. Так художник Доу⁴⁷, нарисовавший половину российских дворян, тогда прозывался Довом. Из кабинета вышел всклокоченный человек в рубахе, незаправленной сзади в мятые штаны. На шее криво висел аляповатый галстук с дикими мордами героев американских мультфильмов. Позже Иван узнал, что этот безумный человек был большим знатоком, таким профессором маркетинга. Он получал безумную зарплату, знал о этом маркетинге все, но не умел отвечать на самые простые, конкретные вопросы. Он несколько раз начинал учить русский язык, но не понимал ни слова.

«Ваня, ну куда ты пошел? Ну что ты здесь ищешь?» – четко сказала девочка, явно недавняя выпускница иняза.

Иван вздрогнул – в офисе он звался паспортным Сергеем. Но девочка обращалась не к нему. С невозмутимым видом глядя в монитор компьютера, она спокойно продолжала:

«Эх, Ваня ты наш, горе-маркетолог. Опять, наверное, руки не помыл после сортира и воду не спустил в унитазе. А как у нас обстоят дела с ширинкой?»

Джон, словно реагируя на вопрос, проверил брючную застегнутость автоматическим жестом. Так Генеральный Секретарь определял свою готовность перед выходом на трибуну съезда КПСС.

«Молодец. – милым голосочком отозвалась девочка. – Лучше поздно, чем никогда. Ну, надо же! Сегодня не забыл застегнуть! Жизнь в холодной стране пошла тебе, Ваня, на пользу. Ну а рубаха, естественно, сзади торчит. Я бы подумала, что ты заболел, если бы рубашонка парашютом не развивалась. Не поддувает?»

Все сотрудники отдела, уткнувшись в компьютерные мониторы, мелко тряслись от сдавленного веселья. Иван искренне был удивлен. Он мог ожидать чего угодно, но не таких странных и, вполне возможно, опасных шуточек. Дверь лифта открылась, и новое впечатление оказалось куда более сильным, чем от издевательств над Ваней-Джоном. В проходе между перегородками шел индус.

Если бы на нем был тюрбан, сари, цветастый платок, сандалии, то Иван отнесся бы к появлению индуса, как к телевизионной картинке. Но он был одет так, как должен был с этой

⁴⁷ Джордж Доу (Дов, Дав), (1781 – 1829). Британско-русский художник. В 1828 г. назначен Первым художником Императорского Двора. По заказу Александра I написал 335 портретов для Военной Галереи в Зимнем Дворце – по мнению ряда искусствоведов, большую часть работы выполнил российский художник, на тот момент крепостной Александр Васильевич Поляков, (1801 – 1835), деньги на содержание которого Доу присваивал.

минуты одеваться сам Иван. Он понял это, прежде всего, по неброской дороговизне галстука индуса.

«Галстук и носки – лицо джентльмена». – невпопад вспомнил Иван идиотскую шутку советских времен.

Галстук, рубашка с воротничком идеальной формы и тщательно отглаженный, но чуть-чуть помятый дорогой костюм на первый взгляд не составляли абсолютной цветовой гармонии. Но именно это маленькое несовершенство и означало проявление опытного вкуса.

Индус не производил впечатления человека, знавшего русский язык, что впоследствии и подтвердилось. Но инязовская девочка сразу перестала издеваться над безответным Джоном. Иван не имел опыта индийской физиономистики, но ему показалось, что индус понял смысл только что происшедшего. Он царственно улыбнулся всем, с достоинством кивнул Джону и медленно, словно ехал на слоне, проследовал в свой прозрачный кабинет. Он был Босс. Спокойный и справедливый. Не поднимающий голоса на подчиненных, благодарно выполняющих его разумные распоряжения. Позже Иван выяснил, что индус подчинялся Джону Марлоу и не делал практически ничего.

Когда провинциал самоопределяет себя в Москве, он начинает с географии. Осознавая банальность подобных действий, провинциал все же идет на Красную Площадь, продолжает Манежной площадью, Тверской улицей и Бульварным Кольцом. И совсем недалеко, как в географическом, так и в идеологическом смысле от перечисленных красот возлежит Большой Театр. Встреча его с Иваном была неизбежна и означала для него новый уровень постижения Москвы. Если площади, улицы и бульвары были открыты ему непосредственным образом – нужно было лишь обходить милицейские патрули, словно тайным радаром определявших его немосковскую прописку, то Большой Театр требовал проникновения внутрь себя. И здесь милиция играла иную, более важную роль – она охраняла справедливые отношения потребителей искусства с билетной мафией. У стен Большого Театра действовала сбалансированная система экономического неравенства и эстетических предпочтений. Здесь начиналось идеальное государство. И в этом государстве шла идеальная Гражданская Война – вечная балетная битва между Большим и Мариинским театрами.

Сейчас в этой войне, полной взлетов и падений души и тела, наблюдалось позиционное затишье. Обе армии теряли лучших бойцов и командиров – предатели предпочитали европейско-американскую стабильность. Со сталинских времен Большой Театр считался балетным лидером, но сейчас миф о его балетности живет за счет мнений и кошельков заезжих иностранцев – поэтому билеты на балеты продаются спекулянтами существенно дороже, чем на оперы. Иван обнаружил, что он в Балетной Гражданской Войне был на стороне Мариинки.

«Я же никогда не был в Мариинке! – удивился Иван. – А есть ли подобное оперное противостояние?»

Погода в Москве была чудовищна, во все стороны летел снег с дождем. Казалось, что отвратительная снежная мокрота самостоятельно зарождается в каждой точке мрачного вечернего пространства и осознанно норовит устроить грязный салют непосредственно перед лицом Ивана.

Иван шел на приступ Большого Театра, чтобы насильственно приобщиться к опере. Он заранее чувствовал, что платить придется дорого и не только деньгами. Пока же он платил французским одеколоном, смываемым с его лица грязно-мокрыми взрывами снега. Получившийся в результате парфюмерный продукт запаха не имел, но вкус его оказался даже не лишен приятности. Снего-дождь усиливался, превращая город вокруг Ивана в забитое мокрой жижей пространство – в его центре вызывающе торчала в небо ярко освещенная колоннада Большого Театра. Мужское божество и его четырех коней над колоннадой Ивану разглядеть не удалось.

«Смылся, гад голозадый». – неожиданно подумал Иван и прошел сквозь колоннаду.

Он поразился резкой смене не только климата, но и своих ощущений. Иван обнаружил себя в центре неведомой ему ранее вселенной, где ему была предписана важная, пусть пока и не очень понятная роль. Он находится во внутреннем пространстве Большого Театра.

Иван вспомнил, как первый раз в поездном купе оказался во внутреннем пространстве Ирен. Здесь, внутри колоннады не было тепло и уютно, хотя снег сюда почти не проникал. Здесь было холодно, тревожно и немного торжественно. Но у этих двух внутренних пространств было нечто принципиально общее – они обещали Ивану другую жизнь. Иван обнаружил себя в потоке людей, прибывающих из мира, забитого мокрым снегом. В них было что-то общее, безусловно понятное Ивану. Он почувствовал себя приобщенным.

Но Ивану не была доступна их чудесная легкость проникновения сквозь колоннаду – ему не хватало неоспоримого свидетельства того, что в их мире ему отведено законное место. У Ивана не было билета. Он отошел от скопления людей, исчезающих в здании, и огляделся. Геометрическим центром светского движения через колоннаду были высокие двери театра, но в смысловом центре сюжета располагалась кавказского вида тетка в дорогой дубленке, подпоясанной жутким мохеровым платком. Несомненно, она была начальницей билетной мафии. Иван несколько раз услышал произнесенные томным голосом имя «Надира» и номер телефона – Иван радостно удивился тому, как быстро он запомнил семь заветных цифр. Недалеко от Надиры стоял сытый милиционер с дубинкой. Он был частью идеальной системы, охраняя права ее законных участников.

Все пространство вокруг Большого Театра было поделено на зоны, контролируемые специальными людьми – Иван назвал их урядниками. У каждого из них был помощник для быстрого сообщения с начальницей. Урядник на глаз определял – есть билет у человека и сколько с него можно взять денег. Если же человек доходил до Надиры, то она сама включала его в идеальную систему.

Надира лично не прикасалась к билетам и деньгам. Она была выше экономики, она принадлежала эстетике. Она была там, в идеальном мире вместе с балетными примами и оперными примадоннами.

«Принеси места в партер». – произносила Надира и курьер радостно бросался к уряднику.

«В идеальном государстве должен быть свой язык! – мысленно восхитился Иван. – Плебейское троллейбусное слово "билеты" заменено на справедливое "места"!»

«Рядом мест нет. Может, возьмете места в обнимку?» – безошибочно предлагала Надира парочке, явно переживавшей стадию начала отношений.

Услышав ожидаемый ею смущенный вопрос, Надира ласково объясняла, что в ложах есть места, где мужчина сидит за женщиной и для полного восприятия сценического действия вынужден склонять голову ей на плечо. Глупо и празднично одетые молодые люди – Иван подумал, что у девушки под короткой шубкой должно быть декольте, куда ухажер и будет заглядывать – в предвкушении эротических переживаний превращались в идеальных, хрестоматийных возлюбленных и легко расставались с изрядной суммой денег. Иван тоже захотел стать идеальным и протиснулся ближе к Надире.

«Здравствуйте. – сказала Надира Ивану. – Сегодня вы опять один? Вам в ложу или в партер? Петя, помоги молодому господину».

Иван никогда не встречался с идеальной спекулянткой, но Надира опытно определила желание клиента стать частью идеальной структуры. Он, не торгуясь, купил у подскочившего к нему Пети в дорогом горнолыжном костюме билет в ложу и быстро просочился в высокую дверь. Иван оказался внутри.

В большом фойе жизнь происходила по еще более жестким правилам, чем снаружи. Проникнувшие в Большой Театр люди были обязаны встать в одну из очередей, подводящих алчущих высокого искусства к билетершам в военного вида мундирах. Очередей было две, но выбора у людей не было – Иван увидел, как дорого одетая и явно иностранная парочка была отправлена из головы левой очереди в хвост правой. Иван посмотрел на билет и увидел надпись «Левая сторона».

«Как это у Маяковского – "пойду налево, хорошо"⁴⁸!» – радостно подумал Иван и встал в левую очередь. Он был согласен с таким мироустройством. Он был рад, что билет – «Место!» – почти вслух вскричал Иван. – был куплен не в кассе, что цена, указанная на билете по сравнению с реальной была фактически равна нулю. Иван внимательно рассмотрел билет и поразился тому, что напечатан он был еще при старом режиме, на жуткой бумаге с указанием принадлежности Большого Театра к учреждениям несуществующей Советской Империи.

«Империя собиралась жить вечно. Билетов напечатали на тысячу лет. Тысячелетний оперный рейх!» – восхитился Иван. Правда, на билете стоял чернильный штамп, указывающий новую цену в новых деньгах. Впрочем, и эта цена была нереальной.

«Чернильная цена на билете – это моя завышенная самооценка. Так мне и надо, знай свое место! Без понимания каждым человеком своего места общество правильно существовать не может!» – со сладким самоуничижением рассуждал Иван.

Он был тайно счастлив.

«Надира знала, что я уже был здесь. И я действительно тогда был один! – Иван понимал, что внутри Большого Театра эта безумная мысль выглядит абсолютно правдивой. – Она подключена к тайному архиву идеального государства!»

Иван вспомнил, как год назад, купив билет у случайного человека, не входящего в структуру билетной мафии, он с галерки мучительно выслушал «Царскую Невесту» Римского-Корсакова⁴⁹.

Тогда он был явно несчастлив. Музыка показалась ему глупой и примитивной, прикрывающей ее убогость обилием громких звуков.

«В каких-нибудь Финляндии или Португалии такого музыкального любителя считали бы супер-композитором. А у нас такие под каждым забором валяются. Хотя нет, это не Римский-Корсаков страдал запоями, а Мусоргский⁵⁰». – пытался развлечь себя Иван культурологическими измышлениями.

Но главные претензии Ивана имели социальные очертания – он на галерке ненавидел всех и, прежде всего, себя. А на его местах в партере и в ложах нагло сидели дворники, – Иван решил, что этот образ будет наиболее обидным, – захватившие театр, разрушившие справедливую систему социального неравенства. Он тогда, подобно пионеру-герою, клялся на своей и чужой крови, что никогда, никогда больше не появится на галерке! Под конец социально-оперных мучений он швырнул в сторону Царской Ложы, словно бомбу в премьер-министра, программку, напечатанную на отвратительной бумаге.

Иван вошел в его ложу и задохнулся от счастья. Чудовищных размеров котлован Большого Театра наполнялся равномерным гулом. Качество зрителей вряд ли изменилось за год, но сейчас темно красный бархат и золото словно закрасили банальные одежды публики – казалось, кто-то решил показать Ивану другой Большой Театр. Иван огляделся и понял, какая глобальная сила благосклонно приоткрыла ему свою власть. Это была Ее Величество Геометрия. Выглянув направо из ложи, Иван обнаружил, что она находится рядом с Царской Ложей. Вся конструкция театра работала на создание максимальной концентрации искусства именно в том месте, где сейчас был Иван. Мир, наполненный идеальным неравенством, говорил Ивану: «Ты достоин!»

Как известно, оперный театр был придуман для того, чтобы показать статус и богатство его хозяина с помощью сценической машинерии и умения художника создать иллюзию

⁴⁸ «Розовые лица. Револьвер желт. Моя милиция меня бережет. Жезлом правит, чтоб вправо шел. Пойду направо. Очень хорошо». Цитата из поэмы «Хорошо!» В.В.Маяковского 1927 г.

⁴⁹ Николай Андреевич Римский-Корсаков, (1844 – 1908). Российский военный служащий и композитор. Не получил музыкального образования. Автор опер на фантастические сюжеты и редакций произведений Мусоргского и Бородина.

⁵⁰ Модест Петрович Мусоргский, (1839 – 1881). Российский военный служащий и композитор. Не получил музыкального образования, почти все его крупные произведения исполняются в редакции других композиторов. Умер от алкоголизма. По одной из версий, после перепланировки кладбища Александро-Невской Лавры надгробье с его могилы было перенесено, а его останки сейчас находятся под автобусной остановкой. По мнению ряда музыковедов, первый российский композитор европейского уровня.

перспективы – сюжеты и голоса были менее важны. Акустические и геометрические законы определили идеальную формулу оперного зала, впервые явленную миру в Театре Фарнезе⁵¹. Именно таким оперный театр окончательно воплотился как первая публичная опера в Венеции. Именно таким он сейчас принуждал Ивана переживать острый приступ счастья, демонстрируя именно ему статус и богатство несуществующего хозяина развалившейся Империи.

Иван сел на свое место в первом ряду ложи и начал смотреть. Яркость колоннады посреди грязного снега, мудрость Надиры и надежность приданного ей правоохранителя, проворность ее урядников и военный вид билетерш были лишь границей разворачивающегося перед Иваном Идеального Государства. Верхние ярусы и галерка забивались народом, в партере и ложах неторопливо проявлялась элита, а в Царской Ложе должен был размещаться некий символ, олицетворяющий эпоху.

Сейчас в ложе никого не было. Образ был настолько примитивен, что Иван не стал его истолковывать. В оркестровой яме расположилась верховная власть, на сцене через несколько минут должны были появиться Боги. И над всем этим справедливым мироустройством, задавая стиль эпохи, парила имперская символика – спокойный, уверенный в себе, вечный герб СССР.

Станиславский считал, что от Великой Французской Революции осталась оперетта⁵². Иван смотрел на возрождающуюся перед ним имперскую структуру и думал, что опереточность всех Русских Революций XX века не смогла превозмочь имперский Большой Театр, Большую Оперу.

«Когда занавес обещает, наши государственные идиоты поменяют имперскость на какую-нибудь демократическую пошлоту. – подумал Иван и вспомнил билет со знаками бывшего величия. – Нынешнее государство не заслужило права называться Империей».

Пафос Имперского Оперного Возрождения увлек Ивана.

«Хочу ли я, чтобы мое государство вновь стало Империей?» – Иван с приятным стыдом понял, что хотел бы в результате умных размышлений придти к утвердительному ответу на такой вопрос, но в Идеальном Государстве с торжественной неотвратимостью начал гаснуть свет. Границы и без того огромного театрального пространства медленно отодвигались в бесконечность.

«Империи свойственно расширяться». – усмехнулся Иван.

Но слово «Империя» оказалось бесконечно сильнее его постмодернистской усмешки. К моменту рождения Ивана Советская Империя утратила не только мощь и красоту, но и даже право на существование. Но сейчас Иван с удивлением понял – он откуда-то знал, что Империя заключала с подданными вечный контракт, сообщавший им причину имперской жизни. И обоснование мощной и красивой Смерти, обретаемой в борьбе с Главным Врагом Империи.

В этот момент на пределе слышимости зазвучал звук. Иван всем телом ощутил вибрацию воздуха над симфоническим оркестром, тянущим одну ноту. И в этой почти тишине он ощутил – вглядываться на таком расстоянии было бессмысленно, – что лицо человека в крайней ложе ему мучительно знакомо. Но гигантская подкова театрального пространства уже почти вся была заполнена черным воздухом и мысли Ивана окончательно спутались. Они потонули в сентиментальной волне эмоций, грозившей окончиться детским беспричинным ревом. Ивану стало сладко.

«Какое ужасное и какое правильное слово!» – со стыдным удовольствием подумал он.

«Сладко было услышанное. Но не услышанное было еще слаще». – говорил Стравинский⁵³ о музыке вообще, подразумевая собственную музыку. Слух Ивана настолько возбудился, что не мог остановиться в потреблении сочных сладких звуков и уже не хотел

⁵¹ Театр Фарнезе. Здание, построенное в г. Парма по проекту итальянского архитектора Джованни Баттисты Алеотти, (1546 – 1636), для герцога Рануччо I Фарнезе, (1569 – 1622). В 1628 г. во время открытия театра впервые был представлен задний фоновый занавес, изобретенный Алеотти. В 1944 г. здание сильно пострадало во время бомбардировки американской авиацией.

⁵² По мнению ряда искусствоведов, Станиславский, в юности увлекавшийся опереттой, опирался на мнение одного из создателей современной оперетты, французского композитора Флоримона Эрве, (1825 – 1892), считавшего, что этот жанр возник в эпоху Великой Французской Революции в качестве общедоступной замены аристократической оперы.

банально всасывать музыкальный поток, льющийся из оркестровой ямы. Слух хотел выдрать из единого музыкального организма звуки-органы, создаваемые отдельными инструментами. Ивану показалось, что его слух превратился в отдельное существо, способное понять неслышанную обычным человеком структуру музыки – каждый инструмент, словно рыба в потоке, летал по самостоятельной траектории, но не мог выскочить из общего массива звуковой жидкости.

Иван ощутил, что звуки поступают в его организм, минуя мозг. Мыслительный орган, оказавшись в состоянии неожиданной свободы, начал самостоятельную деятельность и пришел к неожиданному для Ивана антигуманистическим выводам:

«Музыкальный инструмент – величайшее изобретение человечества. Замечательна сама идея заменить нестройный, зависящий от возраста, эротических воздействий и погоды голос на ровный, стабильный звук неживой материи. Африканский органист Альберт Швейцер⁵⁴ сказал, что все произведения Баха⁵⁵ созданы для идеального инструмента, заимствующего от клавишных возможности в исполнении полифонической музыки, а от струнных все преимущества в извлечении звука. Голос не способен быть материалом для производства таких инструментов – только дерево и металл. Живые существа имеют право лишь материально участвовать в создании идеального инструмента, предоставив выдранные волосы для смычка и выдубленную кожу для барабана».

Занавес вздрогнул и начал открываться с правильной, неспешно величественной скоростью. Особая конфигурация складок была создана действием скрытых механизмов, по хитроумности сравнимых с идеальным устройством автомата Калашникова. Мысли Ивана стремительно расширялись вместе с темнеющей Империей – он был уверен, что понимает ее базовые свойства и ему осталось лишь обдумать некие мелочи.

«Русский ум способен породить гениальное устройство, применимое лишь в конкретном случае. – со скоростью движения занавеса мыслил Иван. – Конструкция занавеса в Большом неприменима в Мариинском театре. Нация, создавшая Калашников, не способна сконструировать миксер».

Мысль так понравилась Ивану, что он захотел ее продолжить. Но в этот момент черный воздух Большого Театра заполнил человеческий голос.

О, пение! Что мы знаем о пении? Нет ничего более странного и нелепого, чем пение. Что есть пение, как не противоестественное растягивание или, наоборот, проглатывание гласных, уродование человеческой речи? Зачем нужно сопровождать музыку текстом? Зачем заглушать ее дурным голосом? Если хочешь передать информацию – просто скажи! Но о какой передаче информации можно говорить, если песенка, после того, как ее все запомнили, теряет даже тот ничтожный смысл, что был в ней первоначально. Верди⁵⁶, цинично постигший механику оперного обмана, так и сказал: «Любую глупость, которую даже сказать нельзя, можно спеть».

Как известно, европейское пение делится на оперное и Lied⁵⁷. Оперное пение создали итальянцы, немецкоязычная песня состоялась благодаря Шуберту⁵⁸. Итальянская опера – это намерение громко и пафосно достичь коллективного оргазма. Lied предназначена для личного

⁵³ Игорь Федорович Стравинский, (1882 – 1971). Российско-французско-американский композитор. Сформировал основные музыкальные тенденции XX в. Спасся от Революции благодаря любви к дорогим часам – уехал в Швейцарию перед самым началом Первой мировой войны.

⁵⁴ Альберт Швейцер, (1875 – 1965). Немецкий музыкант, теолог, врач. Тратил все доходы, в том числе и Нобелевскую Премию Мира, на создание бесплатных больниц в Африке.

⁵⁵ Иоганн Себастьян Бах, (1685 – 1750). Немецкий композитор. Добился исключительных результатов во всех музыкальных жанрах кроме оперы. Наряду с Моцартом и Чайковским, самый исполняемый композитор в Истории.

⁵⁶ Джузеппе Фортунино Франческо Верди, (1813 – 1901). Итальянский композитор. Самый исполняемый оперный композитор в Истории. В 38 лет добился большой популярности и хотел закончить карьеру, но любовница и будущая вторая жена убедила его написать что-то еще – так были созданы «Риголетто», «Травиата», «Бал-маскарад». Позже дал себя уговорить дирекции петербургского Мариинского театра написать «Силу судьбы» и согласился приступить к работе над «Аидой» лишь после угроз организаторов торжественного открытия Суэцкого Канала отдать заказ Рихарду Вагнеру.

⁵⁷ Lied. Песня (нем.).

тихого удовольствия, усиливаемого неудовлетворенностью остального мира. В другое время Иван постарался бы развить подобные измышления, но он осознал, что сейчас сможет узнать что-то новое про оргазм – его впервые сделали частью женского мира, разрешив ощутить то, что испытывает женщина в момент любви с мужчиной, с ним.

Мужское пение, если это действительно пение, а не пьяный ор, более неестественно, чем женское. Пьяная групповая песня более прилична мужчине, поскольку позволяет ему вернуться в грубое и благородное время кровавых набегов и последующих победных застолий. Но в стремлении старательно выпеть каждую ноту есть что-то дамское. Женщина заведомо реже выглядит неуместно, поскольку умеет пользоваться женскими приемами преодоления выпадения из ситуации – кокетство, наивная глупость или, что более всего действенно, милая вульгарность. Если же мужчина осваивает эти приемы, то он становится причиной для пошлых сплетен.

Актер-мужчина говорящий может прикрыть извращенную натуру сюжетом – в программке будет написано, что он не женщина. Но актер-мужчина, поющий тонким красивым голосом, не может рассчитывать на поддержку ходульного оперного сюжета. При этом пение на маленькой скрипочке – занятие абсолютно мужское. Здесь можно безнаказанно выказывать себя грубым, даже жестоким без угрозы водворения в милицейский изолятор. Можно проявлять нежность, слабость, даже кокетство, и не быть заподозренным в предательстве своей природной маскулинности. Для женщины же многие занятия противоестественны – но пение и движение под музыку даны ей Богом.

«И разрешены Императором». – многозначительно добавил Иван.

Поэтому поющую женщину глупо спрашивать о внутренней философии пения. Иван попытался воссоединиться со своим мозгом. Получилось пафосно, словно Иван сам пел заглавную арию по-итальянски: «Пение – это средство молитвы единому Богу. Если же Высшее Существо не приемлет такой оперный продукт, то пение становится средством языческого, шаманского воздействия на ситуацию. Средством вызывания или создания иллюзии любви».

Ивану стало стыдно за выпренность своих мыслей. Но поющая женщина спасла его от самобичевания. Она пела о своей любви к тому, кто был не достоин ее. Она пела о иллюзии его любви к ней. Она пела по-итальянски и ее придуманные, преувеличенные страсти приобретали очертания реальных любовных занятий. Голос заставил Ивана вспомнить серость и ханжество мира, оставленного за стенами Большого Театра. Там даже русский язык демонстрировал свое принципиальное лицемерие. Иван всегда путал значения слов «лицемерие», «ханжество» и даже слово «снобизм» было по смыслу тоже где-то рядом. Сейчас этот сплав русских смыслов особенно мучил Ивана. Итальянцы прямо так и говорили – «Падшая женщина», русские лицемерно-ханжески и не без снобизма, прикрывающего провинциальную стыдливость, писали на афише импортное слово «Травиата». Так в переводах Шекспира⁵⁹ на русский в одном и том же месте у Маршака⁶⁰ стоит «бедняжка», у Пастернака⁶¹ та самая «падшая женщина», а у самого Шекспира – бранное слово.

⁵⁸ Франц Петер Шуберт, (1797 – 1828). Австрийский композитор. Основоположник музыкального Романтизма.

⁵⁹ Уильям Шекспир, (1564 – 1616). Величайшая мистификация в Истории. Существует множество версий того, кто действительно написал 12 трагедий, 16 комедий, 4 поэмы и 154 сонета, критическим образом повлиявших на Цивилизацию. Благодаря работам советско-российского литературоведа Ильи Менделевича (Михайловича) Гилюлова, (1924 – 2007), для постсоветского читателя наиболее убедительным выглядит авторство Роджера Меннерса, 5-го графа Ретленда, (1576 – 1612), поскольку с ним в Падуанском университете учились датские дворяне Розенкранц и Гильденстерн.

⁶⁰ Самуил Яковлевич Маршак, (1887 – 1964). Советский поэт, фельетонист и переводчик. В 1930-х гг руководил издательством, где работал Хармс.

⁶¹ Борис Леонидович (Исаакович) Пастернак, (1890 – 1960). Российско-советский поэт, прозаик, переводчик. По легенде был спасен от ареста лично Сталиным, любившим говорить с ним по телефону. После присуждения ему в 1958 г. Нобелевской Премии по литературе был исключен из Союза Писателей, но остался членом обслуживающей организации Литфонд, что позволяло ему печататься и получать гонорары. Попавшая в заключение из-за связи с ним Ольга Всеволодовна Ивинская, (1912 – 1995), после освобождения на завещанные ей Пастернаком авторские отчисления купила кооперативную квартиру в Москве, ставшую неофициальным литературным салоном.

«А как бы замечательно смотрелось на афише Большого слово "Шлюха"». – подумал Иван.

Бог создал языки, как и людей, неравными. Считается, что Сэмюэл Кольт⁶² вернул равенство людям. У языков не было своего «мистера Револьвера». Британская Империя силой оружия и цивилизации сделала английский язык мировым, но она не смогла заставить мир петь на нем в опере. Италия позорно упустила военное наследие Римской Империи. Но опера сохранила за итальянским языком⁶³ особую роль – опера без него невозможна. Ностальгия по реальной или мнимой Империи свойственна любой нации и порождает национальную оперу. Начало широкомасштабного пения на родном языке всегда четко протоколируется и вносится в список главных исторических актов национального самоопределения. Безусловно, есть оперы, неспособные существовать в чужой языковой среде – «Евгений Онегин», «Пиковая Дама» и оперы Вагнера⁶⁴. Но большого смысла в сопровождении голосовых выкрутасов пропагандой родного наречия нет. Все равно примадонна нагло меняет текст арии, подбирая гласные, удобные ее голосу. Поэтому в любом оперном театре оперы должны исполняться на двух языках – на итальянском и на языке страны, этот театр окружающей. Лингвистического революционера Моцарта, написавшего первую немецкую оперу, в Большом нужно петь по-русски.

«"Волшебная Флейта" здесь должна звучать на языке Хармса!» – Иван ощутил легкое головокружение от своей культурологической радикальности.

Он с удивлением почувствовал, как от словосочетания «Волшебная Флейта» с ним случилось одновременно что-то неведомое и знакомое – словно засадил при смене погоды старый перелом. Боль тонким фоновым движением прошла по левой руке и горлу. Иван в том же фоновом режиме подумал: «А можно ли горло сломать?»

Но разобраться в сути этой нежно саднящей боли он не смог – она перекрывалась болью явной. Эта главная боль была сладка и стыдна, она напомнила Ивану даже не первую любовь, а пра-любовь, недо-любовь. Любовь к абстрактной женской натуре в самом начале полового созревания. На сцене пела Травиата, шлюха, идеальная женщина. Она сочетала в себе то, о чем мечтал когда-то созревающий Иван. О шлюхе, но принадлежащей только ему. О разврате, неотличимом от строжайшей охраны девственности. О телесной женщине, не имеющей физиологических плотских проявлений. Тогда Иван пылко мечтал о честных отношениях с женщиной, много позже новый русский капитализм объяснил ему, что честнее денег нет ничего. Это противоречие казалось неразрешимым. Но сейчас, глядя на поющую женщину, он понял, что она и есть тот идеал, способный примирить его детские мечтания и нынешние опыты. На сцене стояла честная женщина, дорого продававшая свою любовь. Настолько дорого, что сделка выходила за рамки товарно-денежных отношений.

Вот оно, истинное предназначение женщины! Чем дороже она продается, тем независимее она. И только независимая женщина может поступать, как ей вздумается. Женщина, свободная в желаниях – насколько это интереснее, чем такое одномерное существо, как мужчина. Такая женщина настолько глубока и интересна, что вправе требовать плату за одно согласие участвовать в окружающих ее примитивных сюжетах. Иван с удовольствием подумал, что круг логических рассуждений замкнулся – для того, чтобы женщина была интересной, она должна быть продажной. Чтобы хорошо и дорого продаться она должна вызывать интерес. И это было правильно и благородно – даже имя поющей продажной женщины Виолетта звучало более благородно, чем имя ее одномерного примитивного любовника Альфред Жермон. Казалось, что это мужское имя придумал русский

⁶² Самуил (Сэмюэл) Кольт, (1814 – 1862). Американский изобретатель и предприниматель. Первую модель знаменитого револьвера сделал из дерева по пути в Индию.

⁶³ Популярный российский музыкальный критик обличительно писал: «У нас в Москве до сих пор имеет громкое обаяние итальянская фамилия или даже, как суррогат итальянского происхождения артиста, исполнение на итальянском языке». Звали критика Герман Августович Ларош, (1845 – 1904).

⁶⁴ Вильгельм Рихард Вагнер, (1813 – 1883). Немецкий композитор. По одной из версий, короля Людвига II Баварского, (1845 – 1886), утопили за то, что он тратил казенные деньги на постановку опер Вагнера. По мнению ряда музыковедов, по влиянию на развитие оперы уступает лишь Верди – поэтому любители оперы простили ему антисемитизм и любовь к его музыке Гитлера.

провинциальный фельетонист, пытаясь изобразить французскую жизнь. Альфред Жермон звучало также пошло, как слово Альфонс с маленькой буквы.

Иван понял, что банально ненавидит этого одноклеточного Жермона. Иван хотел быть на его месте – там, где настоящие страсти и истинный язык любви, итальянский язык. Он окончательно возненавидел свою варварскую речь – этим грубым языком нельзя петь. Им можно лишь ругаться и писать путанные книги о выдуманных сложностях несуществующей души. Иван знал сейчас точно, что все эти псевдо-великие книги – самообман. А истинная жизнь была на сцене, где Виолетта занималась тем, чем единственно стоит заниматься – любовью. Она занималась любовью с Иваном. Ее голос наслаждался сам и, чувствуя, как стремительно растут любовные ощущения Ивана, увеличивал свои наслаждения за счет его наслаждений.

Скрытый сейчас тяжелый занавес с серпами и молотами придавал этой любви особый имперский вес – так даже зачехленное, спрятанное от посторонних глаз полковое знамя превращает толпу бывших крестьян в боевую единицу. Здесь, среди символов временно возрожденной Империи дорого продаваемая любовь возводилась в ранг государственной политики. Иван явственно увидел пышные многолюдные демонстрации, источающие наркотическую эйфорию единения. И знамена, море знамен, и надписи на них: «Любовь!», «Продажная Любовь!», «Дорого!», «Очень Дорого!».

И требования суровой государственной кары сторонникам дешевой демократической любви.

Опера закончилась, чахоточная Виолетта, выдав напоследок набор сочных и чистых звуков, умерла. Любовь была прекращена. Иван хотел еще.

Опера Чимарозы⁶⁵ «Тайный брак» в день премьеры была повторена на бис полностью – Стендаль⁶⁶ сравнил эту музыку с сексом.

«Было ли тогда, при Стендале понятие "секс"?» – подумал Иван и, глядя на серпасто-молоткастый занавес, вспомнил, как в разваливающемся СССР появилась фраза «У нас секса нет».

Эту фразу во время одного из первых телевизионных ток-шоу произнесла рассерженная советская женщина. Найти бы ее сейчас и узнать, что она абсолютно счастлива, что жизнь ее прошла не зря – ей повезло ввести в русский язык устойчивую фразу. Мало кому из профессиональных писателей и журналистов удастся такое. Сейчас эта мудрая и справедливая женщина должна каждый раз ощущать спокойное удовлетворение, обнаруживая свою великую фразу в информационном потоке.

«Мне так никогда не повезет. – думал Иван. – Мою фразу не будут исследовать лингвисты, мое имя не будет любовно написано на знаменах политического движения, мою оперу не будут петь в Большом Театре».

В сладком самоуничижении, в очередной раз удивившись идиотству памяти, Иван вспомнил, как Карузо⁶⁷ стал итальянским оперным певцом. Он служил солдатом в итальянской армии и играл на флейте, чем и собирался впоследствии зарабатывать на жизнь. Заезжий коммивояжер, торгующий фонографами, уговорил Карузо записать его игру с помощью звуковой машинки, видимо считая это хорошим маркетинговым ходом. Когда же Энрико услышал, как скверно он играет, он не только не купил фонограф, но умудрился, правда, за

⁶⁵ Доменико Чимароза, (1749 – 1801). Итальянский композитор. 99 опер, поставленные им с огромным успехом в главных европейских столицах и, в том числе, в Санкт-Петербурге, были фактически уничтожены работами Верди и Вагнера.

⁶⁶ Мари-Анри Бейль (Стендаль), (1783 – 1842). Французский автор психологических романов, путеводителей по Италии и Синдрома Стендаля – психосоматического расстройства, вызванного сильными эстетическими переживаниями. Был подвержен ему лишь во Флоренции – находясь в войсках Наполеона I, видел пожар Москвы, но одноименного синдрома не испытал.

⁶⁷ Энрико Карузо, (1873 – 1921). Итальянский тенор. По мнению ряда искусствоведов, создал формат музыкальной суперзвезды – стилистическая всеядность, глобальное распространение музыкальных записей, дружеские отношения с политиками и лидерами преступного мира.

бесценок, продать торговцу флейту. «Благодаря фонографу, теперь я не скверный флейтист, а довольно сносный певец». – кокетничал Карузо.

«Был ли в моей жизни такой заезжий продавец? – грустно думал Иван. – И если я ничего не достиг, то он виноват, а не я. Может я, в моих торговых передвижениях по стране, смогу принципиально изменить чью-то жизнь?»

Наутро, после ночи итальянской любви с Виолеттой, офисные женщины выглядели совсем отвратительно. Иван внимательно смотрел на Хизер, она корпоративно улыбалась ему в ответ. Хизер была не самая плохая иностранка в офисе. Ее фигура выглядела прилично и вполне правильные черты лица не были отягощены излишним англо-саксонством. Нос был горбатый и большой, но в меру. Фирменная английская морщинистость еще не успела сказаться на ее лице. Иван очень любил байку о том, что согласно неким исследованиям английский язык наиболее губителен для кожи лица – именно этим объясняется преувеличенная морщинистость английских стариков. Видимо английский язык требует слишком напряженной артикуляции, приводящей к усиленному движению частей рта, головы, а иногда и всего тела. Если прибавить ощущение личной свободы и окончательную победу феминизма, то получится повышенная живость говорящих английских женщин. В результате неподготовленный человек мог подумать, что высокооплачиваемая сотрудница международной корпорации просто строит окружающим рожи. Услышав, что все эти гримасы сопровождаются вполне серьезными разговорами о бизнесе, Иван первый раз подумал, что у его собеседницы нервный тик. Особенно поражала Ивана манера Хизер для усиления сказанного вытаращивать глаза и придавать рту прямоугольную форму. Словно из лица у нее каждый раз выпадал небольшой кирпич, оставляя характерную выбоину.

На таком фоне возможности Ирен были безграничны. Перводанность русской бабы, слегка прикрытая пониманием западной корпоративной культуры, давала Ирен такое преимущество, что превзойти ее было невозможно. Единственное, что несколько ограничивало ее карьеру, так это наличие у нее российского паспорта. Англичане как нация уже так долго имели дело с аборигенами, что интуитивно определяли границы доверия к ним. Иван достаточно быстро понял, что эти границы проводятся там, где начинается непонимание мотивации аборигена.

Англичане привычно не осуждали национальные странности, они их цинично учитывали. Но в случае с Ирен эти странности вызвали у импортного менеджера неожиданное для него восхищение, не пугая его излишним погружением в бездну чужих страстей и верований. Ирен качественно дозировала демонстрацию признаков национальной принадлежности. Искусственно это было сделать нельзя, нужно было направить все естество на достижение недостижимой для Ивана цели – быть полностью адекватным ситуации и при этом оставлять тень намека на непознаваемость. Естественно, английский бизнес-миссионер тут же начинал хотеть познать национальные особенности Ирен. Она ради такого к себе отношения тратила все и ничего – ее рецепт был поразительно прост: она думала о работе 24 часа в сутки, 7 дней в неделю, 365 дней в году.

Иван подумал много меньше – около секунды – и продолжил штамп: «Двенадцать лет в дюжине, сто лет в столетии. Кто знает, может Ирен столько проживет. Иногда кажется, что в нынешнем состоянии она будет находиться бесконечно».

Ивану иногда казалось, что и культурный опыт Ирен бесконечен. Она была способна если не понять, то почувствовать смысл любого сложного культурологического намека. Но ей сейчас не нужна была эта бесполезная мировая культура. Она словно переделала под себя известный лозунг «Настоящим коммунистом можно стать лишь усвоив все знания, накопленные человечеством». Для настоящего бизнесмена нужны были лишь четко определенные знания, но отнюдь не все. Самоограничение Ирен было сознательным, оно стало частью процесса ее выживания. У нее был муж, но она знала, что положиться в этой жизни ей не на кого. Однажды, разбирая какой-то корпоративный сюжет, Ирен сказала: «А вы читали поэта Хлебникова^{68?}»

⁶⁸ Виктор Владимирович (Велимир) Хлебников, (1885 – 1922). Российско-советский поэт. По мнению ряда искусствоведов, единственный поэт, повлиявший на самого влиятельного русского поэта Владимира Маяковского.

Иван, глупо обрадовавшись, чуть было не стал цитировать великого заумника, но вовремя осознал, что знание текстов Предземшара⁶⁹ будет ею расценено как отрицательное качество.

Достаточно быстро Иван понял, что Ирен знает о себе все и испытывает стандартный комплекс неполноценности, который в частной ее жизни, в интимные моменты с Иваном, проявлялся преувеличенно тщательными разговорами о работе. В рабочее время этот комплекс существовал в урезанном виде «Комплекса бывшей секретарши». Руководство людьми приносило ей удовольствие, сравнимое со счастьем советского провинциального ребенка от покупки настоящего пломбира за 18 копеек вместо обычного молочного мороженого за 13. С каким милым пафосом она говорила по телефону: «Я это поручу кому-нибудь из моих подчиненных!»

Очень часто этим подчиненным, выполнявшим ее спецпоручения, оказывался именно Иван.

О, унижение! Что мы знаем о унижении? Нам незнакомы его механизмы – нас так много унижали, мы сами унижали так мало. Видимо, к унижению не применим закон сохранения вещества и энергии – если никто никого не унижает, но все в результате оказываются униженными, то значит унижение либо самозарождается, либо привносится извне. К первому обоснованию склоняются материалисты, ко второму идеалисты. Униженные материалисты и униженные идеалисты. Но четче всего униженные делятся по половому признаку. Мужчина, которому вся Классическая Литература рассказывала о прелестях маскулинного героизма, склонен видеть унижение себя во всем. Он, ограниченный правилами и законами, засунутый в костюм и придушенный галстуком, не имеет права даже на демонстрацию эмоций. При этом сильная, повелевающая им женщина может позволить себе публично расплакаться, и он будет виноват в ее слезах. Он должен быть абстрактным «настоящим мужчиной» и совершать конкретные поступки выживания. Он должен быть сильнее женщины и подчиняться ей. Он должен платить за женщину и подчиняться ей. Он должен подчиняться женщине так, чтобы она не могла в раздражении кинуть ему: «Не веди себя как баба!»

Иван был удивлен насколько быстро он научился лавировать, насколько сильным оказалось удовольствие от унижений со стороны властной Ирен. Поразмыслив, он понял, что причина остроты этих новых для него ощущений в том, что в его исчезнувшей Империи не было интимной садо-мазо культуры. Ирен, как одно из порождений этой Империи, тоже не была приучена к плеткам, ремням, наручниками и кожаному белью. В постельной любви она была активна, но весьма традиционна. После очередной показательной взбучки Иван утешал себя мыслями о том, что Ирен могла бы тратить энергию начальницы в садо-мазо развлечениях. Можно было бы даже не переименовывать ее в традиционную для этой культуры «госпожу» и называть «руководительницей». «Нет, лучше – "руководителем". Или даже "любимым руководителем"». – грустно ухмылялся Иван, в очередной раз выслушав ее офисные порицания и указания.

Но в постели Иван становился главным. Выражение «в постели» служило очень примитивным заменителем реального положения дел, поскольку геометрия их физической любви становилась все более обширной – с наступлением весны Иван намеревался расширить геометрию до географии. Он давал Ирен поручения и наказывал за ненадлежащее их исполнение, он учил ее сексуальной корпоративной культуре и налагал штрафы. Он с особым смыслом стал любить разнообразные, зачастую самые нелепые и потому особо унижительные для Ирен позы. Она благодарно подчинялась, поскольку он был начальник, руководитель, босс.

Но в офисе боссом была Ирен. Она очень любила устроить показательную порку Ивана, чем добивалась двойного эффекта – окружающие еще больше боялись связываться с ней, раз она была так строга даже с ее верным вассалом, а Иван лишался малейшей возможности усомниться в его к ней лояльности. Для приведения себя в психологическое равновесие после

⁶⁹ Председатель Земного Шара (Предземшара). Звание, означающее принадлежность к созданному в 1915 г. Велимиром Хлебниковым Обществу Председателей Земного шара – 317 Председателей должны были править всемирным Государством Времени. Первых Предземшара назначал сам Хлебников – среди них были поэты, писатели, художники, музыканты, летчики и сотрудники китайского посольства. После Смерти Хлебникова новые Предземшара назначались выбранными им Председателями до середины 1980-х гг.

очередной демонстрации его подчиненного положения Иван вспоминал исторические случаи самых утонченных унижений, которые даже стал специально собирать.

Знатный и богатый вельможа Волынский⁷⁰ собственноручно побил, а потом приказал и своим солдатам побить поэта Тредиаковского⁷¹. Что поделывать, Тредиаковский был жалкой личностью, писал доносы, и был поэтом.

«Вот это хорошее, правильное унижение – быть поэтом в то варварское время, когда поэт был ниже дворецкого. – смаковал Иван. – А быть именно русским поэтом среди говна еще унижительней, потому что русская поэтика тяготеет к изяществу и благозвучию. И в такой момент изящества и благозвучия ты и получаешь по морде».

Иван быстро понял, что не может полноценно играть в корпоративной жизни ни роль слуги, ни роль господина. Нужно было обладать особым свойством прямо или косвенно объяснять всем сотрудникам, что они явно не дорабатывают, а он, Иван, упорным трудом, сдобренным уникальным талантом, быстро решает поставленные начальством задачи. Иван мог унижить человека, но не мог довести это унижение до окончательной стадии. В офисе всегда много работы, которая по штатному расписанию не закреплена за конкретным сотрудником. Цель корпоративного унижения и была, прежде всего, в том, чтобы жертва потеряла волю и занялась тем, что мог сделать и сам Иван. Но в последний момент ему становилось стыдно и противно. И тогда жертва чувствовала слабость Ивана и, осмелев, начинала унижать его самого.

Функцию защиты Ивана от окружающих с удовольствием взяла на себя Ирен, позволяя лишь себе унижать его. И он полностью поступил в ее распоряжение, зная, что ночью отомстит ей за все. Ирен, словно предчувствуя прелесть ночных унижений, днем в офисе старалась максимально проявить власть над Иваном – так она сообщала Ивану энергию его ночных на нее воздействий.

⁷⁰ Артемий Петрович Волынский, (1689 – 1740). Крупный вельможа при дворе Анны Иоанновны. Запутался в интригах, обвинен в заговоре и после пыток казнен – среди многочисленных обвинений числилось и избивание поэта Тредиаковского.

⁷¹ Василий Кириллович Тредиаковский, (1703 – 1769). Российский поэт. Переводчик и издатель первой в России эротической книги «Езда в остров любви». В литературоведении конкурируют две оценки его творчества – реформатор русского стихосложения и бездарный рифмоплет. Все исследователи считают его беспринципным интриганом.

Советский рубль был странной валютой – хотя бы потому, что иметь много рублей было и бесполезно, и опасно. Если ты, конечно, не академик, не член Союза Писателей, не поешь в Большом Театре. Жизнь измерялась натуральными категориями, среди которых бутылка водки была одной из самых главных. Люди, убежденные, что понимают смысл экономики СССР, с профессорским видом объясняли несведущим, что себестоимость бутылки водки равна магазинной стоимости количества алкогольной жидкости, налитой в пробку-бескозырку от этой бутылки. Безумная рентабельность вино-водочной промышленности должна была показать даже самому ярому диссиденту несокрушимость социалистического метода хозяйствования. Под этот политэкономический разговор водка и выпивалась.

Иван уже давно не зарабатывал рубли. Рубль прекратил существование как экономическая категория – если Ивану встречалась рублевая цифра, он мысленно старался перевести ее в долларовый эквивалент. Хотя, какой уж тут эквивалент – перевод стоимости вещи в доллары выглядел как спасение репутации этой вещи! Но советского вида натурализация долларового дохода тоже была свойственна Ивану – свой заработок он часто измерял в заграничном алкоголе. Благо повод для этого ему предоставлялся очень часто – поение клиентов за счет компании и всевозможные корпоративные вечеринки.

Каждую пятницу после обеда в отделе продаж, к которому относился и Иван, незаметно начиналась пьянка. Самый молодой сотрудник отсылался за выпивкой и закуской – Ивана от мальчишеской повинности спас выпускник МГИМО⁷², нанятый почти сразу после Ивана. Бутылки ставились в шкаф и маскировались за папками с документами. Сотрудники подходили с деловым видом к шкафу и наливали в обычную непрозрачную чашку импортную жидкость. Чтобы она была похожа на чай, использовался в основном виски. Для пущей маскировки в чашку ставили чайную ложку, которую при питье нужно было поддерживать большим пальцем. К концу рабочего дня сотрудники начинали попадать торчащими из кружек ложками себе в глаза. После официального окончания рабочего дня тайная выпивка становилась явной и превращалась в широкомасштабную попойку, которая на офисном жаргоне называлась «Днем вертолетчика».

Иван вряд ли был сильно пьющим человеком, но желание приобщиться к хэмингуэйско⁷³-ремарковским⁷⁴ виски, джину и кальвадосу заставляло его этот заграничный алкоголь потреблять. Сейчас, ознакомившись с основами маркетинга, Иван стал подозревать, что благосостояние многих некогда модных писателей основано отнюдь не на продаваемости их книг, а на тайном спонсорстве табачных и алкогольных компаний, чьи марки вкраплены в ткань романтического, постромантического, модернистского и особенно постмодернистского повествования. «Хотя мировые компании вряд ли платят постмодернистам. – рассуждал подвыпивший Иван. – В их текстах все равно ничего нет, кроме курева и выпивки».

Достаточно быстро Ивана стал удивлять его «квасной патриотизм». Несколько заезженный термин был введен в обращение скорее западником, чем восточником – Иван с

⁷² Московский государственный институт международных отношений (МГИМО). Основан в 1944 г. Молотовым. Одно из самых престижных высших учебных заведений СССР и один из самых известных сталинских социальных лифтов для молодых людей рабоче-крестьянского происхождения, обучавшихся вместе с детьми высшего советского руководства.

⁷³ Эрнест Миллер Хемингуэй, (1899 – 1961). Американский писатель и журналист. До исчезновения СССР считался одним из самых влиятельных писателей XX в. Был настолько своим для левой европейской и советской интеллигенции, что после провала социалистического проекта его тексты потеряли былую популярность. Сейчас более известен как авантюрный и разнообразно пьющий маскультурный персонаж. Модель ружья, из которого он застрелился, после его Смерти названа Hemingway.

⁷⁴ Эрих Пауль (Мария) Ремарк, (1898 – 1970). Немецко-американский писатель. В СССР считался одним из самых влиятельных писателей XX в. Казался настолько своим для советской интеллигенции, что после провала социалистического проекта его тексты потеряли былую популярность. Сейчас более известен как автор афоризмов – например, «без любви человек не более чем мертвец в отпуске».

гордостью употреблял этот уже свой термин вместо слова «славянофил» – князем Вяземским⁷⁵, который сам пил французское шампанское, а не русскую водку или хрестоматийный квас.

«Но что есть русский алкоголь?» – рассуждал Иван, вспомнив, что все приличные горячительные напитки Россия заимствовала, обходясь до этого плохочищенными продуктами брожения. Его пьянеющий мозг вспомнил неизвестно откуда полученный факт: умение делать водку пришло из Польши при Иване Грозном⁷⁶, создавшем первый в стране кабак – до этого русский человек напивался культурно, на дому. Французская технология производства виноградного вина была внедрена лишь в XIX веке после начала реального освоения Крыма.

«Все тут импортное – и Православие, и Коммунизм, и водка!» – предавался Иван общерусскому самоуничижению, глядя на стол в комнате для переговоров, уставленный иностранным алкоголем и иностранной едой.

Иван немного удивился своим мыслям, не обнаружив на столе ни Православия, ни Коммунизма. Оглядевшись, он обнаружил чудовищную смесь этих двух доктрин в быстро напивавшихся импортным алкоголем сотrudниках. Иван же сейчас намеревался победить в себе импортное «коммуноправославие» – «Это словесное чудовище должно значить "прославление коммунальных прав"». – попытался пошутить Иван. – алкоголем своим, имперским. Он пил армянский коньяк.

Армения уже не была частью великой Империи, но вряд ли успела изжить последствия русской колонизации. Поэтому теплый, плавно втекающий в мозг вкус армянского коньяка был объявлен Иваном внутренним, не импортным вкусом и был противопоставлен сдавленным ароматам французских коньяков, и, тем более, запаху кирзового сапога, происходящего из бутылок виски. Напоенное имперскими алкогольными парами сознание Ивана выхватило откуда-то слова «припасть к голенищу». Этот русский чиновничий образ чудовищным образом соединился с шотландским происхождением виски. Сейчас для пьяного сознания Ивана Шотландия была неотъемлемой частью Британской Империи и голенище, к которому подобострастно припадали русские любители виски, было голенищем британского солдата, омываемое всеми морями и особенно Индийским океаном.

Русская колонизация окраин закончилась. Британская колонизация окраин продолжалась. Иван, влив в себя уже явно лишнюю рюмку армянского коньяка, ощутил себя борцом с британскими захватчиками. Далее сознание представило Ивану картинку Крымской войны⁷⁷,

⁷⁵ Петр Андреевич Вяземский, (1792 – 1878). Российский князь. Мог стать великим поэтом и писателем – его стихи ценил Пушкин, а Толстой позаимствовал его описания Бородинской битвы для «Войны и Мира». Мог стать великим политиком, автором Конституции. Мог стать великим революционером после ссоры с Александром I. При Николае I стал финансовым чиновником, тихо презирающим службу. При Александре II возглавил Главное управление цензуры. Написал стихи на рождение Николая II. Автор выражения «Квасной Патриотизм». Умер на курорте Баден-Баден.

⁷⁶ Иоанн I (IV) Васильевич (Грозный), (1530 – 1584). Первый российский царь. При жизни именовался Иоанном I, а номер IV получил благодаря работам российского литератора и историка Николая Михайловича Карамзина, (1766 – 1826). Первый из российских правителей озаботился признанием своих титулов Европой, начал торговлю с Англией, хотел жениться на королеве Елизавете I. При нем эмиграция стала частью внутренней политики – крупные вельможи спасались от гнева царя в Литве и Польше. Внедрял европейские технологии: применение подвижных укреплений Гуляй-Город (Wagenburg от Wagen – повозка (нем.), Burg – крепость (нем.)) позволило в 1572 г. в битве при Молодях 20-тысячной русской армии разгромить 120-тысячное крымско-турецкое войско – в случае поражения Московское Государство перестало бы существовать. Пытался ввезти европейских ремесленников, врачей, типографщиков и художников – власти Любека не пропустили их в Россию. По мнению ряда историков и психологов, если бы после Смерти из-за вероятного отравления любимой жены Анастасии Романовны Захарьиной-Юрьевой (Романовой), (1530 или 1532 – 1560), не произошли изменения в его психике и он не начал бы репрессии бояр, вошел бы в Историю как царь-реформатор, навсегда избавивший Россию от угрозы с Востока.

⁷⁷ Восточная Война (Крымская Война). Серия конфликтов в 1853–56 гг в Крыму, Черном, Балтийском, Белом морях, на Балканах, Кавказе, Дальнем Востоке между Российской Империей и коалицией Британской, Французской, Османской Империй и Королевства Савойя-Сардиния. По мнению либеральных историков, продемонстрировала политические, экономические и инфраструктурные проблемы российского государства, вынужденного приступить к реформам – по одной из версий, Николай I из-за поражения покончил с собой. По мнению консервативных историков,

графа Толстого⁷⁸ и хирурга Пирогова⁷⁹ – последний деловито резал русских моряков, а первый описывал, как они, понимая, что с их участием вершатся судьбы мировой медицины, бормотали: «Это ничего, это отрастет».

Очнулся Иван в самом интимном и дружелюбном месте офиса – в сортире. Русское слово «сортир» не подходило для чистого, хорошо пахнущего помещения, похожего на хирургическое отделение дорогой клиники, где восторжествовали антисептические идеи Пирогова и гуманистические Толстого. Поэтому Иван называл это место водяным шкафом, дословно переводя с английского словосочетание «water closet». Днем Иван здесь производил хирургические вмешательства в свое сознание. Когда публичные унижения Ирен терпеть было невозможно, Иван как можно более незаметно проскальзывал в водяное убежище и запирался в нем. Он открывал краны и долго смотрел на себя в зеркало, пытаясь отыскать в глазах остатки мужского достоинства. Он мысленно отвечал Ирен, взывал к ее разуму и женскому состраданию, намекал на их нежные отношения и грозил лишить ее физической любви. Но Ирен не поддавалась даже в его мыслях. Тогда Иван беззвучно орал на нее: «Молчать, сука! На кухню, сука! Чтобы через пять минут борщ был готов, старая проститутка!»

Обычно на этих воплях фантазии Ивана останавливались – он представлял в глазах Ирен детскую обиду на напоминание о ее возрасте и нескольких годах разгульной жизни после окончания первого замужества. Вымышленной, но такой реальной обиды Ивану было достаточно, он в очередной раз понимал, что не может слишком серьезно злиться на Ирен. К тому же после тайных водных процедур Ирен прекращала экзекуции – словно она знала о неудавшейся попытке ее оскорбить и о раскаянии Ивана.

Сейчас водяное убежище произвело целебное воздействие на иванов организм – он был чист и прохладен. Душа же его была спокойна и, если о душе можно говорить как о реальной физической субстанции типа газа, она занимала внутри Ивана минимально возможное место. Физиологические последствия принятия алкоголя были преодолены и Иван спокойно – «Медленно». – подумал он. – наслаждался минималистским состоянием.

Алкоголь, наряду с колесом, законами Ньютона⁸⁰, джинсами, косметикой и женским бельем, входит в список величайших достижений человечества. Все страдания человека заключены в его черепной коробке и качественный удар по мозгам бывает очень полезен – алкоголь работает как античеловеческое лекарство. Человек забывает свои излишние, наносные

продемонстрировала силу Российской Империи, выдержавшей противостояние с Западной Цивилизацией и ставшей жертвой советской историографии, выделившей относительно неудачные военные действия в Крыму и замалчивающей успешные операции российской армии – первая война нового типа: соревнование военных технологий, широкомасштабные информационные кампании, формирование глобальных логистических цепочек, породила новую медицину и литературу.

⁷⁸ Лев Николаевич Толстой, (1828 – 1910). Российский писатель, мыслитель и военный служащий. Первая российская общемировая масскультурная звезда. Из-за противодействия со стороны правительства и Русской Православной Церкви не смог завершить главное дело жизни – создание новой всемирной религии.

⁷⁹ Николай Иванович Пирогов, (1810 – 1881). Первый российский ученый мирового уровня. Заложил основы современной хирургии и анестезии, впервые применил гипсовую повязку для лечения переломов.

⁸⁰ Сэр Исаак Ньютон, (1643 – 1727). Британский математик, физик и чиновник. Наряду с Марксом и Станиславским сформулировал базовые законы Мироздания. Создал основы современной математики и физики. Первый ученый, ставший масскультурной звездой. Если бы мать Ньютона не согласилась вернуть его в школу, стал бы поэтом. В последние 20 лет жизни оставил математику и физику ради теологии, истории, экономики и алхимии, что вызвало его отравлению ртутью. Никогда не был женат, что породило слухи о его гомосексуальности или девственности.

сложности и вспоминает базовые вещи. И Иван вспомнил – сегодня, 11 февраля, Гоголь⁸¹ сжег «Мертвые Души».

«Хороший повод для того, чтобы выпить. Все мы, в известном смысле, сжигаем сейчас свои мертвые души. Впрочем, что с ними еще делать – они же мертвые?» – подумал Иван и понял, что не знает, сколько времени он провел в тайном лечебном месте. Он вспомнил, что забыл о существовании Ирен. Иван отметил забавность сочетания «вспомнил, что забыл» и ужаснулся неотвратимому наказанию.

Комната для переговоров выглядела как квартира потомственных алкоголиков. Посреди остатков пьянки в кресле сидела Ирен и внимательно смотрела на Ивана.

«Я думала, что ты обиделся и ушел». – серьезно сказала Ирен.

«Разве ты меня обижала?» – осторожно спросил Иван.

«Да, я тебе весь день говорила гадости и обидности. Мне так стыдно. Я была уверена, что ты решил меня бросить». – Ирен пыталась преданно смотреть прямо в глаза Ивану. Иван понял, что Ирен пьяна и готова выполнить любую его прихоть. Еще немного, и она будет требовать ее наказать. И Иван приступил к их тайным отношениям.

«Женщина никогда не должна оправдываться. Не имеет права. Мужикам нельзя давать такого послабления и показывать, что ты чувствуешь себя виноватой. Пусть ползает на коленях и преданно заглядывает в глаза. Мужик же, наоборот, должен стремиться заставить женщину оправдываться и преданно заглядывать ему в глаза. И только такое единство-борьба противоположностей способно развлечь обоих. Или обеих». – воспитывал Иван Ирен, стараясь как можно тверже смотреть в ее глаза.

Иван сейчас примитивно наслаждался мужским удовольствием власти над своей женщиной. Правда, он чуть было не совершил ошибку и не пустился в лингвистические рассуждения о том, что русский язык анти-феминистичен. Он успел подумать, что с точки зрения настоящей феминистки нужно говорить «обеих», а лучше придумать специальное слово – например, «обоих» или, чтобы быть совсем феминистичным, «обеоих». Но Иван вовремя остановился. Ирен жаждала унижений, и словно для подготовки к ним начала жаловаться.

«Как мне надоел мой муж! – говорила Ирен, и в ее голосе явно нарастало желание физического сексуального контакта. – Мне с ним неинтересно, он совсем ручной. Я его сделала тем, кто он есть, я заставила его оторвать жопу от дивана. И самое противное, что он мне преданно благодарен. На пьедестал меня поставил. А там холодно, под юбочку мою короткую поддувает».

Исповедальный тон Ирен на мгновение сменился отчаянным кокетством, чуть вульгарнее обычного: «Ты же меня знаешь, какие короткие юбки я ношу».

Резкая смена тона была вызвана излишней дозой импортного алкоголя, превращавшего Ирен в Хрестоматийно Русскую Бабу — точнее, в русскую бабу в представлении советского человека. Вся ее импортная корпоративная оболочка исчезла, и она предалась пьяной исповеди, пока еще преобладавшей над пьяным же кокетством:

«На пьедестале стоять почетно, но жить там нельзя! В том числе и половой жизнью!»

Словесный сексопатологический штамп, одобренный милой пьяной вульгарностью, обрел очень живой смысл, усиленный упоминанием короткой юбки. Кокетство окончательно возобладало над исповедальностью. Время Ирен закончилось. Начиналось время Ивана. Ирен по инерции еще продолжала:

⁸¹ Николай Васильевич Яновский, (Гоголь-Яновский, Гоголь, В. Алов), (1809 – 1852). Российский писатель, поэт, историк, актер-любитель и чиновник. Первый русскоязычный писатель мирового уровня. По мнению ряда литературоведов, сформулировал основные принципы Великой Русской Литературы, отличающие ее от других великих литератур – героизация маленького человека; абсурдизм; подмена литературой национальной философии. Ряд культурологов считает, что личный сюжет Гоголя, сделавший его персонажем некоего идеального литературного произведения, составляет предмет писательской зависти – абсурдная судьба, ставшая логичной благодаря Смерти; легенды о захоронении живым и посмертная жизнь, выразившаяся в стремлении западников, славянофилов и коммунистов сделать его своим; коммерческая успешность и посмертная оценка в 43 руб. 88 коп. его личного имущества.

«Если бы он пытался меня изменить. Если бы изменил – я была бы рада. Но ведь даже не пытается. И не изменит».

Иван сидел напротив Ирен и смотрел, как она разговаривала с ним всем телом. Короткие, даже резкие движения Ирен усиливали, а иногда и меняли смысл произносимых ею фраз. Последней ее фразе согласно этому сурдопереводу соответствовала поза, в которой одна нога была по-детски, с выставлением невинной коленки поджата, а вторая очень по-взрослому вытянута вперед. Иван решил сразу не выступать нарушителем детской невинности. Он медленно потянул кресло Ирен к себе и положил обе ладони на ее выставленную вперед взрослую ногу выше колена. Разговор был окончен. Началось действие.

Ирен много видела и чувствовала. Она умела себя вести, как говорили в советские времена, «за столом и в коллективе». Она даже неоднократно была за границей – этот факт для Ивана, никогда не покидавшего границ Отечества, значил бесконечно много. Но она любила в принципиальные моменты своего сюжета применять поведенческие штампы, подсмотренные в голливудских фильмах класса «Б». Иван предполагал, что эстетика Ирен сформировалась в эпоху бесконтрольного развития кабельного телевидения в последние годы Советской Власти. Тогда в девственное сознание советского человека были бессистемно ввалены шедевры мирового кинематографа вперемежку с отчаянной порнографией и тупыми боевиками. Шедевры быстро закончились, и каждую ночь советский человек стал участвовать в дешевых драках и предаваться дешевой любви. Правда, природный вкус Ирен если и не преодолевал эти культурологические штампы, то придавал им милый привкус – с Ирен проживать их было весело и легко.

Видимо в начале Перестройки Ирен жила в том районе Москвы, владельцы кабельной сети которого предпочитали немецкую порнографию. Именно этим нужно было объяснять, почему Ирен, снимая с Ивана брюки, сперва резким красивым движением вытянула ремень. Далее она распустила и вытянула его галстук из-под воротника рубашки. Оставшиеся одежды Ивана Ирен снимать не стала, но перевела их в крайнее положение, отчего его ноги оказались стреноженными спущенными брюками, а руки могли совершать маневры лишь вокруг кружевного бюстгальтера Ирен, поскольку рубашка была расстегнута и перемещена на его спину и локти. Немецкий порнографический стандарт оказался настолько уместным для любовной сцены в переговорной комнате офиса иностранной компании, что Иван начал подыгрывать. Он принципиально не стал расстегивать ее лифчик, а оттянув, поместил его выше груди Ирен. От этого бельевого хулиганства ее груди, и так выглядевшие весьма молодо, стали торчать как на картине плохого художника начала XIX века из Эрмитажа. На ней была изображена аллегория то ли невинности, то ли ее попрания, то ли желанья невинности быть попранной. Олицетворением этой невинности была голая розовая девочка, груди которой опровергали законы тяготения и биологии. Они торчали так, словно в них был вшит даже не силикон, а вставлен жесткий проволочный каркас, и вокруг этой конструкции была создана искусственная невесомость. Имя художника Иван не запомнил, да и на саму картину обратил внимание из-за похотливого старого экскурсовода, остановившего у нее группу школьников.

Картина не заслуживала того, чтобы стать предметом изучения. Но старый – как говорили в эпоху написания этой картины – «сластолюбец» видимо уже не в первый раз использовал ее для убления своей похоти. Лысый, в жутких очках экскурсовод, хихикая и развязно жестикулируя, для начала распалил себя рассказом о том, как ведет себя эта невинность перед тем, как над ней надругаются. Экскурсовод говорил то басом, изображая одного из мужских героев картины, то тоненьким противным голосом невинности, провоцирующей обладателя баса. Зрелище было отвратительно. Вдруг старый похабник, вытащил за руку из группы школьников девочку, развернул ее к себе спиной, и стал повторять все, что он только что говорил. Экскурсовод терся о круглую задницу девочки и, довольно скалясь, вещал на два голоса. Девочка пошло хихикала, что выдавало в ней будущую развратницу. «Вот он, базовый метод советского просвещения отсталой страны. – подумал тогда Иван. – Учитель закрепляет пройденный материал с использованием живого наглядного пособия. Эта чудовищная картина надолго останется в памяти школьников».

Иван отодрал Ирен от себя, перевернул ее и положил животом на стол.

«Я старый похотливый экскурсовод! – думал или кричал Иван – он уже сам не мог понять, слышит ли его Ирен. – А она невинная школьница, из которой именно я, а никто другой, сделаю развратное чудовище, которое будет насиловать в корпоративном сортире курьеров и шоферов! Это сделаю я! Я! Я! Я!»

«Ты так орал это свое "Я!", что я подумала, что это не ты». – говорила Ирен, деловито поправляя лямочки и застегивая пуговицы.

Она повернулась к Ивану. Весь ее офисный наряд был приведен в дневное рабочее состояние. Только юбка, подобно детскому спустившемуся чулку, была собрана на поясе. Иван, глядя на эту юбочную гармошку, подумал, что у Ирен какие-то личные счеты с силой всемирного тяготения – ее юбка, в отличие от детского чулочка, сворачивалась вверх, ее груди торчали, как в эрмитажной невесомости. Иван вспомнил советскую байку о том, что американцы собирались запустить на шатле супружескую пару и провести первое в Истории экспериментальное космическое соитие. Иван почувствовал, что мужские части его организма с готовностью отзываются на эти видения.

Ирен спокойно глядела Ивану в глаза. Словно увидев в них плавные космические сексуальные картины, она медленно расправила юбку, легко и немного развратно усмехнулась и сказала: «Я пошла. Меня в машине внизу ждет верный супруг, а дома макароны и папилютки⁸²».

Слову «папилютки» ее научил Иван.

Она шла, не оглядываясь по офису, чуть сильнее, чем обычно вихля бедрами. Юбка, как всегда, обтягивала ее аккуратную задницу, но сила юбочного натяжения не могла скрыть горизонтальных складок, нехарактерных для офисной работы. Ирен знала, что Иван смотрит ей в след.

«Идиоту должно быть понятно, чем она сейчас занималась». – подумал Иван.

Иван сидел среди остатков пьянства и разврата и смаковал мужское постсексуальное ощущение явно не физиологического качества. Обычно Ивану не было свойственно самодовольство, но в эти редкие минуты, когда он после физического контакта с женщиной оставался один, он ощущал себя хозяином сюжета, почти классическим суперменом из комикса. Женщины и предметы повиновались ему. Ощущения были несколько глупы, но приятны.

Как странна и забавна физическая любовь. Ты берешь – Иван физически осознал, как этот глагол стал заменителем более грубых слов – человека с его мыслями, философией, делом его жизни, социальным положением и примитивно употребляешь его, ее. Ты просто раздвигаешь ей ноги, а она говорит: «Давай!»

Есть в этом действе что-то от высшей социальной справедливости, от ее попрания и восстановления. С Ирен Иван ощущал эту несправедливость особенно остро. Он пробовал бороться за самоопределение, но Ирен не оставляла ему ни одного шанса. Единственным способом временно трансформировать несправедливость в справедливость была физическая любовь. Иван вспомнил свою юношескую фразу, когда он одной подруге хвастался первым сексуальным опытом с другой, делая вид, что этот опыт далеко не первый: «Я произвожу убойное впечатление на любую женщину, независимо от ее возраста и пола». Подруга смотрела на него с доброй усмешкой и тоже была не против, а Иван медлил приступить к сексуальным действиям и упивался властью над происходящим и особенно над непроисходящим.

Следы алкоголя и физической любви стремительно улетали из сознания Ивана. Он сидел на столе и думал банальную мысль: «Как жить дальше?»

Он понял, что начинает уставать от примитивного фрейдизма Ирен, почерпнутого ею из американских мелодрам – видимо, в начале Перестройки Ирен смотрела не только немецкую порнографию. В этих слезоточивых фильмах проблемы героев всегда объяснялись каким-нибудь комплексом. Кроме классического комплекса вины, для объяснения глупых поступков персонажей сценаристы вводили комплексы чего угодно – лишь бы они имели детское происхождение. В одном из фильмов героини совершенно серьезно рассуждали о влиянии на их

⁸² Papillote (бумажная обертка (фр.)). Кусочки ткани или бумаги, использовавшиеся для создания кудрей до появления в индустрии моды промышленных методов.

жизнь «комплекса Микки Мауса⁸³» – в детстве, наблюдая за похождениями супермыши, они надеялись, что во взрослом состоянии смогут всего добиваться легко, сохраняя при этом идиотскую улыбку на лице.

Упрощенный фрейдизм настолько пропитал эти фильмы, что их герои сами стали психоаналитиками и постоянно пытались оказать друг другу психоаналитическую помощь – в драматический момент они спрашивали с судьбоносным видом: «Хочешь о этом поговорить?» Отзывом на этот пароль была фраза: «Не надо, я справлюсь!» Если фильм был снят в жанре мелодраматической комедии, то грудастая тетя к этой фразе прибавляла: «Я уже взрослая девочка!»

Но как только в возрасте партнеров обнаруживалась существенная разница, начинались сплошные эдиповы⁸⁴ комплексы. Классический эдипов комплекс описывает проблемы мальчиков, но американская мелодрама, видимо из феминистских соображений, установила равенство полов и создала женский эдипов комплекс. Иван подумал, что в женском варианте этот комплекс нужно было назвать иокастовым в честь матери Эдипа Иокасты, в качестве жены родившей ему четверых детей. Или антигоновым в честь его дочери Антигоны⁸⁵. Но американские сценаристы, не желая слишком напрягать зрительские мозги, создали универсальный комплекс.

«Сексуальный комплекс юнисекс». – грустно ухмыльнулся Иван.

Он понимал, что сейчас это психоаналитическое изобретение Голливуда стало оказывать слишком сильное влияние на его личный сюжет. Сюжет становился одновременно слишком сложным – Иван уже не мог с ним справиться, – и слишком простым: взрослый папочка любил-наказывал маленькую девочку, опытная мамочка спасала-унижала нежного мальчика. Голливудские сюжеты часто прибавляли к этим схемам американскую специфику – тени рано и одновременно умерших родителей. Впрочем, допускались варианты – мамочка вышла за молодого и уехала в Европу, а папаша сидит в тюрьме. Родительский оттенок в отношениях Ивана с Ирен можно было охарактеризовать советским силлогизмом: «Я же тебя добра желаю!» Ирен желала Ивану добра и знала, что конкретно он должен делать для достижения этого добра. При чем некоторые действия Иван обязан был выполнять, предугадывая распоряжения Ирен. Это ему удавалось крайне редко. Сейчас Иван пытался предугадать свое будущее целиком.

«Иногда она ведет себя как дорогая проститутка. – рассуждал Иван. – Одни ее юбки чего стоят. Но в семейных вопросах она крайне традиционалистский человек. Поэтому она в любой момент может уйти от мужа или выгнать его. Но она не может быть одна, не может быть не замужем, ей нужно реализовываться, подавляя мужика, воспитывая мужика».

Иван ощутил, как на него наваливается вязкий, пахнущий почему-то борщом – Ирен не умела его готовить – и старческой затхлостью – Ирен всегда благоухала – бытовой ужас.

«А сможешь ли ты все это на себя взвалить?» – спросил сам себя Иван.

⁸³ Микки Маус. Персонаж, созданный в 1928 г. американскими художниками Абом Эртом Айверксом, (1901 – 1971), Лесли (Лесом) Джеймсом Кларком, (1907 – 1979), и американским художником, режиссером и бизнесменом Уолтером (Уолтом) Элайасом Диснеем, (1901 – 1966), после того, как Walt Disney Studio лишилась прав на Кролика Освальда. По мнению ряда культурологов, единственный значимый персонаж в Истории, лишенный отрицательных качеств. Изначально выбор стоял между лягушонком, котенком и щенком, но Дисней настоял на мышонке, поскольку в его офисе было много мышей. По мнению ряда искусствоведов, наибольший вклад в создание персонажа внес Айверкс, но в титрах в качестве автора указывалось Walt Disney Productions. До того как у Диснея появился хронический кашель из-за курения, он сам озвучивал Микки Мауса. Скрытый Микки – знак, составленный из трех окружностей, символизирующих голову и уши Микки Мауса – неявно используется в продукции The Walt Disney Company.

⁸⁴ Эдипов комплекс. Базовый комплекс Фрейдизма, объясняющий практически все душевные проблемы. Выражается в бессознательном эротическом влечении ребенка к родителю противоположного пола и ненависти к родителю своего пола. Сформулирован Фрейдом на основе его отношений с матерью. Назван по имени легендарного царя греческого города Фивы Эдипа, по незнанию убившего своего отца Лая и женившегося на своей матери Иокасте. Ряд культурологов полагает, что, поскольку Фрейдизм опровергнут современной наукой, этот комплекс можно считать ортопедическим – младенцу по приказу отца прокололи ноги, а воспитавший его соседний царь Полиб придумал имя Эдип, означающее «со вспухшими ногами», и Эдип убил Лая за то, что колесо его повозки наехало ему на ногу.

⁸⁵ Антигона. Дочь-сестра Эдипа. Проявила фрейдистскую любовь к родителю противоположного пола, сопровождая его в скитаниях после того, как он ослепил себя.

В ранней молодости в альбоме уездной барышни он обнаружил универсальный критерий классификации отношений между девочкой и мальчиком: «Если уроки, которые они вместе делают, получаются, то это дружба. А если не получаются, то любовь».

«У нее, конечно, уроки получаются. А у меня нет. – зло подумал Иван и ужаснулся. – Неужели это любовь?»

Глава 7

«Ужасно несправедливо». – сказал Иван, глядя на подписанную генеральным менеджером бумажку.

«Почему?» – спросила Ирен и, с явным удовольствием играя маленькую девочку, посмотрела Ивану в глаза ровным честным взглядом.

«Я всего достигаю умом, трудом, хитростью, подлостью. Головой умной всего добился. А ты пришла, повертела задницей, и все само устроилось». – Иван потряс бумажкой с подписью.

«Значит, моя задница стоит твоей головы. Точнее, стоит больше твоей головы. Много больше». – сказала Ирен, и почти незаметно выгнулась так, что у Ивана не осталось сомнений в ее словах о сравнительной ценности его собственной головы. Такая наглость требовала отмщения.

«Мужчина, притащи себя ко мне. Я до тебя охотна». – так в эпоху Екатерины II⁸⁶, галлицизмами выражая желание жить как в Европе, изъяснялись вельможи в любовных записочках. О, благословенное екатерининское время! Варварство петровской эпохи позади, в тюрьме сидит единственный политзаключенный Новиков⁸⁷, карьеры делаются посредством галантности, поэзии и эротизма. Любовник эпохи номер один Григорий Орлов⁸⁸ после окончания жизни с императрицей говорил братьям: «Стоять рядом со мной не могла. Дрожала». Иван не мог вспомнить кто в действительности говорил эту фразу – герой исторической хроники или персонаж советского костюмированного фильма, но отомстить Ирен он решил именно по-орловски. Впрочем, других способов у него все равно не было.

Место мести – Иван порадовался дурацкому каламбуру – было выбрано согласно базовым театральным законам: действие происходило в кабинете Ирен, по Системе Станиславского отделенном от зрителей четвертой прозрачной стеной – сквозь стеклянную перегородку сотрудники подглядывали за начальницей и ее фаворитом. Иван открыл шкаф, достал папку с документами и, обогнув открытую дверцу, оказался за кулисой. Папку он небрежно бросил на стол, вплотную подошел к Ирен и положил руку на то, что было ценнее его головы.

«Иди, работай». – тихо сказала Ирен, глядя Ивану в глаза. Иван сделал шаг назад, ударил локтем по дверце шкафа, дверца закрылась и Ирен на долю секунды оказалась в прозрачном кабинете под взглядами двух десятков подчиненных абсолютно голой. Ей можно было гордиться состоянием своего тела. Глупое телесное счастье и детский голый стыд заставили Ирен резко вздохнуть. Этот краткий воздушный звук слышали все. Голова Ивана была отомщена. Но Ирен была на работе, она была руководителем. Всю эротическую энергию, полученную за это мгновение, она тут же бросила в бизнес и с новой силой стала управлять.

⁸⁶ София Августа Фредерика Анхальт-Цербтская, (Екатерина II Алексеевна Великая), (1729 – 1796). Императрица Всероссийская. По мнению ряда историков, заложила основы российской политэкономической системы – закабаленное непросвещенное население; европеизированная элита; огромный коррумпированный госаппарат; мощная пропаганда, создающая образ прогрессивного правителя; запутанная национальная политика; сырьевая экономика; высокая инфляция; большой внешний долг.

⁸⁷ Николай Иванович Новиков, (1744 – 1818). Российский издатель. Его журнал «Трутень» составлял конкуренцию издаваемой Екатериной II «Всеякой всячине». Один из первых просвещенных русских националистов – выступал против излишней европеизации дворянства. Многочисленные проверки не выявили серьезных преступлений, но он был заключен на 15 лет в Шлиссельбургскую крепость личным указом императрицы и освобожден Павлом I.

⁸⁸ Григорий Григорьевич Орлов, (1734 – 1783). Российский военный служащий. Один из самых любимых фаворитов Екатерины II – она намеревалась выйти за него замуж и родила от него сына, который, по мнению ряда историков, мог стать Императором, поскольку своего первого сына Павла она не любила. В конце жизни сошел с ума, в моменты просветления считая, что наказан за убийство Петра III.

Через час, проходя над находящейся под лестницей резервацией для курильщиков, Иван услышал: «Ирен меня сейчас изнасиловала в извращенной форме!»

Бизнес Ирен, а теперь и Ивана, заключался в продаже британских вертолетов – сотрудники офиса в разговоре с новыми клиентами называли эти лакированные, отделанные изнутри кожей и бархатом чудовища «спецвагонами с винтом». Напившись во время очередной корпоративной пьянки эти же самые сотрудники заменяли «спецвагон» «лакированной жопой». Иван попытался выяснить этимологию этого выражения и один из старожилов офиса вспомнил, как первый гендиректор-англичанин привез из сибирской командировки выражение «жопа с винтом». Англичанин, слегка знавший русский язык, несколько дней к радости всего офиса со вкусом употреблял сибирский фразеологизм, пока вышедшая из отпуска его секретарша, бывшая его любовницей, объяснила ему букет смыслов, порождаемый этим экспрессивным словосочетанием. Генеральный менеджер вначале очень радовался новым смыслам, но потом немного расстроился, выяснив, что русское лингвистическое лицемерие не позволяет употреблять не матерные, но все же крепкие слова, в деловой практике.

Поначалу Ивану казалось – чтобы продавать вертолеты в стране, претендующей вслед за СССР на звание Великой Авиационной Державы, нужно быть идиотом: например, в США офис компании пришлось закрыть. Но в постсоветской России бизнес процветал – видимо, идиотами нужно было считать не продавцов вертолетов, а их покупателей. Особенно хорош был огромный контракт с Министерством Обороны. Несколько самых дорогих вертолетов по спецзаказу переоборудовали так, чтобы на них можно было установить тепловые ракеты, отвлекающие самонаводящиеся американские «Стингеры» – видимо для генеральских полетов над Кавказом.

Иван быстро понял, что у дорогих вертолетов с повышенными удобствами очень хорошие перспективы. Разве можно осуждать немолодого, страдающего ожирением и гипертонией генерала, который ради золотых погон и красных лампасов с юности терпел унижения, мотался по жутким гарнизонам, мог бессмысленно сгинуть в Афганистане или быть покалеченным на учениях! И вот сейчас ему нужно влезать в трясущийся железный ящик, лететь в какие-то войска и смотреть на тех, кто не сможет стать генералом. Так пусть уж внутри этой консервной банки будет мягко, тепло и красиво.

Ивану иногда мерещилось, что Карл Маркс его отец. Портретного сходства обнаружено не было. Но Ивану казалось, что все базовые понятия его путанного сознания он получил в отцовско-сыновних разговорах именно с «экономическим Дедом Морозом» – Ивану эта его шутка казалась очень удачной. Приехав в Москву работать на Ее Величество Королеву – Ивану очень нравилось, что вертолетная компания была именно британской, – он знал, как с ним будет поступать работодатель: нещадно эксплуатировать. Десятилетиями выверенные схемы, в которые безжалостные капиталисты втиснут маленькую судьбу Ивана, будут преследовать одну цель – получение максимальной прибыли. Иван от отца-Маркса знал, что попадает в жестокий, но очень логичный мир чистогана. И ошибся.

Оказалось, что зарабатывание сверхприбылей для компании было не главным. Главным было составление отчета. Или, как говорила Ирен, презентации. Можно было провалить сделку, принести компании убытки, даже опозорить ее, и спасти положение красивым отчетом, рассказывающим о собственном небывалом геройстве. С марксистской точки зрения такого сотрудника нужно был гнать, но, поразмыслив, Иван понял, что любая компания, становясь большой, начинает существовать по законам живого организма. Живое существо очень интересуется едой-прибылью, но самосохранение в жестоком мире важнее – если рак поразит желудок, нечем будет ее перерабатывать. Поэтому главное – это борьба с внутренними болезнями.

Классический марксовский капитализм был повержен не китайскими или советскими ревизионистами. Вечное учение было уничтожено набором правил для менеджеров средней руки – Корпоративной Культурой.

О, язык! Что мы знаем о языке? Все есть язык. И мы сами есть язык. Мы ничего не производим кроме слов. Окружающая реальность видоизменяется нами словесными командами

– если мы начальник, или объяснениями, почему команда была выполнена ненадлежащим образом – если мы подчиненный. Конечно, есть люди физического труда, но и они, кроме полезных табуреток, тоже производят слишком много слов. Ценность этих табуреток нивелируется разрушением судеб детей, жен и напарников, производимым словами создателей табуреток. Не зря в сталинское время людей сажали за анекдоты – слово имеет материальное или, как в случае с тюремным сроком, временное выражение. Да и само слово «выражение» значит набор слов. Круг замкнулся.

Даже в опере, где слова почти ничего не значат, в момент ее расцвета существовал словарь знаков. Примадонна не могла махать руками так, как ей вздумается. Строгий свод правил предписывал ей, когда и при выражении каких чувств какую руку и как высоко нужно поднимать, как широко следует руки разводить. К тому же существовала иерархия мест на сцене в зависимости от статуса партии. Зритель-слушатель спросит – причем здесь слова? Ответ прост: красивый оперный жест – это то же слово, только не отягощенное буквами. Знак, чье четкое нахождение в жесткой сигнальной структуре не размывается словесными полусмыслами. Такому корпоративному языку следовать просто, но он известен лишь избранным.

В детстве Иван участвовал в издании стенгазеты – его тогда забавляло применение слова «издание» к единственному экземпляру. Однажды его товарищ, критически посмотрев на разложенный на сдвинутых партах лист, сказал: «Так нельзя. Сверху должен быть девиз про пролетариев всех стран. А само название газеты должно начинаться словом "за"».

«За что?» – не понял Иван.

«Ну, за что эта газета? – важно спросил мальчик. – За тяжелое машиностроение или за отличную учебу?»

Иван через годы пронес восхищение – этот мальчик понимал в советской Корпоративной Культуре. Потом он сделал хорошую карьеру, начав ее в Комсомоле и затем, после развала СССР, продолжив в солидном банке. Советский корпоративный язык оказался уместен в Новые Времена – по развитости знаковой системы любая западная корпорация вряд ли могла соперничать с КПСС.

Ивану не был знаком великий партийный язык, поэтому он для начала попытался освоить московский, поборов сибирский акцент. Благодаря Максиму Горькому⁸⁹ волжское

⁸⁹ Алексей (Максим, Иегудиил) Максимович Пешков (Горький, Хламида), (1868 – 1936). Российско-советский писатель, поэт, драматург, советский чиновник. С 11 лет начал работать, бродяжничал. Участвовал в марксистских кружках, арестовывался. Начал литературную карьеру с фельетонов. В 1901 г. избран в Императорскую Академию, но решение было аннулировано поскольку он находился под надзором полиции – в знак протеста Чехов и Короленко покинули Академию. В 1901 г. его сатирический цикл «Весенние мелодии», изображавший представителей общества в виде птиц, запрещен цензурой – удалось напечатать лишь песнь Чижа, ставшей отдельным произведением под названием «Песня о Буревестнике». В 1902 г. создал одну из самых известных пьес русского театра «На дне». После расстрела демонстрации у Нарвских ворот 9 января 1905 г. (Кровавое Воскресение) ее организатор священник Георгий Аполлонович Гапон (поп Гапон), (1870 – 1906), был острижен в одном из дворов и тайно приведен на квартиру Горького. За участие в событиях 9 января и за сочинение прокламации, прямо обвиняющей Николая II в убийстве мирных рабочих, помещен в Петропавловскую крепость и освобожден после заступничества Анатоля Франса, Огюста Родена, Томаса Харди и Джакомо Пуччини. В 1905 г. вступил в Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию. В 1905-13 гг. проживал на итальянском острове Капри в дорогих гостиницах и виллах. В 1913 г. после амнистии по случаю 300-летия Дома Романовых вернулся в Россию. После Революции критиковал большевиков, спасал от расстрелов и голода представителей российской интеллигенции, в 1921 г. эмигрировал в Италию. В 1928 г. после личного приглашения Сталина совершил поездку по СССР, а в 1929 г. посетил Соловецкий Лагерь Особого Назначения (СЛОН) и опубликовал восторженные отзывы о благородных сотрудниках НКВД, перевоспитывающих плохих людей для новой счастливой жизни. После окончательного возвращения в СССР в 1932 г. ему предоставлен особняк миллионера Сергея Павловича Рябушинского, (1872 – 1936). По просьбе Сталина руководил подготовкой первого съезда советских писателей, где в 1934 г. создан Союз писателей СССР и в качестве единственного творческого метода принят Социалистический Реализм – развитие Системы Станиславского как основы всех отраслей советского искусства. Начало съезда было отложено из-за Смерти сына Горького Максима Пешкова, (1897 – 1934). В мае 1936 г. простудился во время посещения могилы сына и через три недели умер. Бывший глава НКВД Генрих Ягода после ареста признался, что убил Горького по приказу Троцкого, а

оканье известно. Благодаря ненависти страны к Москве всем известно и московское аканье. Но Сибирь, владея основной территорией и главными ресурсами страны, в лингвистических пространствах присутствует слабо. Виной тому предательство выходцев из нее. Так ирландец, презируя англичан, говорит по-английски лучше гавкающего премьер-министра. Так китаец, посланный перенять секреты врага в американский университет, выбирает нейтральный профессорский языковой стиль, чтобы отличаться от белого южанина и черного рэпера. Так и представитель сибирской расы изничтожает акцент своей Родины, заключающийся в превращении всех гласных в звук «ы»⁹⁰.

Иван с радостью решил стать лингвистическим предателем и стал заменять «ы» на «а», но вовремя спохватился – из-за подчеркнутого аканья его могли отнести либо к приверженцам любви мужчин друг к другу, либо к выходцам из московских низов. Бизнес-среда была еще не готова к принятию модной сексуальности. Не годилось и московское низовое происхождение – провинциалы ценились как рабочие лошади и как люди, использующие связи с теми, кто уже успешно предал Родину, а ленивые необразованные москвичи были способны лишь жить на сданную пришельцу квартиру.

Но отсутствие любого акцента тоже было недопустимо, поскольку обличало выходца из Петербурга – Иван не хотел связываться с плохоодетой питерской культурологической оппозицией. Северная столица в официальных документах любила именоваться культурной, но выходцы из нее демонстрировали гонор неудачника, претендующего на образованную исключительность. Они не оставляли впечатление людей, знакомых с Корпоративной Культурой. Иван же хотел быть другим. Человеком, красиво завязывающим галстук, умеющим ловко перераспределить ответственность и изящно произносящим все эти «шит»⁹¹ и «фак»⁹².

В первую неделю работы Иван искренне восхитился, увидев во внутреннем документе компании аббревиатуру FAQ. Сокращение звучало провокационно, но имело безобидное значение – Frequently Asked Questions или «наиболее часто задаваемые вопросы». Это был символ разрешенной словесной грязи. «Шит» и «фак» оказались вполне уместны в определенных бизнес-случаях, но русские бранные слова оставались вне корпоративного закона. Западный человек был свободным, ему можно было грязно выражаться. Чуть позже, Иван с гадливой радостью убедился, что почти все западные менеджеры – несчастные закомплексованные люди, приехавшие в Россию на заработки, а иногда сосланные за некие корпоративные провинности. Поэтому к личным достижениям корпоративно ругающегося менеджера эти слова не имели отношения – право на «фак» и «шит» в долгих боях отвоевал Голливуд, убедив общественную цензуру, что герой, искореняя всякий «шит», не может не говорить «фак». Но Иван все равно искренне захотел стать частью этого мира, который казался таким свободным. Он хотел выучить новый язык будущего, но словари по этому языку не издавались.

В недрах ООН существует специальная книга, объясняющая огромное количество самых невероятных аббревиатур ооновского языка. Увидев такой словарь-путеводитель на столе выпускника МГИМО, Иван позавидовал международным бюрократам. Он не хотел каждый раз спрашивать того, кто чувствовал этот язык сердцем или, как в случае с Ирен, красивой задницей. Он признал себя неучем и начал учиться у Ирен.

Максима Пешкова – поскольку любил его жену. Советское и постсоветское литературоведения не смогли ответить на один из главных вопросов Советской Культуры: Горький вернулся в СССР потому что исписался или именно сотрудничество с коммунистическим режимом привело к тому, что его наследие в позднесоветской и постсоветской культурах ограничилось фразами «С кем вы, мастера культуры?» (по названию памфлета 1932 г.), «А был ли мальчик?» (цитата из романа «Жизнь Клима Самгина»), «Глупый пингвин робко прячет тело жирное в утесах» (цитата из поэмы «Песня о Буревестнике») и байкой о том, что еще никому неизвестные Пешков и Федор Иванович Шаляпин, (1873 – 1938), прослушивались в хор казанской Варваринской церкви – Пешкова взяли, а Шаляпина нет.

⁹⁰ Обычно в русской устной речи редуцируются (видоизменяются или пропадают) безударные гласные, превращая, например, «молоко» в «малако» или «млако». Ряд филологов считает, что в сибирских диалектах это правило не работает и, например, слово «который» звучит как «кытырый». Ряд антропологов полагает, что вызванная таким произношением работа лицевых мускулов формирует особое сибирское выражение лица, наиболее заметное у молодых женщин.

⁹¹ Shit. Дерьмо, вздор, дрянь (англ.).

⁹² Fuck. Заниматься сексом, занятие сексом (англ.).

Глава 8

«Вы работали раньше в глобальных компаниях?» – спросил по-английски Ивана изрядно подвыпивший француз, приехавший из центрального офиса что-то укреплять. Происходило это на корпоративной пьянке, посвященной очередной существенной, но никому незаметной модификации одной из моделей вертолетов.

«Нет». – гордо заявил Иван.

Так провинциалу в первое время жизни в столице очень обидно, когда окружающие опознают в нем пришлого. Но, слившись с московским пейзажем, он начинает бравировать провинциальным происхождением, словно бросая каждому москвичу: «То, что ты получил по праву рождения, я освоил за год».

«Странно. Вы оставляете впечатление корпоративного человека. Я вначале подумал, что вы американец». – лучезарно заявил француз.

Иван понял, что его банально купили. Сравнение с американцем было одновременно оскорбительным и лестным. Лстящее оскорбление усиливалось тем, что высказано оно было в России французом, антиамериканизм и сочувствие русскости которого были вполне вероятны. Ивану пришлось признать, что эта интернациональная смесь с огромным количеством обратных связей была ему действительно приятна.

«Нет, я русский. И даже не москвич». – добавление про москвича было лишним, но француз справедливо оценил карьерные способности Ивана:

«Я тоже не из Парижа!»

«И я не из Парижа!» – подчеркнуто серьезно сказал Иван и француз, радостно рассмеявшись и решив, что контакт налажен, задал Ивану явно провокационный вопрос:

«Вы не устали быть частью большой корпорации?»

Иван ответил по инструкции, словно он был шпионом в тылу врага:

«Это дает мне большие возможности и перспективы!»

Подобным фразам Иван научился у Ирен. Такая фраза, как самонаводящаяся крылатая ракета, сама оценивала слушателя и сообщала ему то, что он должен был услышать. Начальник видел, что Иван ценит свое место, потенциальный работодатель понимал, что Иван лоялен своей компании, но будет также лоялен другой, если ему дать больше, а корпоративный стукач шел слушать кого-нибудь другого. И все понимали, что Иван – хитрая и наглая сволочь, с которой можно иметь дело.

«Как я вас понимаю! – одобрительно сказал француз, раскрутив весь клубок смыслов ивановой фразы. – Судя по всему, вы очень хорошо ориентируетесь в корпоративной жизни. Как вы ее постигали? Специальные курсы? Опыт коллег?»

«Мне помогала Ирен». – Иван кивнул в сторону хохочущей начальницы, окруженной ее начальниками. Иван подумал, что и этот его ответ вполне удачен с точки зрения корпоративной этики. К тому же, если француз скажет о этом Ирен, у Ивана будет хороший благодарный секс.

«Ирен? Ах, да. Она такая... – француз изобразил жест, который по мнению советского человека и должен был произвести француз, говоря о женщине. – Хороший менеджер! Это ваш менеджер?»

«Это мой непосредственный начальник». – максимально гордо ответил Иван.

«Свой и чужой опыт – это хорошо. Я уже 20 лет работаю в корпоративных структурах». – с гордостью сказал француз.

«А вы не устали быть частью большой корпорации?» – Иван вернул французам его вопрос. Француз встрепенулся и сделал серьезное выражение лица: «Первые 10 лет было трудно. Но потом я все понял, и стало легче».

«Прозвучал голос с небес?» – Иван осознал, что начал издеваться над французом, но француз не отреагировал и значительно произнес: «Я создал модель корпоративной жизни. И все стало легко и понятно».

Француз ждал от Ивана вопроса, и Ивану пришлось спросить: «Посмотреть можно?»

«Ой не знаю! А вы никому не скажете?» – доверительно и немного по-детски спросил француз.

«Я умею хранить корпоративные тайны. Я контракт подписывал о неразглашении информации». – Иван понял, что уже не может прекратить издеваться, но француз ничего не замечал. Видимо неродной для обоих английский язык фильтровал опасные интонации.

«Вы хороший человек. Вам я могу показать». – тоном заговорщика сказал француз и Иван вспомнил виденного в детстве торговца на восточном базаре, говорившего незнакомому человеку: «Ты мой друг! Только для тебя по 10 рублей!»

«Пойдем, покажу». – сказал француз, взял Ивана за рукав и повел на маленькую кухню, расположенную в углу этажа.

«Похоже на начало совращения малолетки. – подумал Иван. – Он надеется, что лишит меня корпоративной девственности. Но это уже сделала Ирен. Хотя этот может лишит меня гомосексуальной корпоративной девственности. Если сможет».

Сокровенное знание оказалось заключено в похожую на детскую книжку, состоящую из листов картона, закатанных в прозрачный пластик. Француз как фокусник достал ее из недр дорогого пиджака. Видимо для книжки там был устроен специальный карман. На ее обложке было изображено живое существо, внутри которого сидели другие существа, похожие на человекообразных обезьян. Большое животное напоминало беременную свинью. У него было лицо Била Гейтса⁹³.

«Это корпорация». – заговорщицки заявил француз.

«Наша?» – прошептал Иван.

«Любая!» – в глазах француза блеснула гордость сокровенного знания.

Иван взял книжку и стал ее листать. Книжка была достаточно искусно нарисована от руки и напоминала комикс для взрослых – корпоративные существа были изображены с изрядной долей эротизма. Некоторые рисунки содержали надписи по-английски, но все было понятно и без них.

Процесс жизни био-корпорации оказался замысловат. Внешнее существо засовывало в себя еду. Внутренние мелкие существа эту еду перетаптывали ножонками, а затем жевали. Часть они выплевывали в толстую кишку внешнего существа, часть оставляли себе на прокорм. Одна из страниц была посвящена выходу мелкого существа из большого наружу. Судя по картинкам выйти из внешнего существа можно было только через его задний проход. При этом оставшиеся мелкие существа с презрением смотрели на покидающего чрево.

Пока Иван рассматривал картинки, француз ревниво наблюдал за ним. Иван понимал, что должен что-то сказать, но не знал как реагировать.

«Почему у чудища лицо Била Гейтса?» – спросил Иван, чтобы нарушить молчание.

«Его все знают в лицо. К тому же он гениальный маркетолог – продал всему миру полное говно». – с воодушевлением заявил француз.

«Есть еще более узнаваемое бизнес-лицо. И по поводу говна у него тоже все в порядке». – ответил Иван.

«Алан Гринспен⁹⁴? Генри Форд⁹⁵? Пирпонт Морган⁹⁶? Рэм Вяхирев⁹⁷?» – француз был явно рад дискуссионной реакции Ивана.

⁹³ Уильям (Билл) Генри Гейтс III, (род. 1955). Американский программист и предприниматель. Основатель компании Microsoft. По одной из версий, получил главный заказ в жизни благодаря тому, что его мать была знакома с ведущими менеджерами компании IBM.

⁹⁴ Алан Гринспен, (род. 1926). Глава Федеральной резервной системы США и профессиональный музыкант-кларнетист.

⁹⁵ Генри Форд, (1863 – 1947). Американский предприниматель. Создатель системы конвейерного производства, включавшей организацию жизни рабочих в нерабочее время. Его социальные, экономические и национальные идеи были весьма популярны в нацистской Германии и СССР. Издавал антисемитскую газету, участвовал в создании Горьковского автозавода.

⁹⁶ Джон Пирпонт Морган I, (1837 – 1913). Американский финансист. До создания Федеральной резервной системы США в 1913 г. его банк выполнял функции Центрального банка США. В России известен благодаря строчке Маяковского «Сколько лет пройдет, узнают пока – кандидат на сажень городского морга – я бесконечно больше богат, чем любой Пьерпонт Морган».

«Нет. Это Карл Маркс». – сказал Иван и порадовался удивлению француза: «Почему Карл Маркс? Он же не менеджер! Он антикапиталист!»

«Почему не менеджер? Он своим учением весь мир перекроил. – Иван понял, что его несет, но алкоголь и изучение Марксизма в юности не позволили ему остановиться. – Никто не сделал так много для усиления капитализма, как теоретический борец с ним. Маркс объяснил всем, что такое капитализм. Все поняли и научились с этим жить!»

«Возможно, вы и правы». – задумчиво сказал француз.

Иван испугался, что эта задумчивость не что иное, как подозрительность. Можно было, конечно, рассчитывать на генетическую левизну француза, однако показаться слишком левым, будучи русским, было опасно. «Наверное, лучше казаться мозговым извращенцем. По крайней мере, дураком считать не будут». – подумал Иван и сконструировал фразу на пределе его собственного понимания:

«Капиталистический мир должен благодарить Маркса за то, что он оправдал материализм потребительского общества. Обожествил пищу».

Француз абсолютно трезво посмотрел на Ивана и сказал: «Сделал пищу святой?»

Судя по всему, многослойный перевод с русского Ивана на французский француза через общий английский и обратно создавал некие дополнительные непрогнозируемые смыслы.

«Это в марксовской модели пища была святой. Сейчас в условиях продуктового изобилия пища отходит на второй план. Есть вещи и более существенные». – заявил француз, перевернул страницу и показал Ивану более сложную схему.

Из нее следовало, что грубую пищу удобоваримой делало не так уж много мелких существ. Остальные надзирали за качеством жеваного материала, перегруппировывали жующих и следили, чтобы жующие не оставляли слишком много себе. Жадных наказывали шлепками по заднице. Француз торопливо комментировал каждую страницу:

«Мелкие существа разделены на племена, сменить которое очень трудно. Для этого нужно изменить мамбу. А мамба у каждого своя».

Иван напряг свой английский, но слова мамба в нем не обнаружил:

«Что такое "мамба"? Это по-французски?»

«Нет. Это замена понятию "мотивация"». – назидательно сказал француз.

«Почему нельзя было использовать мотивацию?» – Иван попытался скопировать лекторский тон француза.

«Мамба больше, чем мотивация! – глаза француза блестели от радости научного творчества. – Мотивация одинакова для всех, а мамба может быть групповой и индивидуальной. Это один из трех производимых продуктов: говно, мамба и ливер. Говно используется для борьбы с конкурентами, мамба для мотивации сотрудников, а ливер – это жизненная сила. Но главное, конечно, это мамба. Это овеществленная корпоративная культура!»

Такой страсти Иван от корпоративного француза не ожидал. Он не мог понять, была ли эта эмоция простой горячностью пьяньского коммивояжера в дикой стране, или француз действительно так серьезно относился к своему труду. Иван в провинциальной жизни много общался с пьяными и одержимыми собственным величием. Главным инструментом борьбы с такими буйными была спокойная беседа, в которой нельзя было ни противоречить им, ни вставать на их сторону.

«Что такое ливер?» – спокойно спросил Иван.

«Это слово означает жизненную силу корпорации. Оно образовано мной от английских слов печень⁹⁸, рычаг⁹⁹ и жизнь¹⁰⁰». – француз смачно погладил себя по животу, всадил в кого-то и повернул невидимую палку и плавно развел руки, нежно произнося слово «life».

⁹⁷ Рем Иванович Вяхирев, (1934 – 2013). Советско-российский управленец. В 1992-2001 гг. руководитель контролируемой государством компании «Газпром», созданной при его участии в 1989 г. на базе Министерства газовой промышленности СССР. По разным оценкам его состояние превышало \$1 млрд. После отставки два его заместителя были обвинены в незаконном выводе активов «Газпрома» на сумму 2,6 млрд руб.

⁹⁸ Liver. Печень (англ.).

⁹⁹ Lever. Рычаг (англ.).

¹⁰⁰ Life. Жизнь (англ.).

Проходившая в этот момент мимо подвыпившая офисная секретарша посмотрела на Ивана и француза с веселым удивлением.

«Поглаживание себя в присутствии сотрудников – явный признак сексуальных домогательств». – подумал Иван, но вслух спросил с подчеркнутой серьезностью: «Зачем нужно было вводить эту категорию? И так ясно, что любая система должна заботиться о себе. Но для этого ей достаточно иметь хорошие доходы, чтобы купить себе безопасность».

«Это ошибка! Человек, только начинающий работать в корпорации, думает, что главная ее цель – получение прибыли». – радостно вскрикнул француз.

«Да, я тоже так думал». – почти искренно сказал Иван.

«Но в современном глобальном мире огромная корпорация долго может работать с убытком и не умирать. И есть много примеров, когда компания, выпускающая хорошую продукцию и зарабатывающая кучу денег умирала». – француз абсолютно протрезвел.

«А был ли он пьяным? Может он меня банально ловит на свою книжку чтобы потом начальству сдать?» – подумал Иван и ответил: «У каждой из них была своя причина Смерти».

«Нет, причина всегда одна! – запальчиво вещал француз. – Это утрата инстинкта самосохранения самой системы и всех ее подсистем. В этих условиях каждому сотруднику нужно понять – что или кто сейчас стал центром или проводником этого инстинкта, и успеть перестроиться. Для этого и нужна мамба. Именно так персональная мамба укрепляет коллективный ливер!»

Ивану стало немного страшно. Он понял, что его вербуют в некую корпоративную секту, а может уже завербовали, и назад пути нет. Придется отдать квартиру, которой, слава Православному Богу, нет, и бегать неглиже с колокольчиком в косичке по городу, нежно напевая: «Мамба, мамба. Ливер, ливер. Мамба, ливер, все говно».

Иван вспомнил, как при заключении контракта с компанией ему пришлось подписать специальное приложение, в котором он уверял, что не состоит в секте саентологов¹⁰¹. На его недоуменный вопрос начальник департамента, называемого сотрудниками отделом гуманных ресурсов¹⁰², а самого начальника – редкостного мерзавца – гуманистом, ответил, что члены этой секты обязаны раскрывать ее руководству служебную информацию. Но сейчас Иван понял истинный смысл недопущения саентологов в корпорацию: Саентология – это пик корпоративной культуры и никакая другая конкуренция с ней не выдержит. Так Русская Православная Церковь никогда не пустит Римского Папу в Россию.

«Про мамбу и ливер все понятно. Но как быть с говном? Это слово тоже вы придумали или здесь речь идет о обычном стандартном говне?»

«Это именно говно! Без говна никак! – назидательно заявил француз. – Сначала моя модель казалась мне совершенной, но потом я стал чувствовать – чего-то не хватает. И вдруг я понял, что иногда корпоративные правила нужно нарушать».

¹⁰¹ Лафайет Рональд (Рон) Хаббард, (1911 – 1986). Американский писатель, морской офицер, основатель Церкви Саентологии. В детстве познакомился с шаманом индейского племени черноногих и стал их кровным братом. С 1933 г., сотрудничая с американскими дешевыми массовыми журналами, стал профессиональным писателем, опубликовав более 20 романов и 200 рассказов в разных жанрах – популярности достиг в научной фантастике. Во время Второй Мировой Войны служил в ВМФ США. В 1950 г. опубликовал книгу «Дианетика: современная наука душевного здоровья», ставшую бестселлером и послужившую основой для создания Саентологии. В 1951 г. – первое судебное разбирательство против Хаббарда, ФБР заводит на него дело и, по одной из версий, начинает слежку с прослушиванием. В 1954 г. создал первую церковь, после чего число его последователей начало стремительно расти. В 1979 г. его жена Мэри Сью Хаббард, (1931 – 2002), признана виновной в организации операции «Белоснежка» – проникновение в 136 американских учреждений около 5 тыс. членов церкви под видом секретарей, охранников и обслуживающего персонала, что стало одной из самых значимых шпионских операций против правительства США. В 1980 г. Хаббард исчез, поддерживая связь с церковью через доверенных сторонников. В ряде стран Саентология признана религиозным культом или запрещена. В 1991 г. в МГУ открыта библиотека Хаббарда, а ему посмертно присвоено звание почетного профессора. В 1993 г. на Московском вентиляторном заводе внедрены саентологические методы управления, что, по одной из версий, привело к убыткам и заказным убийствам. По мнению ряда литературоведов, Саентология стала самым успешным осуществлением мечты любого писателя – превращение литературы в религию; ранее подобное, но в меньшей степени, удалось Льву Толстому, чьи тексты породили Толстовство.

¹⁰² Human resources department. Отдел кадров (англ.).

Француз сделал торжественную мхатовскую¹⁰³ – «Комеди-франсэзскую»¹⁰⁴. – поправил себя Иван. – паузу и торжественно произнес: «И мои маленькие человечки стали срать внутри большого!»

«Как срать?» – искренне удивился Иван.

«Непосредственно. Ну, во-первых, должны же они где-то срать. – рассудил француз. – А во-вторых, небольшой полуразрешенный срач очень логично стал важной частью мамбы».

«Но мамба, это же нечто возвышенное для маленьких, почти святое! Это же смысл их жизни!» – воскликнул Иван, подавляя в голосе издевательский пафос.

«Правильно. Но человек несовершенен. – доверительно ответил француз. – Он не может ежесекундно гореть ради высоких идеалов. Он должен иногда давать волю своей греховности и здесь логично появляется категория говна. К тому же у внутренних существ должно быть оружие против себе подобных. Здесь личное говно очень может пригодиться».

Иван представил, как сотрудники его офиса кидаются какашками и мысленно усмехнулся: «Они же все в офисе засрут».

«У каждого свои границы срача. – видимо француз тоже представил себе загаженный офис. – Формально границы не установлены, но все их чувствуют. Но если ты заставил окружающих согласиться, что ты имеешь право на расширение своего срача, то это увеличивает твой вес в корпорации. И может помочь в карьере».

«Получается, что тот, кто выше, тот и срет больше?» – с удивлением спросил Иван.

«Конечно!» – радостно почти крикнул француз.

«А топ-менеджеры?» – осторожно спросил Иван.

«Потрясающие засранцы!» – француз сиял от счастья.

Иван понял, что разговор принял совсем опасную форму – он представил, что на фразе про повышенную склонность топ-менеджеров к незаконным испражнениям рядом с ними оказался бы кто-нибудь из его начальства.

«Говна не оберешься». – подумал Иван и решил уйти от опасной темы: «Почему вы не использовали в вашей модели такую категорию, как продукция корпорации?»

«Кому нужна эта продукция? – француз взмахнул рукой, словно отгонял навозную муху. – В моей модели продукция и говно неразличимы. Для выживания корпорации как биологического существа важно загадить поляну и вытеснить конкурентов. Для этого на рынок и выбрасывается всякое говно. Тем более что вся эта магазинная продукция и есть говно, навязанное нам супер-корпорациями».

«Я не удивлюсь, если этот француз – тайный маоист-троцкист». – подумал Иван и попытался закончить обсуждение офисных испражнений: «Получается, что главная задача корпорации – не производство конкурентной продукции, а выживание?»

«Конечно. – француз не собирался менять тему. – Здесь категория говна очень подходит. И конкурента засрать, и потребителя деморализовать».

«Внутренние люди тоже производят говно – это главный результат их деятельности?»

«Нет, их задача, пережевывая пищу, совершенствовать мамбу и увеличивать ливер». – назидательно произнес француз.

«А какова природа их собственного говна?»

«Их говно принципиально отличается от говна внешнего существа. Во всех внутренних документах и во внешней рекламе говорится, что главная задача корпорации – производство отличнейшего говна. При этом официально внутренние люди не должны производить говно. – француз явным образом нравилось это слово. – В этом тоже есть принципиальный смысл – то, что можно корпорации, нельзя ее сотруднику. Внутренних людей слегка наказывают за производство

¹⁰³ Московский Художественный Театр (МХТ). Основан в 1898 г. Станиславским и Немировичем-Данченко. По мнению ряда театроведов, поскольку театр получил звание академического и стал называться МХАТ в 1919 г. после создания Системы Станиславского, пауза, которую вооруженные Системой актеры могли тянуть сколько угодно, должна называться «мхтовской» или «эмхатэшной».

¹⁰⁴ Comédie-Française. Французский государственный театр. Основан Людовиком XIV де Бурбоном в 1680 г. Устав театра утвержден Наполеоном I Бонапартом в 1812 г. в оккупированной французскими войсками Москве.

личного говна. Им должно быть стыдно, но они должны получать удовольствие от маленьких преступлений против корпорации. И быть благодарны, что их прощают».

«А может быть вы и правы. – Иван искренне восхитился мозговому кульбиту француза. – Меня в детстве поразила мамаша одного знакомого, работавшая в райкоме партии. Понимаете, что такое – райком партии?»

«Это группа маленьких внутренних людей?» – игриво спросил француз.

«Группа – это первичная партийная организация. А райком – это орган, управляющий маленькими группами». – Иван скопировал научно-назидательный тон француза.

«Понятно. И что произошло с этой мадам?» – внимательно спросил француз. Иван восхитился тому, как слово «мадам» подходило той томной партийной деятельнице в бриллиантах.

«Оказалось, что на внутренних корпоративных вечеринках члены райкома рассказывали анекдоты про Брежнева¹⁰⁵. Вы знаете, кто такой Брежнев?».

«Конечно знаю. Это очень хороший пример. Он украсит список примеров, подтверждающих правильность моей модели. Я хочу собрать их в отдельной книге».

«Кстати есть версия, что очень популярные анекдоты про Чапаева¹⁰⁶ – это такой герой Гражданской войны – были специально запущены к столетию Ленина. Но вы, наверное, помните, чем все это закончилось?»

«Вы имеете в виду исчезновение Советов? – француз проявил неожиданную для подвыпившего человека сообразительность. – Вряд ли анекдоты повлияли на развал СССР. Конечно, говно вы производили хорошее – по всему миру до сих пор валяется. Но ваши начальники не развивали мамбу, и потому у системы постоянно снижался ливер».

«Цены на нефть упали, вот и весь ливер». – рассудил Иван.

«Именно. Ваш ливер слишком зависел от внешней нефти. – назидательно ответил француз. – А нужно было, чтобы он зависел от внутренней мамбы. В этом смысле капитализм более гуманен к человеку. По крайней мере, он честен. Но сейчас глобального капитализма нет. Есть капитализм корпораций и тихая жизнь между ними».

«Это как?» – искренне заинтересовался Иван.

«Можно жить на пособие, заниматься незначительной государственной работой, жить на проценты с капитала. Но это жизнь без мамбы». – мечтательно сказал француз и вдруг быстро, как следователь, спросил: «Вы уже почувствовали прелесть мамбы?»

«Да, и прелесть говна». – неосмотрительно порадовался Иван своей шутке.

«Можете привести примеры из вашей корпоративной жизни?» – скороговоркой выпалил француз, для чего он странным образом перешел на болтливый французский, используя понятные Ивану английские слова.

«Конечно!» – воскликнул Иван.

Француз быстро достал из кармана книжечку и сказал: «Это надо записать».

Иван осознал, что француз его поймал. Иван действительно собирался рассказать ему, как в первый месяц работы в корпорации переименовал еженедельную пятничную пьянку из

¹⁰⁵ Леонид Ильич Брежнев, (1906 – 1982). Советский военный служащий и чиновник. После развала СССР в периоды обострения Российско-Украинских отношений всегда возникает дискуссия – был ли Брежнев украинцем.

¹⁰⁶ Василий Иванович Чапаев (Чапаев), (1887 – 1919). Российский плотник и военный служащий, советский военный служащий и чиновник. В конце Первой Мировой Войны дослужился до фельдфебеля. В 1917 г. вступил в Партию Социалистов-Революционеров (СР, эсеры), затем стал анархистом, после примкнул к большевикам. В конце 1917 г. – Народный Комиссар Внутренних Дел Николаевского уезда Самарской губернии, переименовал Николаевск в Пугачев, руководил реквизицией имущества, практиковал телесные наказания, подавлял антисоветские мятежи. В Гражданскую Войну дослужился до командира Особой группы в составе Восточного фронта, что соответствовало званию царского генерал-лейтенанта, награжден Троцким именным оружием и золотыми часами. Известен вспышками гнева, рукоприкладством и матерными телеграммами начальству. Существует множество версий Смерти Чапаева – умер от потери крови при переправе на половине ворот через реку Урал и тайно похоронен красноармейцами-венграми, пытавшимися в 1960-х гг найти его могилу; ликвидирован по тайному приказу Троцкого; убит одной из любовниц.

«Дня вертолетчика» в «День вертухая¹⁰⁷». Тогда Иван испугался, что ляпнул лишнее и у него могут возникнуть большие проблемы. Однако он стал героем дня и в неформальных разговорах сотрудники начали называть продукцию компании «вертухайками».

Иван понял, что чуть не проболтался. Он представил, как объясняет французу смысл слова «вертухай» и как француз вежливо смеется, что-то быстро записывая в книжечку. Но у Ивана в руках уже было корпоративное оружие – француз объяснил ему, что мамба у каждого своя. И, следовательно, границы разрешенного срача тоже свои. Вполне возможно, придумывание корпоративных моделей находилось в границах француза, но вертухай не был разрешен Ивану. К тому же, никто не знал – что конкретно улучшить приехал француз. Может, он должен был определить, не слишком ли большой срач разрешен русским сотрудникам, не страдает ли от этого ливер и не нужно ли заняться их мамбой.

Иван решил, что на всякий случай надо спастись. Он огляделся и нашел спасение в собственной руке – стакан был пуст и Иван удалился для его наполнения, обещав немедленно вернуться. Укрывшись в безопасном сортире, Иван решил переждать. Осторожно выходя из укрытия, он услышал, как француз, загнав в угол начальника сервисного отдела, спросил его доверительно: «Вы работали раньше в глобальных компаниях?»

Иван проснулся от резких смачных звуков. Извращенная, но очень логичная мелодия, вливалась сразу в спинной мозг и вступала там в бурливую реакцию с вышитым вчера алкоголем.

«Неужели я так вчера нажрался, что у меня алкоголь в спинном мозгу?» – с трудом удивился Иван и понял, что музыка происходит из музыкального центра, используемого в качестве будильника. Пробуждающие звуки принадлежали Сергею Прокофьеву¹⁰⁸. Иван утром, чтобы настроиться на идиотизм предстоящего офисного дня, включал эту безумную, нереальную музыку. Именно ее формализм, приближающийся к хармсовскому реализму, если и не настраивал Ивана на торговлю вертолетами, то хотя бы объяснял, что жизнь изначально абсурдна. И этот абсурд может быть даже забавен.

Иван открыл глаза и понял, что не смог этого сделать. Состояние Ивана не было обычным сибирским похмельем, когда организм выступал категорически против любых форм своего существования, а сознание честно призывало его выжить, обещая: «Никогда больше! Никогда также!»

Все симптомы сибирского похмелья присутствовали в Иване, но его состояние было в чем-то уникальным. Иван вспомнил корпоративную модель вчерашнего француза: «Видимо я наелся какого-то корпоративного говна, которое мне этот урод подсунул. Действительно, страшное оружие!»

С трудом оказавшись в офисе, Иван с отвращением отметил, что даже не опоздал: «Вот он мой проклятый инстинкт самосохранения. Нет, чтобы хотя бы раз в жизни распоясаться и повести себя, например, как Есенин¹⁰⁹! Бить стекла, рвать одежды на себе и окружающих. И

¹⁰⁷ Вертухай. Тюремный надсмотрщик. Версии происхождения основаны на схожести со словами «вертеть» (ключи) или «вертеться» (на караульной вышке). Советско-американско-российский писатель Александр Исаакиевич (Исаевич) Солженицын, (1918 – 2008), считал, что слово имеет украинское происхождение, поскольку в СССР среди сотрудников тюрем и лагерей было много украинцев. Судя по стихотворению «На независимость Украины», подобной версии придерживался советско-американский поэт Иосиф Александрович Бродский, (1940 – 1996).

¹⁰⁸ Сергей Сергеевич Прокофьев, (1891 – 1953). Российско-советский композитор, пианист и дирижер. По мнению ряда музыковедов, вместе с Стравинским сформировал основы музыки XX в., став последним великим композитором в Истории, музыку которого с удовольствием может слушать человек без специального музыкального образования.

¹⁰⁹ Сергей Александрович Есенин, (1895 – 1925). Российско-советский поэт. Вместе с Пушкиным и Маяковским один из самых влиятельных русскоязычных поэтов. По мнению ряда культурологов, признанию его Великим Русским Поэтом советской и постсоветской интеллигенцией мешала его огромная простонародная популярность – портрет Есенина висел в сельских домах и городских квартирах, где не было никаких книг.

потом сделать так, чтобы все тебя жалели и спасали. Нет в моей жизни Айседоры Дункан¹¹⁰ и Яши Блюмкина¹¹¹!»

Увидев Ирен, он понял, что она действительно не Дункан. Иван не мог рассчитывать на ее сочувствие – Ирен вчера выпила много и выглядела хорошо, а Иван вчера выпил много и выглядел плохо. Он понял, что ему нужно срочно найти себе работу или ее найдет Ирен, и Иван обнаружит свое полное бессилие. Он решил позвонить мелкому чину в Министерство обороны, от которого ничего не зависело – Иван надеялся, что именно поэтому ничтожный майор будет вести с ним длинный разговор ни о чем.

Сознание Ивана из-за последствий вчерашнего разгула и утреннего прокофьевского абсурдистского заряда расслаивалось, зацепляясь за случайные слова и мысли. Иван на долю секунды взлетал над офисным столом и с изумлением наблюдал себя, рассуждающего по телефону с клиентом о потребительских свойствах продукции компании. Зрелище было достойно Даниила Хармса, положенного на музыку Сергея Прокофьева. Иван, взлетающий над Иваном, с удивлением обнаружил, что вертолет оказался продуктом и его можно было потребить. Например, в пищу.

Далее взлетевший Иван увидел оперную сцену, на которой маленький кривоногий тенор с лицом Ивана резал огромным ножом бутафорский торт в виде вертолета. Вдруг винт кондитерского вертолета начал плавно вращаться, и сознание Ивана-тенора летучей жидкостью начало вытекать из поющей головы, накручиваясь на лопасти, сделанные из огромных вафель. В голове летающего Ивана-наблюдателя зазвучала до боли в горле – «Причем здесь горло?» – не понял Иван. – знакомая ария Папагено из «Волшебной Флейты»: «Ведь я же все же птицелов!» Сейчас все Иваны были уверены, что оперу из жизни вертолетов написали Прокофьев и Хармс. Ария сообщила взлетевшему Ивану, что он должен ловить каких-то птичек какой-то сетью.

У всех Иванов закружилась голова. Иван-поющий взвизгнул, а Иван-летающий чуть не упал. Иван-коллективный понял, что всем им стало критически плохо. Он крикнул в телефонную трубку «Вас не слышно!» и еле успел добежать до спасительного ватерклозета.

Иван корчился над унитазом и думал, что его организм надеется выдавить из себя остатки вчерашних возлияний и отомстить Ивану за них. Организм, используя глаза Ивана, видел, что Иван одет сегодня в белоснежную рубашку, брюки его отглажены, а ботинки начищены. Организм хотел через вытарашенные глаза Ивана мстительно понаблюдать, как Иван, пытаясь не испачкать рубашку и ботинки, и сберечь девственность брючной стрелки, зависает над раковиной корпоративного сортира, подавляя утробные звуки мстительного организма.

Как ни мучительно было это раздвоение, но оно не оказалось для Ивана новым. Удивительным было другое – в ватерклозете кроме Ивана и его взбунтовавшегося организма был кто-то третий. Иван посмотрел в зеркало и ужаснулся – из головы отраженного существа торчали павлиньи перья, а дорогая офисная рубашка была красиво разлохмачена и раскрашена яркими, почти светящимися красками. Галстук Ивана вспенился словно бурливая унитазная вода и неприлично встал торчком.

И Ивану стало легко.

«Кто ты?» – спросил Иван отражение, и оно ответило радостно: «То же, что и ты. Мы – Папагено!»

¹¹⁰ Дора (Айседора) Анджела Дункан, (1877 – 1927). Американско-советская танцовщица. Одна из создательниц системы современного танца. В 1922-24 гг жена Есенина. Неоднократно возмещала ущерб, произведенный им в алкогольно-поэтическом угаре.

¹¹¹ Симха-Янкев (Яков) Гершевич (Григорьевич) Блюмкин, (1898 или 1900 – 1929). Российский революционер, чекист, убийца немецкого посла в РСФСР Вильгельма фон Мирбаха, (1871 – 1918), любимец Дзержинского, адъютант Троцкого, по одной из версий, участник тибетской экспедиции художника и философа Николая Константиновича Рериха, (1874 – 1947). Враг Мандельштама и друг Есенина. Спас Есенина от ареста за хулиганство. Ряд литературоведов считает его автором предсмертного стихотворения Есенина.

Иван вдохновенно ощутил, что похмелье исчезло, и он превратился в существо, более цельное и непротиворечивое, чем раньше. Мир стал логичен и понятен.

Иван теперь знал, что он глуп, труслив, лжив и болтлив. Но ему совсем не стыдно, потому что он красив, ловок и все птички мира с радостью стремятся в его сети. Эти птички после поимки становились красивыми маленькими девушками. Но они не так уж ему нужны, хотя он и не прочь с ними поразвлечься. Он ищет свою единственную любовь Папагену, которая ему обещана высшими силами.

Иван, глядя на себя-Папагено понял, что в таком состоянии он гораздо больше подходит для идиотской офисной работы. Он должен быть глупым, чтобы не думая счастливо жить по корпоративным законам. Он должен быть трусливым, чтобы осознанно опасаться непредсказуемого начальства. А за лживость и болтливость ему это начальство платит деньги – чем больше и красивее Иван будет врать клиентам, тем будет лучше для компании.

Но все это было неважно. Иван, влюблено глядя на себя совершенного, был уверен – его птицеловство приведет к встрече с Папагеной.

«Она будет продолжением тебя-меня. – пел Иван-Папагено из зеркала. – Она не будет кричать на нас, мы не будем бояться ее. Мы будем вместе летать».

Вдруг в этой гармоничной картине появилось маленькое пятнышко, далекая тучка на лазурном небосводе. Иван взгляделся в хрустальные дали, но ничего не увидел. Тогда он прислушался и услышал тонкий, на пределе слышимости голос Царицы Ночи. Она ультразвуковым воздействием вдохновляла какого-то юношу на битву. Юноша должен был куда-то идти, погибнуть, воскреснуть и принести самому себе пользу. Царица Ночи несомненно желала юноше добра, но это добро было крайне неудобным и требовало большой работы над собой. Ивану стало несправедливо плохо. Он понял, что Царица Ночи – это Ирен, а идти на битву должен он сам.

Но его спас зазеркальный Папагено. «Ванечка. – пел пернатый тенор. – Учи первоисточники. Вспомни либретто "Волшебной Флейты". Это не тебя Царица Ночи дрючит. Это она романтического принца Тамино опускает для его же блага. Но это его проблемы. Тебе же обещана Папагена!»

Иван вышел из ватерклозета и на мгновение застыл – офис сиял всеми красками безвкусовой, но такой веселой оперной декорации. Сотрудники-девочки, оснащенные стрекозиными крыльями, летали над офисными перегородками и пели, а сотрудники-мальчики бегали за ними и к всеобщему удовольствию заглядывали порхающим коллегам под юбки. Иван еле сдержался, чтобы не подпрыгнуть и не заорать «Гоп-ца-ца». Ирен подозрительно посмотрела на Ивана и пропела ультразвуком:

«С утра ты был никакой. А сейчас словно кокаина нюхнул».

«С утра был никакой, а сейчас вот такой!» – попытался пошутить Иван и чуть было не показал неприличный эротический жест.

Сотрудницы спланировали на рабочие места, сотрудники стерли с лиц веселое похабство, сияющий офис потух. Ирен зло посмотрела Ивану прямо в глаза, и он ужаснулся потере бдительности – она как всегда точно определила суть проблемы:

«Ты почему сегодня такой красивый? Влюбился что ли?!»

«Нет». – ответил Иван и понял, что соврал – ему была обещана Папагена, а не эта злая красивая женщина, утверждающая, что хочет ему добра, и поэтому заставляющая совершать корпоративные подвиги. Не ей, а волшебной Папагене предназначался он – такой нежный и красивый.

«А достаточно ли я красив для Папагены?» – обеспокоился Иван.

О, мужская красота! Что мы знаем о мужской красоте? Женская красота незаметна, поскольку подразумевается, что женщина обязана быть красивой. Поэтому так заметно женское уродство. Мужское же уродство имеет множество женских оправданий: «Зато он такой умный и обаятельный! И еще у него есть харизма».

От мужчины не ждут красоты, поэтому мужская красота воспринимается как аномалия. И потому она так действует на окружающих, независимо от их пола.

На постсоветского человека, которому пропаганда объяснила, что красивый мужчина – это спекулянт или гомосексуалист, влияние мужской красоты чудовищно. Постсоветская женщина согласна с красивым мужчиной на что угодно. Правда ее сдерживает боязнь, что ее телесные несовершенства не позволят красавцу-самцу это что угодно совершить. Постсоветскому мужчине проще – он использует инструменты, данные ему советской пропагандой, и обзывает недостижимого красавца-конкурента словами из прошлого, его уже не задевающими.

Сравнивать женскую и мужскую красоту бессмысленно. Женщина украшает себя для себя, для других женщин и лишь затем для мужчин, которые все равно ничего не понимают. Мужчины, недавно вышедшие из дикой природы, украшают себя исключительно для женщин. Поэтому самец должен быть расфуфырен, а самочка сера и неприметна.

В офисе этот животный закон выполняется неукоснительно – сотрудницы сознательно выглядели нарочито убого. На первый взгляд, Ирен опровергала законы природы, одеваясь ярко на грани вульгарности. Но поскольку офисные мужчины тоже одевались убого, то единственным настоящим самцом в офисе была именно Ирен.

Осознав это, Иван ужаснулся. Если Ирен выполняла роль самца, то и Иван тоже должен был предать свою природу. Получалось, что он либо стал гомосексуалистом, либо превратился в девочку. Иван ничего не имел против гомосексуалистов и, тем более, девочек. К тому же настоящей девочкой Иван стать бы не смог, поскольку на операцию по изменению пола у него не было денег. Но и стать гомосексуалистом ему не позволяло советское законодательство, под юрисдикцией которого Иван ощущал себя до сих пор. Десятилетний срок, довлеющий над мужским любителем себе подобных, и отсутствие наказания за чисто женскую любовь, оставили неизгладимый отпечаток в общественном сознании. Видимо поэтому для постсоветского человека изображение гомосексуального мужского контакта является запредельным шоу, а лесбийские игры классифицируются как немного утяжеленная эротика.

«В Калифорнии, если мужчина после сорока хорошо выглядит и модно одевается, то он точно гей». – заявил на вчерашней корпоративной вечеринке Ивану, попивая виски, заезжий житель Калифорнии. Иван вспомнил, что прибил к американцу, спасаясь от француза с его корпоративным учением. Почему Иван и американец стали обсуждать геев, Иван вспомнить не мог.

Сказав это, американец насторожился и спросил Ивана: «А вы не гей?»

Иван был уже весьма разогрет мультикультурной и безответственной болтовней с американцем после корпоративных напряжений с французом, но такого вопроса он все же не ожидал. Американец, увидев это и, видимо, вспомнив, что находится в дикой стране, банально испугался. Пытаясь спасти несчастного американца от инфаркта, Иван пошутил:

«Мне нет сорока. И я не так уж хорошо выгляжу».

«У меня племянник гей. И друзей геев полно – я же из Калифорнии».

«Не волнуйтесь, политкорректность к нам еще не проникла. – попытался успокоить калифорнийца Иван. – Но именно поэтому называть русского мужчину геем не стоит. Если он окажется натуралом, то может и по голове стукнуть».

Американцу стало совсем плохо и Иван добавил: «Если же окажется геем, то начнет приставать».

Американец с облегчением рассмеялся.

Сейчас Иван с трудом усадил себя за стол – он хотел летать и ловить Папагену. Он сидел, делал вид, что читает письмо генерального менеджера о перспективах бизнеса и разглядывал свою руку в дорогой рубашке – Ирен, правда, не считала ее достаточно дорогой, – и думал: «Ладно. Пусть Ирен – самец. Тогда я Папагено. Но где перья? Где кружева и ленты? Где фижмы и воланы?»

Иван впервые в жизни осознал, что попал в крайне несправедливое к мужчине время – несчастному бывшему самцу нельзя себя открыто украшать. Что осталось ему от славного и

красивого прошлого? Кружевные цветные шейные платки трансформировались в глупую цветную тряпочку, прикрывающую секс офисного служащего при его сидении за столом. Золотые браслеты с драгоценными камнями заменились исчадием протестантской скромности – швейцарскими часами. Изящный саквояж с пистолетами, который носил слуга, превратился в портфель, содержащий бесполезные предметы, который к тому же нужно было носить самому. Иван вспомнил виденную в какой-то исторической книге фотографию пропуска физика Льва Ландау¹¹² в секретный институт – на фотографии стояла печать «С портфелем».

«Великому Дау портфель был не нужен – он все в голове держал. И мне портфель не нужен – нечего держать ни в нем, ни в голове. Вот и все сходство». – грустно подумал Иван.

Иван посмотрел на кисть своей руки – он считал, что его руки достаточно красивы, чтобы не торчать из плоских манжет, а обвиваться тонким кружевом. Но кружевная шелковая рубаша, на которой так красиво расплывалось алое пятно после укола острым предметом, совершила в XX веке обидную трансформацию, став арестантской робой с сиротским узором.

Ирен недавно объяснила Ивану, что офисному работнику теоретически можно было носить рубашку разнообразной полосатости, но на это нужно иметь очень серьезные основания. Можно, конечно, было носить дешевую полосатую рубашку, но тогда ты уже не сможешь подняться по социальной лестнице, поскольку всем будет ясно – ты не понимаешь, что такое корпоративный стиль. Носить можно только очень дорогую полосатую рубашку, но дорого одеваться позволено лишь высшему менеджменту. Поэтому человеку уровня Ивана нужно одеваться однотонно или в маленькую полосочку или клеточку, хотя клеточка уже может быть расценена как вольтерьянство – одежные аномалии были позволены только Ирен. Впрочем, слово «вольтерьянство» Ирен не употребляла – Иван научил ее другому слову.

«Пошленько?» – с удовольствием спрашивала она Ивана, демонстрируя очередную обновку.

«Пошловатенько». – отвечал Иван, радуясь тому, что пусть немного, но все же изменил ее.

В первое время Ирен просто вела Ивана в магазин и тыкала пальцем в то, что он должен был купить. Иван пытался сопротивляться, но Ирен говорила фразу, за которую он хотел ее убить:

«Нельзя же показывать всем, что ты из бедной семьи».

Убить Ирен не получилось и поэтому Иван подчинился. И неожиданно обнаружил, что Ирен стала его слушаться. Видимо она решила, что уже сделала из Ивана стильного мужчину и теперь он имеет право на мнение. Впервые услышав слово «пошленько», она почти обиделась. Иван стал пылко доказывать ей принципиальную разницу между «пошло» и «пошленько».

«Разница именно в приближении к опасной черте вульгарности. Но то, что пошленько, никогда не становится пошлым». – горячился Иван.

Ирен недоверчиво смотрела ему в глаза, опасаясь, что он в глубине души смеется над ней, а сейчас банально проговорился. Иван с ужасом и умилением наблюдал, как Ирен боится быть смешной, глупой, некрасивой. Иван понимал, что балансирует на опасной грани и если он сорвется, то жизнь его будет ужасна. И он применил подлый прием:

«Ты живешь на грани, одеваешься на грани. У тебя есть вкус, не позволяющий эту грань перейти. Но есть одно обстоятельство, перекрывающее все».

Иван спокойно смотрел Ирен в глаза и видел – она очень боится того, что он сейчас скажет, что он может сказать. Иван наслаждался паузой и сказал:

«Ты просто красивая баба и эти пошленькие шмотки тебе очень идут!»

¹¹² Лев Давидович Ландау, (1908 – 1968). Советский физик. Один из самых влиятельных ученых XX в. По мнению ряда культурологов, созданная им научная школа и его оригинальный юмор повлияли на появление в советской элите технократических взглядов, выразившихся в широко обсуждаемом в 1960-х гг противостоянии физиков и лириков, в котором физики заранее объявлялись победителями.

Иван рискнул и выиграл. Ирен – пусть только в магазинах – стала охотно ему подчиняться, а «пошленько» превратилось в ее любимое слово. Продавщицы обижались, а Ирен счастливо хохотала.

Продолжение следует.